

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 3 (93)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2021

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Баишева Зиля Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданын Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституци-

онного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, заместитель председателя Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего

профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник правового отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, врио заместителя начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мионов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Рос-

сийской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мукинова, д. 2.

Литературные редакторы Т. И. Матвеева. Техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, gio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 28.09.2021. Дата выхода в свет: 30.09.2021.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 19.3. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 75. Цена свободная.

BULLETIN
№ 3 (93) 2021 **of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs**
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Avdeeva Olga Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of the Foreign Language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of

Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Gribunov Oleg Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for Research).

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Chairman of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Chair of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Ilyin Dmitry Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Worker of Higher

Professional Education of the Russian Federation, Head of the Chair of Russian Philology of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for Legal Work) - Head of the Legal Department (Legal Department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Interim Deputy Head of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of English and Intercultural Communication, Department of Romance-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Training Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Chair of Organization of Operative-Detective Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher

Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Civil Law, Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Russian Federation, Dean of the Law Department of Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolay Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for Research).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors T. I. Matveeva, R. R. Gafarova, E. A. Ermolaeva. Layout T. I. Matveeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 28.09.2021. Release date: 30.09.2021.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 19,3. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 57. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	12
Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве	
<i>Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю.</i> Деятельность полиции Российской империи по борьбе с террористами-революционерами в начале XX века: по материалам убийства уфимского губернатора Н. М. Богдановича	12
<i>Иицук В. Г., Козлова А. А.</i> Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и в зарубежных странах: предпосылки зарождения и основные формы деятельности	19
<i>Нугуманов А. Р.</i> Деятельность комиссии В. Н. Муравьева по совершенствованию исполнительного производства в Российской империи в конце XIX в начале XX веков	24
Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право.	
<i>Гибадуллина А. А.</i> Особенности ответственности публично-правовых образований по обязательствам наследодателей за счет выморочного имущества	30
Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право.	
<i>Илиджев А. А.</i> Уголовно-правовая сущность фактического покушения на преступление и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	37
<i>Кобец П. Н.</i> Система государственных мер по противодействию рецидиву преступлений (опыт Японии)	44
<i>Туманов А. С.</i> Действие уголовного закона в пространстве при совершении краж из трубопроводов	51
Уголовный процесс	
<i>Буянтуев С. О.</i> Обеспечение безопасности участия адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу как гарантия реализации его прав	57
<i>Гимазетдинова И. Н.</i> Перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве: основные тенденции и перспективы применения	62
<i>Колесник В. В.</i> Обеспечение безопасности заключившего досудебное соглашение лица как гарантия реализации согласительной процедуры	68
Судебная деятельность. Прокурорская деятельность.	
Правозащитная и правоохранительная деятельность	
<i>Волыгин В. В.</i> Актуальные аспекты организации и проведения занятий по огневой подготовке в подразделениях по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите	73
<i>Ольшевский А. В., Мальшева Ю. В.</i> К вопросу о соотношении понятий «органы внутренних дел» и «полиция»	77
Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.	
Оперативно-разыскная деятельность	
<i>Захаров Н. Д.</i> О некоторых вопросах нормативного регулирования деятельности оперативных подразделений ОВД по выявлению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет	84
<i>Нугаева Э. Д.</i> О некоторых особенностях совершения мошенничества под видом оказания медицинских (косметологических) услуг, реализации косметологических и медицинских препаратов	91
Административное право. Административный процесс	
<i>Абазов А. Б., Файрушин Т. А.</i> О компетенции органов местного самоуправления в осуществлении противодействия молодежному экстремизму	99

<i>Кулеш Е. А., Сериченко Л. Е.</i> К вопросу об эффективности деятельности ОВД по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в современных условиях развития общества	105
<i>Малахов С. А.</i> Содержание и признаки системы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях	112
<i>Пролетенкова С. Е., Беликов А. П.</i> О качестве и эффективности модельного законодательства Содружества Независимых Государств в сфере национальной безопасности	117

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

<i>Байбурина Р. З.</i> «Стативы» как семантический тип предиката на примере английских глаголов положительной оценки	124
<i>Галиева Д. А., Науразбаева Л. В.</i> Некоторые проблемы обучения лексике английского языка	130
<i>Замальдинов В. Е.</i> Новообразования как продукт лингвокреативной деятельности журналиста	134

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Теория и методика профессионального образования

<i>Агафонов А. И.</i> Повышение эффективности техники прямых ударов ногами, выполняемых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, по результатам проведенных испытаний	139
<i>Долин В. А.</i> Православное нравственное богословие как концептуальная основа формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел: постановка проблемы	145
<i>Илакавичус М. Р., Селин П. В.</i> Теоретические основы развития сообщества воспитателей в непрерывном профессиональном образовании сотрудников и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России	151
<i>Литвинов В. А.</i> Некоторые вопросы оценки качества дистанционного обучения	159

Памятка	165
----------------------	-----

CONTENTS

Scientific articles and reports	12
--	----

Scientific articles and reports

<i>Aseev I. A., Karimov R. R., Karimova G. YU.</i> The activities of the police of the Russian empire in the fight against revolutionary terrorists at the beginning of the 20 th century: based on the materials of the assassination of N. M. Bogdanovich, the governor of Ufa	12
<i>Ishchuk V. G., Kozlova A. A.</i> The institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and in foreign countries: prerequisites for the emergence and main forms of activity....	19
<i>Nugumanov A. R.</i> Activities of the V. N. Muravyov's commission on the improvement of enforcement proceedings in the Russian empire at the end of the XIX – beginning of the XX centuries	24

Civil Law. Business Law. Family Law. International Private Law

<i>Gibadullina A. A.</i> Peculiarities of the liability of public law entities for the obligations of testators at the expense of escheat property	30
--	----

Criminal Law. Criminology. Penal Law

<i>Ildizhev A. A.</i> The criminal and legal essence of the actual attempted crime and its reflection in the rules of the Special part of the Criminal Legislation of the Russian Federation	37
<i>Kobets P. N.</i> The system of State Measures to Counteract the Recidivism of Crimes (Japanese Experience)	44
<i>Tumanov A. S.</i> The Effect of the Criminal Law in the Space when Committing Thefts from Pipelines	51

Criminal Procedure

<i>Buyantuev S. O.</i> Ensuring the security of defense lawyer's participation in pre-trial criminal proceedings as a guarantee of the exercise of their rights	57
<i>Gimazetdinova I. N.</i> Prospects for the use of an electronic criminal case in criminal proceedings: main trends and prospects of application	62
<i>Kolesnik V. V.</i> Ensuring the security of the person entering into the pre-trial agreement as a guarantee of conciliation	68

Judicial Activity. Prosecution Activity. Law Enforcement Activity

<i>Volygin V. V.</i> Topical aspects of organizing and conducting fire training classes in units to provide the safety of persons under State protection	73
<i>Olshevskiy A. V., Malysheva Y. V.</i> On the question of the relationship between the concepts of the internal affairs bodies and the police	77

Criminalistics. Forensic Activity. Operative Detective Activity

<i>Zakharov N. D.</i> Some issues of regulating the activities of the operational divisions of Internal Affairs of Russia on detecting crimes against the sexual integrity of minors committed using the Internet....	84
<i>Nugaeva E. D.</i> About some features of committing fraud under the guise of providing medical (cosmetic) services, the sale of cosmetic and medical products	91

Administrative Law. Administrative Procedure

<i>Abazov A. B., Fayrushin T. A.</i> On the competence of local authorities in countering youth extremism	99
<i>Kulesh E. A., Serichenko L. E.</i> To the question of organization of the activities of universal universals of the internal affairs with preventive families: bases and current state	105

<i>Malakhov S. A.</i> Content and signs of the legislation system of the Russian Federation on administrative offenses	112
<i>Proletenkova S. E., Belikov A. P.</i> On the quality and efficiency of the CIS model legislation in the field of national security.....	117

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

<i>Baiburina R. Z.</i> “Statives” as a semantic type of predicate on the example of English verbs of positive assessment	124
<i>Galieva D. A., Naurazbaeva L. V.</i> Some problems of teaching English vocabulary	130
<i>Zamaldinov V. E.</i> Innovation as a product of linguistic and creative activity of a journalist.....	134

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.

Theory and Methods of Vocational Education

<i>Agafonof A. I.</i> Improving Efficiency of the Technique of Direct Kicks Performed by Employees of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation, According to the Results of the Carried out Tests	139
<i>Dolin V. A.</i> Orthodox moral theology as a conceptual basis for the formation of the anti-corruption competence of an employee of the Internal Affairs bodies: the formulation of the problem	145
<i>Ilakavichus M. R., Selin P. V.</i> Theoretical bases for the development of a community of educators in continuous professional education of employees and pedagogical workers of the Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	151
<i>Litvinov V. A.</i> Some questions of distance learning quality assessment	159

Instruction	165
--------------------------	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 343.985.7:343.326(470.57-25)"1903"

И. А. АСЕЕВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

I. A. ASEEV, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of History, Associate professor (Ufa)

Р. Р. КАРИМОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

R. R. KARIMOV, Head of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate professor (Ufa)

Г. Ю. КАРИМОВА, доцент кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. YU. KARIMOVA, Assistant professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Candidate of Law (Ufa)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ УБИЙСТВА УФИМСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н. М. БОГДАНОВИЧА

THE ACTIVITIES OF THE POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIGHT AGAINST REVOLUTIONARY TERRORISTS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: BASED ON THE MATERIALS OF THE ASSASSINATION OF N. M. BOGDANOVICH, THE GOVERNOR OF UFA

Аннотация. Начало XX столетия в России отмечается всплеском политического террора и активизацией деятельности революционно настроенных организаций. В статье рассматривается деятельность боевой организации партии социалистов-революционеров по подготовке и проведению покушения на уфимского губернатора Н. М. Богдановича. Отдельное внимание уделено работе полиции

по расследованию данного преступления. В статье детально воссоздан ход событий 6 мая 1903 года, рассмотрена деятельность специальной группы полиции, прибывшей из Санкт-Петербурга для поимки преступников. В качестве основного вывода, к которому пришли авторы исследования, можно обозначить тот факт, что местная полиция по своим профессиональным качествам была не готова к подобному видам преступлений. Статья подготовлена на основе общепризнанных научных методов: анализа и синтеза историографических фактов и исторических источников, индукции, позволяющей проделать путь от рассмотрения частных факторов к общим выводам.

Ключевые слова и словосочетания: полиция Российской империи, Уфимская губерния, Н. М. Богданович, социалисты-революционеры.

Abstract. The beginning of the 20th century in Russia is marked by an outburst of political terror and the intensification of the activities of revolutionary-minded organizations. The article examines the activities of the militant organization of the Socialist Revolutionary Party in preparing and carrying out an assassination attempt on Ufa governor N.M. Bogdanovich. Special attention is paid to the work of the police to investigate this crime. The article recreates in detail the course of events on May 6, 1903, examines the activities of a special police group that arrived from St. Petersburg to catch criminals. The authors concluded that the local police, in terms of their professional qualities, were not ready for this type of crime. The article was based on the generally recognized scientific methods: analysis and synthesis of historiographic facts and historical sources, induction, which allows one to go from considering particular factors to general conclusions.

Key words and phrases: police of the Russian Empire, Ufa province, N.M. Bogdanovich, Socialist Revolutionaries.

6 мая (по старому стилю) 1903 года в день именин Его Императорского Величества Николая II в г. Уфе в городском Ушаковском парке во время ежедневной прогулки около четырех часов дня был застрелен губернатор Николай Модестович Богданович.

Это было очередное покушение на жизнь государственного чиновника высокого ранга. Созданная в начале 1902 года партия социалистов-революционеров и ее боевая организация во главе с Григорием Гершуни развернула тотальную войну против существующего строя путем ликвидации тех ее представителей, которые были признаны преступными и опасными врагами свобод до тех пор, пока власть не поймет, что самодержавие не сохранить. Так, 2 апреля 1902 года был убит Министр внутренних дел Д. С. Сипягин, 29 июля было совершено покушение на губернатора И. М. Оболенского, готовились террористические акты против обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, заведующего Особым отделом Департамента полиции С. В. Зубатова, петербургского губернатора Н. В. Клейгельса. Террор в отношении крупных государственных лиц сопровождался печатными комментариями, в частности, листовками боевой

организации в которых излагались мотивы убийства. В нелегальной газете партии социалистов-революционеров «Революционная Россия» публиковались приговоры и другие материалы, касающиеся преступных деяний тех государственных лиц, в отношении которых были вынесены эти смертные приговоры. Таким образом, убийство уфимского губернатора стало очередным громким политическим преступлением.

На следующий день после убийства уфимского губернатора столичные газеты писали: «Сегодня в 4-м часу дня в городском парке двумя злоумышленниками девятью пулями убит губернатор Богданович. Телеграф принёс весть о новом гнусном злодеянии, жертвой которого стал один из просвещёнейших и гуманнейших русских губернаторов Н. М. Богданович, хорошо знакомый Петербургу как бывший начальник Главного тюремного управления» [1]. «История нашей современности обогатилась ещё одной гнусной и постыдной страницей, убийством ожесточённым и злобным, с излишним количеством выпущенных пуль, с подчёркиванием политического его характера посредством совершения его в день Царского праздника» [2].

В свою очередь 15 мая 1903 года в нелегальной газете партии социалистов-революционеров «Революционная Россия» появилось сообщение: «13 марта 1903 года по приказанию уфимского губернатора Н. М. Богдановича войска стреляли в толпу бастовавших рабочих Златоуста, не переставая преследовать залпами даже бегущих. Было убито на поле 28 человек, ранено около двухсот... Среди убитых и раненых оказалось немало случайных свидетелей трагедии, женщин и маленьких детей... 6 мая, по постановлению Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО ПСР), двумя его членами был убит уфимский губернатор Н. М. Богданович» [3, с. 88].

Инициатором этого террористического акта и его подготовкой являлся глава БО ПСР Григорий Гершуни. Это выяснилось документально после его задержания. 13 мая около шести часов вечера на станции Киев-второй глава БО ПСР Григорий Гершуни был арестован.

При обыске у Гершуни было изъято два паспорта, один из них на имя М. В. Тарасенко, другой заграничный на имя мещанина Р. Н. Раба, написанные синим химическим карандашом на восковой бумаге прокламации Киевского комитета и БО ПСР о покушении на Н. М. Богдановича, о волнениях в Златоусте, заряженный браунинг, две записные книжки с шифрованными пометками, шестьсот рублей и пятьсот франков, черновик написанной им неоконченной прокламации «Ко всей сознательной и трудовой России», в которой говорилось: «В то время, когда я пишу эту прокламацию, т. е. 6 мая, убийца еще в Уфе, но в сравнительной безопасности». Там же был изложен текст «Приговора Боевой Организации», идентичный тексту, найденному на теле убитого губернатора [4, с. 190]. Таким образом, стало понятно, что Гершуни ехал из Уфы и что именно он являлся организатором убийства уфимского губернатора Н. М. Богдановича.

Согласно материалам предварительного следствия в этот же день в 16 ч. 30 мин. к судебному следователю второго участка г. Уфы явился городской и доложил, что в

верхней аллее городского парка убит губернатор и его тело находится на месте преступления. Далее тело было доставлено в дом губернатора, находившийся рядом с парком. Судебным следователем и двумя врачами был проведен медицинский осмотр. Также была обследована одежда губернатора: черное шевиотовое пальто, сюртук, жилет, черные суконные брюки, белая рубашка и сапоги. На теле было обнаружено восемь входящих пулевых ранений. Было отмечено, что одежда имеет значительные следы крови. Важной деталью было то, что среди имевшихся при себе личных вещей губернатора находилось портмоне с небольшим количеством денег (41 коп. и 10 коп. двумя монетами) [5].

Медицинское вскрытие тела губернатора было произведено на следующий день после убийства в доме покойного. Было установлено, что две пули попали в сердце, четыре пули в легкие, две пули поразили печень, желудок и руку. Вместе с тем в своем дневнике жена генерала Е. В. Богдановича, хозяйка известного столичного салона пишет: «Говорила сегодня с Плеве про убийство уфимского Богдановича. Плеве говорил, что он был убит девятью пулями. Две пули попали в руку, а остальные семь все были смертельны: прострелены были четырьмя пулями легкие, двумя – сердце, печень и желудок» (9 мая 1903 года) [6, с. 284]. Рядом с телом убитого губернатора был найден пакет, в котором находился смертный приговор БО ПСР: «Выполняя лежащий на ней гражданский долг, Боевая организация Партии социалистов-революционеров считает себя вынужденной приговорить виновника зверской расправы над златоустовскими рабочими уфимского губернатора Н. М. Богдановича к смерти. С.-Петербург, 27 марта 1903 г.» [7, с. 88].

Таким образом, с самого начала следствия было понятно, кто исполнитель и каковы мотивы убийства. Впоследствии выяснилось, что одна из пуль, которую извлекли, имела крестообразный надрез. Это была особая метка, свидетельствующая о том, что теракт совершила БО ПСР.

Террористические акты, осуществленные БО ПСР, вызвали крайнюю обеспокоенность власти и лично императора Николая II. Были приняты беспрецедентные меры по розыску Гершуни. Его активность в передвижении по стране и планы были достаточно хорошо известны руководителям Департамента полиции благодаря Е. Ф. Азефу (в то время уже секретному сотруднику полиции).

Начальник киевского охранного отделения А. И. Спиридович, арестовавший Гершуни, в своих мемуарах дал ему следующую характеристику: «Григорий Андреевич Гершуни, являлся создателем и диктатором боевой организации партии социалистов-революционеров. Он организовал убийство Сипягина и покушение на Оболенского, подготовлял убийство Победоносцева и Клейгельса... Убежденный террорист, умный, хитрый, с железной волей, Гершуни обладал исключительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним. Его гипнотизирующий взгляд и вкрадчивая убедительная речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников. Человек, над которым начинал работать Гершуни, вскоре подчинялся ему всецело и делался беспрекословным исполнителем его велений» [8, с. 119 – 120].

История создания БО ПСР – это фактически единоличная заслуга Гершуни, который рекрутировал молодых людей по собственной инициативе, готовых в любой момент быть вызванными для совершения какого-либо дела. Вероятнее всего именно по этому принципу исполнителем приговора был назначен слесарь железнодорожных мастерских в городе Уфе 20-летний Егор Дулебов, который еще в 1901 году вошел в революционный кружок рабочих, возглавляемый Егором Созоновым, будущим убийцей В. К. Плеве.

Спустя несколько дней после убийства губернатора полиция, обеспокоенная отсутствием рабочего железнодорожного депо Егора Дулебова, произвела у него на квартире обыск. Было найдено письмо, в котором

он объяснял причины, побудившие его на убийство уфимского губернатора Богдановича. Приведем текст данного письма: «Товарищи, думаю, что мне не нужно объяснять вам, почему я иду убивать уфимского губернатора, думаю, что вы хорошо понимаете, что это необходимо. Нельзя допускать, чтобы нас давили, как рабов, нельзя допускать, чтобы нашу кровь проливали, как воду. А за свою свободу, за свое счастье мы должны сами бороться. Но я хочу, товарищи, сказать вам одно: я иду выполнить приговор боевой организации не потому, что не верю в рабочее движение, и сознаю, что если не будем наказывать разбойников и палачей народа, то падет дух, и мы не будем двигаться вперед. <...> А за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей. <...> Боритесь же, товарищи, не покладая оружия до тех пор, пока не разлетится в прах русское самодержавие» [9, с. 120 – 121].

Активность Г. Гершуни по вербовке новых сторонников политического террора, особенно в среде молодежи, была колоссальной. Находясь в нелегальном положении, он разъезжал по всей России в поиске новых сторонников. Известно, что Боевая организация по своему составу была немногочисленной: не более 15 – 17 человек. Подготовка покушения на того или иного представителя власти осуществлялась при непосредственном участии Гершуни, а зачастую только им одним. Он тщательно подбирал кандидатов, выяснял их надежность и решимость, например, провоцировал, пытаясь отговорить от участия в теракте, таким образом проверяя, насколько тот или иной кандидат готов пожертвовать собой и своей жизнью в случае ареста. Главную свою задачу он видел в психологической подготовке прямого исполнителя, сопровождении его к месту осуществления теракта и контроле за ним. Непосредственно в том или ином покушении Гершуни, как правило, участия не принимал. После некоторых неудачных и неосуществленных покушений и после ареста его ближайших помощников по боевой организации П. П. Крафта и М. М. Мельникова он стал еще более осторожен и недоверчив.

Важнейшим пропагандистским элементом в деятельности партии социалистов-революционеров, по мнению Г. Гершуни, являлись такие теракты, которые максимально эффективно воздействовали на общество, когда негативный резонанс от преступных деяний самодержавной власти в общественном мнении еще не утих и актуален. Этот фактор был определяющим при решении о покушении на уфимского губернатора. Выбор кандидатов на осуществление этого теракта также был обусловлен тем, что в Уфе находилось значительное количество ссыльных и политически неблагонадежных подданных Российской империи, в частности отделение «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров», в котором состояли впоследствии задержанные в ходе расследования В. В. Леонович, А. А. Бельский, Н. Н. Плаксин, А. Е. Морозов. Вероятно, по заданию главы Гершуни члены Уфимского комитета выслеживали Богдановича, обеспечивали прибывших террористов квартирами, прикрывали их, изучали топографию и местность с целью наиболее оптимального отхода после покушения.

Вместе с тем, учитывая опыт предыдущих неудачных покушений Гершуни привлек нескольких исполнителей. Так Гершуни договорился с Азефом, чтобы тот подобрал и прислал людей для совершения террористического акта. В короткий срок им было найдено три добровольца для отправки в Уфу. Но вся группа была арестована в Двинске по пути в Уфу, Л. Д. Варенов и Я. Г. Загородний дали показания, что они действительно направлялись в Уфу и должны были там встретиться с Гершуни. Б. Николаевский в известном своем труде пишет, что исполнителями покушения были местные: железнодорожный рабочий Дулебов и некий человек, называвшийся «Апостол», личность которого до сих пор неизвестна.

Вместе с тем по материалам столичной команды возглавляемой Е. П. Медниковым, прибывшей в Уфу для выяснения обстоятельств смерти уфимского губернатора и поиска преступников, мы видим, что была

проведена в высшей степени кропотливая работа. Допрошено было более 70 свидетелей, 19 из которых арестовали, но, в конечном счете, после долгих допросов отпустили.

Стало известно, что перед приездом в Уфу Гершуни встречался с неким И. В. Ивиным. Как установили местные жандармы, Ивин Иван Петрович прибыл в Уфу железнодорожным транспортом 3 мая, поселился в номерах Коровина, 6 мая отбыл из города в неизвестном направлении. По описанию прислуги его приметы частично совпадали с внешними данными Григория Гершуни, который также прибыл из Казани в Уфу 3 мая и остановился у А. А. Бельского, своего соратника по Киевскому университету.

Картина преступления выглядела следующим образом. Уфимский губернатор Н. М. Богданович 6 мая 1903 года, около трех часов дня вышел на ежедневную прогулку в Ушаковский парк. Гулял он один и в таких аллеях парка, где было мало народа. Сопровождал губернатора, как правило, городской, который издали видел двух молодых людей, один из которых шел сзади губернатора, другой навстречу ему. Все было четко рассчитано и точно отрепетировано. Сблизившись с жертвой, тот, который был сзади губернатора, дважды выстрелил и тут же быстрым шагом пошел к калитке, выходящей на Соборную площадь, около Семинарского сада свернул вниз по Воскресенской улице, где его ждала пролетка. Богданович упал, тогда в него, уже лежащего, в упор стрелял второй. Разрядив пистолет, он бросил пакет с приговором БО ПСР. Затем второй перескочил через изгородь и бросился к Соборной площади. Около Семинарского сада, побежал вверх по Ильинской улице до Гоголевской, по ней вдоль стены Семинарского сада до Воскресенской улицы и далее, повернув направо, скрылся в овраге. До оврага его преследовал сторож, но по словам очевидцев бегущий пригрозил «револьвером» и сторож, испугавшись, отстал.

В ходе следствия было установлено, что в качестве орудия убийства был использован пистолет «Браунинг» М 1900, который был самым популярным оружием у террори-

стов и имел магазин на семь патронов. На теле губернатора имелось не менее восьми пулевых ранений, поэтому вероятнее всего стрелков было не менее двух. Непосредственным участникам убийства губернатора удалось скрыться.

После покушения Е. О. Дулебов скрывался в Екатеринбурге, Саратове, Баку, в 1904 году вошел в состав боевой организации и участвовал в покушении на В. К. Плеве. Он был арестован, заболел нервным расстройством, перешедшим в психическое заболевание. В 1908 году в возрасте 25 лет Е. О. Дулебов скончался в психиатрической больнице под фамилией Агапов, так и не раскрыв своего настоящего имени.

И. П. Ивин, второй участник покушения (по некоторым предположениям был военным), так и не был пойман и после ареста Гершуни, когда боевая организация прекратила свое существование, бесследно исчез.

Следствие не сумело собрать документальные улики причастности к покушению арестованных в мае 1903 года В. В. Леоновича и А. Е. Морозова, через 10 месяцев они были освобождены. Остальные члены Уфимского комитета партии отделались краткосрочными задержаниями.

В своих мемуарах один из лидеров партии социалистов-революционеров В. М. Чернов пишет, что Гершуни удалось скрыться от преследования. В тот же день он выехал из Уфы «на глазах жандармерии в составе провожаемой мнимой новобрачной пары, с букетом цветов». Вот как описывается бегство Гершуни. В половине десятого вечера к железнодорожному вокзалу подъехал свадебный кортеж в сопровождении большой веселой компании. Жених подтянут, растительность на подбородке от усов отделена, щеки тщательно выбриты, французская бородка, невеста с серо-зелеными огромными лучистыми глазами, со строгим взглядом, прозрачным, бледным, тонким лицом и золотыми косами. Жених с невестой благополучно выехали в г. Невьянск. «Жених», – Григорий Гершуни, «невеста» – известная личность Прокофьева Мария Алексеевна, член Партии социалистов-революционеров,

невеста ссыльного Созонова Егора, также члена Партии социалистов-революционеров [10, с. 159].

Николая Модестовича Богдановича похоронили в Санкт-Петербурге 15 мая 1903 года рядом с отцом, военным историком и генерал-лейтенантом. На похоронах присутствовал Министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве, по протекции которого Н. М. Богданович был назначен губернатором Уфимской губернии. На месте гибели губернатора была поставлена часовня.

Таким образом, с арестом Г. Гершуни завершился первый период деятельности Боевой организации Партии социалистов-революционеров. Его заключительным актом стало покушение на уфимского губернатора Н. М. Богдановича. План покушения был тщательно разработан и, к сожалению, успешно осуществлен. Террористам удалось скрыться с места преступления. Этот факт свидетельствовал о том, что розыскные органы в Уфимской губернии практически не работали, внутренняя и внешняя агентура существовала только на бумаге, а доставлявшиеся Департаменту полиции сведения о противоправительственных кружках в Уфе не заключали в себе сколько-нибудь определенных данных. Мало было опытных офицеров по наружному наблюдению, вербовке агентуры, разработке секретных сведений.

Для предотвращения покушения на губернаторов Департаментом полиции была разработана специальная инструкция, предусматривающая определенные правила приема посетителей. Неизвестные посетители допускались к губернатору только после предварительного тщательного ознакомления с ними и наблюдения в одной из входных комнат. Записавшихся на прием к губернатору предварительно проверяли: адреса и личности. Посетители по одному входили в приемную, при этом не менее трех сотрудников присутствовали во время приема под видом курьеров или чиновников. Располагались они с разных сторон в трех-четыре шагах от губернатора и посетителя, готовые схватить его при подозрительных действиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое Время. 1903. 20 (7) мая.
2. С.-Петербургские Ведомости. 1903. 21 (8) мая.
3. Уфимское губернское жандармское управление 1873 – 1917 : док. и материалы / авт.-сост. : Т. В. Исмагилов, А. В. Ключев, А. С. Масалимов, Г. В. Мордвинцев, М. И. Роднов, В. П. Федяшин (рук.). Уфа : Полиграфдизайн, 2012. – 548 с.
4. Шифротелеграмма начальника киевского охранного отделения А. И. Спиридовича директору Департамента полиции А.А. Лопухину о задержании Г. А. Гершуни // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. – 520 с.
5. Роднов М. Златоустовская трагедия 1903 года. Свидетельства очевидцев. URL: <http://uraloved.ru/istoriya/zlatoustovskaya-tragediya> (дата обращения: 07.09.2021).
6. Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. – 604 с.
7. Приговор БО ПСР уфимскому губернатору Н. М. Богдановичу. Революционная Россия. 1903, 1 июня. // Уфимское губернское жандармское управление 1873 – 1917: док. и материалы / авт.-сост. : Т. В. Исмагилов, А. В. Ключев, А. С. Масалимов, Г. В. Мордвинцев, М. И. Роднов, В. П. Федяшин (рук.). Уфа : Полиграфдизайн, 2012. – 548 с.
8. Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. – 268 с.
9. Савинков Б. В. Избранное. М., 1990. – 432 с.
10. Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2004. – 416 с.

© Асеев И. А.
© Каримов Р. Р.
© Каримова Г. Ю.

УДК 342.518:342.7(470+100)

В. Г. ИЩУК, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Рязань)

V. G. ISHCHUK, Instructor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Ryazan)

А. А. КОЗЛОВА, старший преподаватель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)

A. A. KOZLOVA, Senior Instructor of the Chair of Human Rights and International Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law (Moscow)

**ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ:
ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THE INSTITUTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN FOREIGN COUNTRIES:
PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND MAIN FORMS OF ACTIVITY**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с историческими предпосылками зарождения, развития и становления института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и зарубежных странах, анализируется терминология, присущая институту омбудсмена, предпринимается попытка проследить взаимосвязь между исконным термином омбудсмен и российским Уполномоченным, актуализируются вопросы необходимости и значимости наличия и деятельности института омбудсмена в условиях функционирования современной правовой действительности, исследуются основные формы деятельности Уполномоченного с позиции их исторического закрепления и актуального состояния, разъясняется стратегическая важность правового просвещения населения Уполномоченным по правам человека в современной России.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, права человека, омбудсмен, формы деятельности Уполномоченного, предпосылки развития, сравнительно-правовой анализ.

Abstract. The article discusses issues related to the historical prerequisites for the origin, development and formation of the institution of the Ombudsman in the Russian Federation and foreign countries, analyzes the terminology inherent in the institution of the ombudsman, makes an attempt to trace the relationship between the original term "ombudsman" and the Russian Ombudsman, actualizes the issues of necessity and significance of the existence and activities of the ombudsman institution in the context of the functioning of modern legal reality, investigates the main forms of the Ombudsman's activities from the standpoint of their historical consolidation and current state, explains the strategic importance of legal education of the population by the Ombudsman in modern Russia.

Key words and phrases: Commissioner for human rights, human rights, ombudsman, forms of activity of the Commissioner, prerequisites for development, comparative legal analysis.

В жизни любого современного члена общества права и свободы являются одной из наиболее высоких и значимых социально-правовых ценностей, а соблюдать, защищать и создавать различные механизмы для их реализации обязано государство, которое формирует различные инстанции с обширным функционалом для обеспечения подобной деятельности. Если еще совсем недавно, около века назад, человечество и мировое демократическое сообщество признавало лишь определенный круг прав человека, то в настоящий момент, ввиду повсеместного и стремительного развития общественных отношений, появления новых сфер социально-правовой действительности, данный круг существенным образом расширился, в связи с чем в условиях развития современной правовой действительности приходится уделять данной деятельности гораздо больше внимания и использовать различные механизмы для обеспечения эффективной и всесторонней защиты в указанной сфере жизни социума [1, с. 13].

К сожалению, вынуждены констатировать, что ежедневно во всем мире фиксируются те или иные нарушения базовых и фундаментальных прав, которые даются каждому от рождения. Что же говорить о так называемых «специальных» или «приобретенных» правах, которые человек получает в процессе своей жизнедеятельности, личного развития, достижения определенного возраста, получения специальных знаний, навыков и умений, которые образуют то или иное право. Указанные права нарушаются еще чаще, и, скорее всего, полностью искоренить и устранить возникающие случаи нарушений практически невозможно, однако мировое сообщество в целом и каждое демократическое правовое государство в частности может создавать условия для существенного снижения частоты противоправного поведения. Подчеркнем, что в указанном направлении за последние десятилетия уже достигнуты немалые успехи. Тем не менее, подобную работу над снижением частоты противоправных проявлений во всем мире необходимо продолжать еще

более интенсивно и по всем возможным направлениям.

Первостепенным и уникальным по своей природе является институт омбудсмана, который в рамках российского правового поля именуется как «Уполномоченный». Мировому сообществу известны различные омбудсманы, которые осуществляют правозащитную деятельность, направленную на определенную более или менее узкую социальную группу. Например, в различных странах активное распространение получили такие специализированные омбудсманы, как детский омбудсмен, бизнес омбудсмен (по защите прав предпринимателей), студенческий омбудсмен, омбудсмен для пенсионеров, военный омбудсмен и так далее [2, с. 268]. Мы перечислили лишь наиболее популярные и часто встречающиеся виды омбудсменов, однако их значительно больше в современной мировой практике. Как мы видим, общемировая практика складывается таким образом, что деление омбудсменов происходит на основании необходимости защиты той или иной социальной группы, которая требует дополнительного внимания и защиты со стороны государства, ввиду того, что их права и свободы часто нарушаются и ограничиваются. Логика действий понятна – потребность в дополнительной защите обусловлена надобностью в дополнительном правовом обеспечении и защищенности, а также важности нормальной жизнедеятельности конкретной социальной группы для всего общества.

Однако наибольшее распространение во всем цивилизованном, демократическом, правовом мире получил институт омбудсмана, или Уполномоченного по правам человека. Подобная популярность и распространенность легко объяснима всеобъемлющим характером правозащитной деятельности данного вида омбудсмана, так как Уполномоченный по правам человека защищает права и свободы всех граждан и иных физических лиц на территории конкретного государства, вне зависимости от их возраста, социального статуса, рода деятельности, профессии и иных личностных характеристик [3, с. 112].

Тогда как специализированные омбудсмены, в свою очередь, выполняют узконаправленную правозащитную деятельность в рамках представления и охраны интересов определенной социальной группы.

Отдельного внимания заслуживает внесение ясности в терминологию в рамках данного исследования. Мы уже упоминали, что термины «омбудсмен» и «Уполномоченный» обладают общей правовой природой, однако имеют разные происхождения. Корневым и базовым является термин «омбудсмен», который имеет шведское происхождение, применяется в данном государстве и по сей день. Правовой анализ свидетельствует о том, что, помимо Швеции, рассматриваемый нами институт именуется институтом омбудсмена в большинстве стран «скандинавской группы», странах англосаксонской правовой семьи – США и Канаде, а также в Индии. Синонимами омбудсмена для обозначения аналогичных институтов в различных зарубежных странах являются термины представитель, поверенный, защитник и даже адвокат. Все это свидетельствует о том, что независимо от наименования и терминологии фундамент деятельности и целевая составляющая рассматриваемого нами института остаётся прежним. Это наиболее важная особенность, которую в обязательном порядке необходимо учитывать [4, с. 221].

Уполномоченный по правам человека нашел активное распространение в большинстве современных мировых государств, отдающих предпочтение демократическим принципам построения государственного и общественного управления. Но любое исследование будет лишено практической составляющей, если не будут затронуты конкретные формы деятельности, присущие объекту исследования. В данном случае представляет интерес рассмотрение форм деятельности омбудсменов во всем мире с позиции сравнения и сопоставления. Под подобными формами понимаются закрепленные в рамках действующего международного и национального законодательства отдельные механизмы и способы выражения

функциональной составляющей Уполномоченного по правам человека, с помощью которых он осуществляет свою правозащитную и охранительную деятельность.

Начать рассмотрение целесообразнее всего с родины омбудсмена – Швеции. Изначально в своём первоначальном виде в Швеции так принято было обозначать человека, который на правах избранного гражданами лица собирал денежные средства с убийц в пользу потерпевшей стороны. Прямой перевод со шведского языка свидетельствует, о том что омбудсмен – это доверенное лицо, которое восстанавливает нарушенную справедливость и действует на законных основаниях. С течением времени, развитием законодательства и происходящими изменениями в различных сферах жизни общества омбудсмен плавно отошёл от своей базовой функциональной нагрузки и стал использоваться парламентом для осуществления надзора за действиями администрации. Данная цель деятельности омбудсмена даже была зафиксирована в Конституции Швеции. Ввиду развития и преобладания демократической мысли в Швеции и иных европейских странах институт омбудсмена приобрёл иной смысл, состоящий в защите базовых прав человека, полученных им с самого рождения. Впоследствии по мере развития демократического течения в Швеции и даже в Европе омбудсмен стал специализироваться на защите фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, которые даются ему от рождения. Возвращаясь к современным шведским реалиям, отметим, что омбудсмен в Швеции сегодня – это, прежде всего, правозащитный институт, действующий от имени государства. В этом прослеживается некое сходство с его российским коллегой.

Катализатором распространения института омбудсмена в других странах стала потрясшая мировое сообщество Вторая мировая война в середине XX века. Тогда произошли различные изменения во многих сферах жизни общества, в том числе и сфере прав человека. Образовавшиеся межправительственные организации, принятые нормативно-правовые акты международного

уровня, разговоры о человеке и важности его правовой защиты на каждом мировом саммите – всё это не могло не сказаться и на национальном законодательстве, которое начало стремительно меняться. Демократические принципы, и без того проникавшие повсеместно и стремительно, получили еще более существенную подпитку в виде правозащитных институтов, основным среди которых стал институт омбудсмана. Данный институт стал неким гарантом эффективного функционирования демократической системы во всем мире, основной надеждой на то, что человек и его права и свободы действительно являются высшей ценностью. За прошедшие 70 лет мы наблюдаем следующую картину: сегодня уже более чем в ста развитых странах мира, исповедующих демократические начала, на постоянной основе функционирует институт Уполномоченного. Суммируя общемировой опыт работы рассматриваемого института, который накопился за последнюю половину века, не трудно заметить, что омбудсмен принял на себя роль столь важного связующего звена между государственными органами, которые изначально находятся в неравном административно-правовом положении по отношению к простым гражданам, и населением. Воздействуя на правосознание граждан, омбудсмены не только защищают их, но и повышают правовую осведомленность и культуру, что в современных условиях представляется не менее значимым.

Применительно к отечественному опыту возникновения и развития института Уполномоченного по правам человека отметим, что само его появление без преувеличения следует относить к числу важнейших достижений в рамках формирования демократической политики в нашей стране. Все началось еще 30 лет назад, когда в России произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни общества [5, с. 10]. После принятия Конституции Российской Федерации и появления в ней статей 45 и 103 вопрос о создании института омбудсмана казался решённым, однако полноценное юридическое закрепление институт Уполномоченного

получил лишь в 1997 году в результате принятия рамочного Федерального конституционного закона (далее – ФКЗ). Особенностью введение в российскую правовую систему рассматриваемого института является тот факт, что первые Уполномоченные появились отнюдь не на федеральном уровне, а на уровне субъектов Российской Федерации [6, с. 3]. Объяснение подобному решению мы видим в том, что законодатель принял решение первоначально апробировать новый для российской правовой системы институт на региональном уровне и, увидев что эксперимент имеет положительный эффект, параллельно разрабатывая ФКЗ, учредил его и на федеральном уровне.

Углубившись в анализ развития института омбудсмана на территории нашей страны и за рубежом, мы установили, что основной и фундаментальной формой, которая сохранила своё первостепенное значение, несмотря на многочисленные преобразования в самом институте омбудсмана, является содействие восстановлению нарушенных прав и свобод человека. Данная форма была и остаётся актуальной и для Российской Федерации, и для всех зарубежных государств [7, с. 45]. По сути, при зарождении института омбудсмана в зарубежных странах именно она была единственной, но с течением времени делилась на различные методы и способы. Подобное положение дел неслучайно, так как рассматриваемая форма в наибольшей степени направлена на реализацию целевой составляющей деятельности института омбудсмана в его традиционном виде. Конечно же в зависимости от особенностей правовой системы конкретного государства указанная форма имеет определённые отличия, состоящие в механизме и принципах её реализации, однако фундаментальное значение остаётся идентичным.

Институт омбудсмана стал активным образом развиваться и постепенно приобретать новые формы вследствие активного его распространения института во всем мире. Это сказалось и на формах деятельности. Ввиду того что омбудсмен непосредственным образом связан с деятельностью по обе-

спечению исполнения законодательства о правах человека, совсем не удивительно, что введение данного института была отведена функция по совершенствованию соответствующего направления законодательства. Исторический период наиболее активного распространения данной формы пришёлся на вторую половину прошлого века, когда происходило бурное заимствование института омбудсмана. В России рассматриваемая форма деятельности Уполномоченного была закреплена в ФКЗ сразу же в момент принятия в 1997 году и по сей день не теряет своего высокого значения. Существует отдельный механизм, согласно которому Уполномоченный вправе выдвигать предложения по совершенствованию законодательства о правах человека [8, с. 74].

Отдельного внимания заслуживает такая форма деятельности омбудсмана, как осуществление правового просвещения населения об объеме и составляющей прав человека и законных способах их защиты. Важность рассматриваемой формы основывается на одной из причин нарушения прав человека, которая заключается в том, что сами граждане не обладают крайне отдалённым представлением о них, не говоря уже о юридической осведомлённости относительно способов защиты. Соответственно, Уполномоченный как официальное лицо, осуществляющее защиту прав, обязан проводить профилактическую, разъяснительную работу по правовому просвещению, повышению правовой культуры населения. Если граждане будут обладать высоким уровнем правовой грамотности, то они смогут чувствовать себя увереннее в отношениях с органами государственной власти, защищая принадлежащие им права. Следовательно, омбудсмен, осуществляя правовое просвещение населения и повышая уровень правовой культуры

граждан, обеспечивает защиты их прав от противоправных посягательств, таким образом граждане становятся более грамотными относительно объема принадлежащих им прав и легитимных способов их защиты. В рамках зарубежного опыта указанная форма также активно распространялась еще в прошлом веке, а в нашей стране она приобретает особенную актуальность именно сейчас [9, с. 816].

Резюмируя проведённое исследование, нам удалось установить, что, зародившись в Швеции, институт омбудсмана распространил своё влияние на большинство современных развитых государств, которые посредством рецепции благоприятно переняли успешный скандинавский опыт. Применительно к формам деятельности Уполномоченного отметим, что первоначально в зарубежных государствах преобладала единственная форма – содействие восстановлению нарушенных прав и свобод человека. С течением времени она приобретала новые очертания и способы выражения, но её основная суть оставалась неизменной. Далее в процессе развития данного института появились еще две формы, которые постепенно нашли отражение в законодательстве большинства зарубежных стран и Российской Федерации, – это совершенствование законодательства о правах человека и гражданина в пределах ведения Уполномоченного и осуществление правового просвещения населения об объеме и составляющей прав и свобод человека и гражданина и закрепленных действующим законодательством методах защиты указанных прав. В настоящий момент именно эти три формы составляют основу деятельности Уполномоченного по правам человека в рамках обеспечения и защиты прав человека как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирикова Э. И. Понятие и развитие прав человека // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 2. С. 11 – 18.
2. Дёмина Е. П. Сравнительный анализ деятельности Уполномоченного по правам человека и омбудсмана в зарубежных странах // Образование и право. 2019. № 12. С. 265 – 271.

3. Демидов М. В. Понятие института Уполномоченного по правам человека и его место в правозащитном механизме государства // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1. С. 110 – 115.

4. Заколоворотная О. А. Уполномоченный по правам человека: истоки формирования института // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 218 – 223.

5. Костенко Н. И. Конституция Российской Федерации как критерий высшей ценности человека, его прав и свобод // Социально-политические науки. 2015. № 1. С. 7 – 14.

6. Касьянов В. В., Мышак С. В. История становления института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 3. С. 2 – 10.

7. Сунгуров А. Ю. Концепция прав человека: продвижение в России и обсуждения в академической среде // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. № 3. С. 40 – 47.

8. Трифонов С. Г. Конституционно-правовой институт Уполномоченного по правам человека: формы и принципы организации деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 1. С. 72 – 76.

9. Грудинин Н. С. Компаративистский анализ полномочий омбудсмана в Российской Федерации и зарубежных государствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета / Образование и педагогические науки. 2018. № 5. С. 812 – 817.

© Ищук В. Г.

© Козлова А. А.

УДК 347.952.078(470)"189/190"

А. Р. НУГУМАНОВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. R. NUGUMANOV, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ В. Н. МУРАВЬЕВА
ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX В НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

**ACTIVITIES OF THE V. N. MURAVYOV'S COMMISSION ON THE IMPROVEMENT
OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END
OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

Аннотация. В данной статье исследуется деятельность комиссии под председательством Министра юстиции Н. В. Муравьева по пересмотру законодательства об исполнительном производстве в Российской империи в конце XIX века. В качестве источниковой базы выступают материалы периодической печати, публицистические тексты, а также комментарии и пояснения законодательства и решений комиссии судебными приставами исполнителями. Предпосылками пересмотра законодательства об исполнительном производстве стало развитие экономических, имущественных отношений, вследствие чего возросло количество дел в исполнительном производстве. На государственном уровне встал вопрос о повышении эффективности деятельности судебных приставов исполнителей. В числе проблем деятельности судебных приставов, рассмотренных комиссией, стали вопросы: надлежащего уведомления должников; взыскания имущества ответчика, местожительство которого

не установлено, но при этом местонахождение имущества было известно; взыскания имущества при наличии одного экземпляра исполнительного листа. В статье дана оценка деятельности комиссии под председательством В. Н. Муравьева, принятым решениям по совершенствованию исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, В. Н. Муравьев, комиссия по пересмотру законоположений.

Abstract. This article examines the activities of the commission chaired by the Minister of Justice N. V. Muravyov to review the legislation on enforcement proceedings in the Russian Empire at the end of the XIX century. The source base is the materials of the periodical press, journalistic texts, as well as comments and explanations of the legislation and decisions of the commission by bailiffs. The prerequisites for the revision of the legislation on enforcement proceedings were the development of economic and property relations, as a result of which the number of cases in enforcement proceedings increased. At the state level, there was a question of improving the efficiency of bailiffs. Among the problems of the activity of bailiffs considered by the commission were the following issues: proper notification of debtors; recovery of the defendant's property, the place of residence of which was not established, but the location of the property was known; recovery of several assets in the presence of one copy of the writ of execution. The article assesses the activities of the commission under the chairmanship of V. N. Muravyov, the decisions taken to improve enforcement proceedings.

Key words and phrases: enforcement proceedings, V. N. Muravyov, commission for the revision of legal provisions.

Становление законодательства об исполнительном производстве происходило параллельно с развитием общей правовой системы государства. Правовые нормы России, регулирующие вопросы исполнительного производства, известны еще со времен возникновения Русской Правды. Согласно статье 9 Пространной Русской Правды предусматривались размеры натурального обеспечения общиной государственных чиновников (вирников, метельников, отроков), собиравших виры. Статья 55 Пространной Русской Правды определяла очередность возмещения долгов, зависящую от занимаемого положения кредитора [1, с. 88, 103]. Принудительное исполнение решений судебных органов, должностных лиц – черта присущая государственному механизму как одна из форм реализации государственной власти.

Одна из неудавшихся попыток пересмотра законодательства об исполнительном производстве в Российской империи связана с работой комиссии в 1894–1899 гг. для пересмотра положений законодательства по судебному устройству, в том числе и исполнительному производству под руководством Министра юстиции Н. В. Муравьева.

Стоит отметить, что организация деятельности судебных приставов и правовое

регулирование исполнительного производства осуществлялось согласно нормативным правовым актам, принятым по итогам Судебной реформы 1864 года. Великие реформы Александра II в середине XIX века способствовали развитию экономических отношений, увеличению товарообмена в России. Рост вынесенных на исполнение решений судов в конце XIX века также косвенно свидетельствует об этом. Общероссийская статистика по окружным судам такова: в 1887 г. судебные приставы получили для исполнения 87079 исполнительных листов, в 1890 г. – 112762, в 1893 г. – 143854, в 1900 г. – 145754, в 1903 г. – 170269, в 1908 г. – 228582, в 1911 г. – 281100, в 1914 г. – 286300 [2, с. 16–20]. Вследствие этого отмечается рост напряженности работы судебных приставов, не справлявшихся с возросшим количеством исполнительных дел. Этому способствовали организационные моменты работы судебных приставов – неравномерное распределение штатной численности судебных приставов по закрепленным территориям, а также несовершенство исполнительного законодательства в части регулирования процессов выявления должников, вручения им повесток о возбуждении исполнительного производства, что затягивало исполнение

некоторых решений на несколько лет. Однозначно – к тому времени возникла острая необходимость изменения положений законодательства, в частности Устава гражданского судопроизводства, в связи с наличием проблем в организации судопроизводства и исполнении судебных решений.

Едва вступив в должность министра юстиции, Н. В. Муравьев отметил, что суд в России нуждается «в усовершенствованиях и упрощении» [3]. В 1892 году при Министерстве юстиции была образована комиссия для пересмотра законоположений, касающихся судебного устройства и приведения в исполнение судебных решений (далее – Комиссия). Уже в 1893 году результаты работы Комиссии стали основанием внесения изменений в Устав гражданского судопроизводства 1864 г. В то же время Гражданским кассационным департаментом Правительствующего Сената и Общим собранием кассационных департаментов было обнаружено несколько важных разъяснений, касающихся данных изменений Устава гражданского судопроизводства.

Ряд предложенных Комиссией по пересмотру узаконений, касающихся исполнения судебных решений изменения в порядке исполнения судебных решений, в 1893 году были опубликованы в периодическом издании «Юридическая газета».

Одной из правовых проблем, выносимых Комиссией на разрешение, являлся вопрос надлежащего уведомления должников. Так, Комиссией отмечается: «В судебных уставах не было предусмотрено как поступать, когда местопребывание должника неизвестно, имение же или имущество у него есть, а между тем невозможность предъявить повестку об исполнении дела само взыскание невозможным» [4, с. 10]. В 1891 г. была внесена поправка в ст. 942 Устава гражданского судопроизводства для решения данного вопроса, в соответствии с которой был установлен месячный срок судебному приставу для отыскания ответчика и предъявления ему повестки. На практике же месячный срок оказался недостаточным для отыскания местонахождения ответчика

«ввиду громадных расстояний в нашем отечестве», получения исполнительного листа и направления запросов о местонахождении имущества и средствах ответчика. К тому же исследователи отмечают повсеместное бездорожье на рубеже XIX–XX вв. и приоритетный спрос на водный и железнодорожный транспорт [5, с. 147]. Условия, при которых судебный пристав мог направить повестку ответчику почтовой связью, были ограничены. Судебному приставу нужно было доказать в суде, что повестка об исполнении решения вручена ответчику лично либо направлена по месту жительства ответчика, указанному им лично, или установленному в судебном заседании при разрешении искового дела по существу. Между тем судебные приставы полагали, что повестка могла быть вручена ответчику не лично, а отправлением, если в судебном деле установлено место жительства ответчика, то есть в тех ситуациях, когда ответчик знал о производстве по делу, но участия в нем не принимал.

Решение указанной проблемы Комиссия видела: 1) в принятии положения, закрепляющего, что установленный факт места жительства ответчика судом, разрешающим дело по существу, необходимо применять и в исполнительном производстве с обязательством ответчика извещать об изменении места жительства; 2) в увеличении срока предъявления повестки должнику: «Если закон дозволит суду известным порядком устанавливать местожительство должника при постановлении решения по существу, каковым решением определяются права и обязанности тяжущихся, то тем более такое установленное судом (ст. ст. 277–290 Устава гражданского судопроизводства) местожительство должника может полагаться для него обязательным в течении известного срока и при исполнительном производстве, ибо ответчик, согласно ст. 310 Устава гражданского судопроизводства не лишен возможности, в течении установленного срока после решения известить суд о перемене своего места жительства. Срок, в течении которого взыскатель может предъявить по-

вестку об исполнении должнику в прежнее место жительства, комиссия об изменении законов об исполнении судебных решений полагала назначить трехмесячный, ибо как выше сказано, срок месячный не достигает цели» [4, с. 10].

Следующая проблема, выявленная Комиссией в работе судебных приставов, связана с взысканием имущества ответчика, место жительства, которого не установлено, но при этом местонахождение имущества известно. Одним из способов оповещения ответчика, место жительства которого не было установлено, был его вызов через публикацию в ведомостях. Однако в Уставе гражданского судопроизводства не было определено, как исполнять судебные решения в отношении таких ответчиков. Судебные приставы полагали возможным исполнение судебных решений в таких случаях, когда местонахождение имущества ответчика было известно, но закон не допускал этого без надлежащего уведомления должника. Решение данной ситуации видели в следующем алгоритме: 1) установление лица в качестве представителя прав ответчика по имуществу, указанному взыскателем, и таким лицом мог быть законно назначенный для этого (*ad hoc*) опекун, который как представитель прав отсутствующего ответчика, защищал бы его права при обращении взыскания на его имущество; 2) принятие определенных мер обеспечения взыскания имущества должника, для того чтобы опекун не мог распродать имущество по поручению ответчика; 3) процедуру назначения опекуна на отсутствующего ответчика возлагали на взыскателя имущества, который в дальнейшем должен был вручить повестку назначенному опекуну. Таким образом, Комиссией предлагалась возложение на взыскателя обязанности по установлению опекуна над отсутствующим ответчиком, для дальнейшего исполнения решения о взыскании без участия ответчика. Но такое предложение существенно ограничивало бы права ответчика в рамках исполнительного производства.

Правительствующий Сенат по кассационному департаменту, предлагал несколько

иной подход решения подобной проблемы. В подобных случаях, когда уведомление о взыскании отсутствующего должника происходило через публикацию, такого ответчика нужно было признавать безвестно отсутствующим по правилам ст. 1451 Устава гражданского судопроизводства. Но эти правила о признании безвестно отсутствующим на практике были ограничены и требовали существенных временных затрат, что не способствовало сохранению имущества и удовлетворению требований взыскателя, лишало его возможности получить по решению суда удовлетворение в течении не менее 5-ти лет до признания лица безвестно отсутствующим.

По изложенным выше основаниям заседавшая при Министерстве юстиции Комиссия об изменении законов об исполнении судебных решений пришла к заключению о необходимости следующих изменений и дополнений в Устав гражданского судопроизводства:

«Ст. 942¹ (новая редакция). Если взыскателю местопребывание должника неизвестно, то в течении трех месяцев со дня вступления решения в законную силу, а при предварительном исполнении со дня постановления том суда, повестка об исполнении может быть сообщена должнику по месту его жительства, установленному при разборе дела. Повестка считается врученной вместе ее доставления, хотя бы должник там не находился.

Ст. 942² (новая редакция). Если же должник при разборе дела вызывался через публикацию, то судебный пристав, арестовав указанное взыскателем движимое имущество с вручением повестки лицу, заведующему тем имуществом, или сообщив старшему нотариусу о наложении запрещения на недвижимое имение, где оставляется повестка об исполнении, выдает взыскателю свидетельство для предоставления куда следует на предмет учреждения опеки над имуществом отсутствующего должника и затем приступает к дальнейшим действиям по взысканию по назначению опекуна, которому снова сообщает повестка об исполнении.

Ст. 945 То они оставляются при деле судебного пристава».

Следует обратить внимание на то, что в предложенных Комиссией редакции новых статьях в Устав гражданского судопроизводства содержатся нормы, нашедшие отражение в современном законодательстве Российской Федерации. Так норма статьи 942¹ «Повестка считается врученной вместе ее доставления, хотя бы должник там не находился» соотносится со ст. 28 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», где установлено что лицо, участвующее в исполнительном производстве, обязано сообщать в подразделение судебных приставов о перемене своего адреса во время ведения исполнительного производства. При отсутствии такого сообщения повестка, иное извещение посылаются по последнему известному адресу указанного лица, и оно считается извещенным, хотя б по этому адресу более не проживает или не находится [6].

Также Комиссией была выявлена проблема взыскания нескольких имуществ при наличии одного экземпляра исполнительного листа. А. Н. Якимов отмечает: «Независимо от этого упомянутая выше комиссия остановилась и на том, что в настоящее время хотя в ст. 936 указана возможность одновременного обращения взыскания на несколько имуществ, но нигде в уставе гражданского судопроизводства не пояснено, как осуществить эту возможность» [4, с. 13]. Большая часть приставов и за ними суды отрицали на практике возможность такого одновременного взыскания при продолжительном требовании ст. 929 Устава гражданского судопроизводства о выдаче исполнительного листа в одном лишь экземпляре. Предполагалось выдавать листы в нескольких экземплярах, но ввиду возможности злоупотреблений со стороны взыскателей это предположение комиссией отвергнуто, вместе с тем был указан путь, каким образом одновременно обеспечить взыскание на несколько имуществ должника, учитывая различие при обращении взыскания на движимость и на недвижимость. При обраще-

нии взыскания на недвижимость по причине продолжительности сроков и на добровольное исполнение, и на опись комиссия нашла возможным возвратить исполнительный лист взыскателю немедленно при предъявлении должнику повестки об исполнении с принятием указания взыскателя на сумму, в которой он обращает взыскание на сказанное имение. Комиссия при этом не усматривает вреда для должника, ибо при дальнейших действиях действительная цена имения выяснится, а продажа, т. е. отчуждение имения, не может состояться без возвращения взыскателем подлинного исполнительного листа, из которого будет видно, сколько он получил по обращению взыскания на другое имущество. Относительно движимости, которую предполагается описывать одновременно с предъявлением повестки об исполнении, требуется точное определение цены арестованного имущества. Наконец, установлено, что без подлинного исполнительного листа никакое имущество продано быть не может, а в связи с этим, чтобы взыскатель не мог держать во вред должника неопределенное время имущество должника под арестом, изменение ст. 1029 Устава гражданского судопроизводства дополнением о том, что отсрочка для продажи допускается лишь при взаимном согласии кредиторов и должника, и ст. 957 Устава гражданского судопроизводства правилом о прекращении приставам производства, остающегося без движения по вине взыскателя, в течении назначенного срока. Для того чтобы взыскатель не злоупотреблял при определении стоимости взысканного имущества, Комиссия полагала возложить на самого взыскателя все издержки по взысканию, если окажется, что он описал одновременно больше имущества у должника, чем бы следовало для полного удовлетворения иска. В современном российском законодательстве вместе с тем закреплено положение, предложенное комиссией о выдаче нескольких экземпляров исполнительных документов. В статье 429 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации указано: « ... если исполнение должно быть произведено в раз-

личных местах, суд по просьбе взыскателя должен выдать несколько исполнительных листов с точным указанием места исполнения или той части решения, которая по данному листу подлежит исполнению» [7]. Таким образом, данное правило было сформулировано еще при работе Комиссии, как один из вариантов решения проблемы.

Подводя итоги следует отметить, что работа Комиссии для пересмотра законоположений, касающихся приведения в исполнение судебных решений, строилась на про-

фессиональной основе, была нацелена на снятие проблем в организации исполнения судебных решений, оптимизации и повышения эффективности исполнительного производства. Предложенные Комиссией изменения порядка исполнения судебных решений были проработаны и востребованы практикой исполнительной деятельности. Ряд предложенных Комиссией законопроектов нашел свое отражение в действующем российском законодательстве, регулирующем отношения исполнительного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское законодательство X–XX веков. Том. 1. Законодательство древней Руси. М. : Юридическая литература, 1984. С. 88, 103.
2. Захаров В. В. Практика исполнительного производства в России второй половины XIX – начала XX в. // Исполнительное право. 2010. № 2. С. 16 – 20.
3. Сорокин А. А. Деятельность комиссии Н. В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-komissii-n-v-muravieva-po-reforme-mestnogo-suda-i-liberalnaya-obschestvennost-v-kontse-xix-v/viewer>. (дата обращения: 18.05.2021).
4. Дополнение к практическому руководству для судебных приставов, исполняющих их обязанности чинов полиции и взыскателей // Составлено судебным приставом Уфимского мирового съезда А. Н. Якимовым. Уфа : Печатня Н. Блохина, 1984. 35 с.
5. Олейник Р. Р., Мухаметов П. А., Бондаренко Ю. В. Историко-правовые предпосылки развития транспортных коммуникаций в Уфимской губернии в начале XX в. // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6. С. 147 – 149.
6. Об исполнительном производстве: [Электронный ресурс] : федеральный закон Рос. Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : [Электронный ресурс] : федеральный закон Рос. Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Нугуманов А. Р.

УДК 347.652.4(470)

А. А. ГИБАДУЛЛИНА, главный специалист-эксперт отдела правового обеспечения Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Башкортостан (г. Уфа)

A. A. GIBADULLINA, Chief Specialist-Expert of Legal Support Division of the Department of Federal Service of State Registration, Cadastre and Cartography in the Republic of Bashkortostan (Ufa)

**ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ НАСЛЕДОДАТЕЛЕЙ
ЗА СЧЕТ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА**

**PECULIARITIES OF THE LIABILITY OF PUBLIC LAW ENTITIES FOR THE
OBLIGATIONS OF TESTATORS AT THE EXPENSE OF ESCHEAT PROPERTY**

***Аннотация.** Сферу научных интересов автора представляет институт выморочного имущества, который является одним из важных институтов гражданского права. В данной статье автором поднимаются особенности правового регулирования отношений, связанных с вопросами ответственности публично-правовых образований по долгам наследодателя перед кредиторами в общем порядке, вопросы реализации кредиторами наследодателя своих прав и законных интересов в отношении выморочного имущества. Автором в совокупности применены методы научного познания, среди которых основные методы системности, анализа и сравнительно-правовой метод. При рассмотрении проблематики приводятся высказывания известных цивилистов, рассматриваются современные подходы ученых к проблемам, с которыми сталкиваются кредиторы в области наследственных правоотношений. Автором делается вывод о необходимости контролирования публично-правовыми образованиями учета выморочного имущества в целях поддержания баланса гражданско-правовых и экономических правоотношений.*

***Ключевые слова:** выморочное имущество, наследование, кредитор, наследники, федеральная собственность, муниципальная собственность.*

***Abstract.** The author's sphere of scientific interests is represented by the institution of escheat property, which is one of the most important civil law institutions. This article deals with the features of the legal regulation of relations connected with the issues of responsibility of public law entities for the testator's debts to creditors in a general manner, issues of the realization by the testator's creditors of their rights and legitimate interests in relation to escheat property. The author collectively applied the methods of scientific knowledge, among which are the main methods of consistency, analysis and the comparative legal method. When considering the problems, the statements of famous civilists are given, modern approaches of scientists to the problems faced by creditors in hereditary legal relations are considered. The author comes to the conclusion that it is necessary to control the accounting of escheated property by public law entities in order to maintain a balance of civil and economic legal relations.*

***Key words and phrases:** escheated property, inheritance, creditor, heirs, federal property, municipal property.*

Публично-правовые образования как наследники выморочного имущества в силу правовой нормы ст. 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) являются субъектами наследственных правоотношений [1]. При вступлении публично-правовых образований в данные правоотношения в силу закона интересен вопрос гражданско-правовой ответственности таких субъектов перед кредиторами наследодателя (при их наличии) и исполнение публично-правовыми образованиями долговых обязательств за счет выморочного имущества на правоприменительном поле.

Наследование выморочного имущества публично-правовыми образованиями возникает на двух уровнях: муниципальном в лице муниципальных образований и городов федерального значения в отношении недвижимого имущества и государственном в лице Российской Федерации в силу закона в отношении движимого имущества.

Вступая в гражданско-правовые отношения, Российская Федерация, ее субъекты (республики, края, области, автономные округа), муниципальные образования, с одной стороны, не перестают быть носителями публичной власти со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями конституционного (административного) характера, с другой стороны, наделяются некоторыми свойствами (признаками) юридического лица, предусмотренными нормами гражданского права, необходимыми для участия субъектов публичного права в имущественном обороте [2].

В лице кредиторов могут выступать как физические лица, так и юридические лица в различных организационных правовых формах, вступившие с правоспособным и дееспособным гражданином в гражданско-правовые отношения, имеющие соответствующие права в пределах договорных отношений на защиту своих законных интересов после смерти должника.

Как отмечает Е. А. Суханов, поскольку гражданское право главным образом регулирует имущественные отношения, то и гражданско-правовая ответственность име-

ет имущественное содержание, а её меры (гражданско-правовые санкции) носят имущественный характер. Тем самым эта гражданско-правовая категория выполняет функцию имущественного (экономического) воздействия на правонарушителей и становится одним из методов экономического регулирования общественных отношений [3, с. 43].

При этом, по мнению И. Ю. Целовальниковой, гражданско-правовая ответственность носит компенсационно-восстановительную функцию и призвана обеспечить соразмерность между причиненным вредом и применимыми мерами ответственности. В этом проявляется «возмездно-эквивалентный» характер гражданско-правовой ответственности, направленный на стимулирование участников гражданского оборота к надлежащему соблюдению требований, установленных законом; на реализацию превентивной функции законодательства и обеспечение компенсаций, возникшей в результате правонарушения имущественных потерь [4].

Таким образом, через призму гражданско-правовых отношений речь будет идти о гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований перед кредиторами наследодателя за счет выморочного имущества с исследованием понятия «пассива» выморочного имущества, способов исполнения публично-правовыми образованиями долговых обязательств в целях ненарушения прав и интересов кредиторов наследодателя, соблюдения законодательства и обеспечения экономического баланса.

Сегодня порядок принятия и учета выморочного имущества определяется согласно разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»: от имени Российской Федерации выступает Росимущество в лице его территориальных органов; от имени городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальных образований – их соответствующие органы в рамках компетенции [5].

Применяя разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации необходимо также отметить, что публично-правовые образования являются наследниками выморочного имущества в силу фактов, указанных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ, без акта принятия наследства, а также вне зависимости от оформления наследственных прав и их государственной регистрации.

Из содержания ст. 1112 ГК РФ следует, что в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, исключение составляют права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя (алиментные, отдельные деликтные обязательства, иные прямо установленные законом). Учитывая вышеперечисленные правовые нормы, следует указать, что состав выморочного наследства не является исчерпывающим и в него могут входить вполне оборотоспособные вещи, включая ценные бумаги, валюту, драгоценности.

На первый взгляд, на день открытия наследства, который равен дню смерти наследодателя, наследственное имущество представляет собой некий потенциальный экономический «актив», который будет содержаться в описи, сформированной нотариусом в установленном законодательством порядке. При условиях, обозначенных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ, наследственное имущество будет соответствовать признакам выморочности и должно будет поступать в казну «федеральной» собственности либо муниципальной собственности соответственно при добросовестном соблюдении порядка его принятия и оформления.

В случае же правомерного принятия публично-правовыми образованиями выморочного имущества в казну одним из острых вопросов встает вопрос «пассива» выморочного имущества, а также вопрос ответственности публично-правовых образований как наследников «восьмой» за исполнение «пассива» (расходы, долги, обязательства) перед кредиторами за счет выморочного имущества.

Об особенностях понятия «пассива» наследственного имущества отмечено в трудах И. Г. Крысановой-Кирсановой: «Особую группу обязанностей наследников с точки зрения обязательственного права составляют долги наследодателя, образующие «пассив» наследственной массы. Особое их положение объясняется тем, что на них не распространяются нормы о свободе завещательных распоряжений, поскольку имущественными обязанностями (в отрыве от имущественных прав) наследодатель не может распорядиться, перераспределив их между наследниками» [6]. Но, как правильно отмечено Г. В. Синцовым, Д. Е. Феоктистовым, наследственное право не содержит понятия «долг» [7].

Ряд российских цивилистов полагают, что долги, обременяющие наследство, не являются составной частью наследства. Например, Н. Д. Егоров писал, что при наследовании речь должна идти не о правопреемстве, а о преемстве, причем не в самих правах, а в объектах этих прав [8, с. 30 – 31]. То есть мы понимаем, что речь идет о наследовании выморочного имущества без обязательственного элемента. Однако данная позиция нарушает имущественные интересы иных участников конкретных гражданско-правовых отношений и экономический баланс и автором не может быть поддержана.

Позиция Д. И. Мейера отличается от вышеуказанного утверждения. Он писал, что большей частью обязательственные отношения могут сохранять силу и после смерти их первого участника, и только некоторые из них по необходимости прекращаются после смерти лица, например, личный найм, доверенность [9]. Следует отметить, что позиция Д. И. Мейера прослеживается и в действующих нормах ГК РФ.

В ГК РФ вопросу «пассива» наследственного имущества посвящены две статьи: ст. 1174 ГК РФ о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, и расходов на охрану наследства и управлением им, и ст. 1175 ГК РФ об ответственности наследников по долгам наследодателя.

Наследник, принявший наследство, отвечает первоначально по расходам, указан-

ным в п. 1 ст. 1174 ГК РФ, а затем по долгам наследодателя кредитору в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

С учетом взглядов цивилистов и норм кодекса следует отметить, что данная правовая норма принята вполне справедливо для наследника, в том числе в лице публично-правового образования, в случае когда принятое им наследство обременено «пассивом». В. И. Серебровский тоже отмечал, что «возложение на наследника неограниченной ответственности было бы явно несправедливым, ведь может получиться, что наследник в результате принятия наследства не только не приобретет никакого имущества, но и потеряет и лично ему принадлежащее» [10].

С учетом мнений исследователей автором подчеркивается, что понятие «пассива» наследственного имущества представляет собой совокупность расходов и обязательств, вытекающих из конкретных наследственных правоотношений, подлежащих исполнению субъектами наследственных правоотношений в пределах стоимости наследственного имущества.

Таким образом, «пассив» наследства, переходящий вместе с выморочным имуществом к публично-правовым образованиям, будет затрагивать часть казны публично-правового образования и подлежать исполнению в пределах выявленного и (или) выявляемого выморочного имущества. И соответственно, погашение «пассива» выморочного имущества как компенсаторная (восстановительная) защита имущественных прав кредиторов становится ответственностью государственной или муниципальной казны перед кредиторами и подлежит исполнению публично-правовыми образованиями как правопреемниками такого имущества за счет имеющегося выморочного имущества.

Например, к «пассиву» выморочного недвижимого имущества могут быть отнесены долги наследодателя за жилищно-коммунальные услуги, гражданская ответственность перед третьими лицами, имущественные обязательства по договорам

банковского и потребительского кредитов, неисполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве многоквартирных домов, по договорам инвестирования в жилищных и жилищно-строительных кооперативах и т. д.

При этом, исследуя понятие «пассива» и затрагивая правовое положение кредиторов, автором учитывается, что имеющиеся неисполненные «пассивы» выморочного имущества носят достаточно отягощающий характер для экономического положения кредиторов, состоявших в гражданско-правовых отношениях с наследодателем, и усложнены отсутствием конкретного административного механизма реализации кредиторами своих прав в силу следующего.

Согласно нормам ГК РФ в отношении выморочного имущества удовлетворяет требования тот кредитор, который осведомлен об уходе из жизни должника и кто успел заявить после истечения пресекающего шестимесячного срока для принятия наследства свои требования в пределах срока исковой давности.

Существующие положения ст. 63 Основ законодательства о нотариате о праве кредиторов заявить о своих требованиях нотариусу представляют собой некую формальность заявления с требованиями, поскольку единственным последствием получения нотариусом такого требования от кредитора является доведение этой информации о наличии долгов наследодателя до наследников. При этом информированность публично-правовых образований об имеющихся требованиях к наследственному имуществу и механизм их погашения (исполнения) публично-правовыми образованиями – это не одно и то же.

Также следует отметить, что исполнение обязательств публично-правовыми образованиями усложнена тем моментом, что п. 3 ст. 1175 ГК РФ определено, что требования кредиторов к выморочному имуществу до истечения шестимесячного срока могут быть заявлены только в случае перехода выморочного имущества в соответствии со ст. 1151 ГК РФ к Российской Федерации субъек-

екту Российской Федерации или муниципальному образованию.

В связи с этим, наличие выморочного имущества и отсутствие его добросовестного принятия публично-правовыми образованиями препятствует кредиторам в реализации защиты своих прав и законных интересов в заявительном порядке. Более это усложняется наличием множества кредиторов у наследодателя.

Таким образом, несвоевременное принятие публично-правовыми образованиями выморочного имущества, отсутствие зарегистрированного перехода права собственности на выморочное недвижимое имущество в порядке, установленном Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [11], влечет необходимость кредиторов инициировать свои требования к публично-правовым образованиям только в судебном порядке. И гражданско-правовая ответственность публично-правовых образований наступает вследствие вступившего в законную силу решения суда.

В случае возникновения спора законодательство и судебная практика указывают, что при отсутствии же наследственного имущества требования кредиторов по обязательствам наследодателя не подлежат удовлетворению за счет имущества наследников и обязательства по долгам наследодателя прекращаются невозможностью исполнения полностью или в недостающей части наследственного имущества.

С учетом вышесказанного публично-правовыми образованиями представляется возможным удовлетворение требований кредиторов при наличии и выявлении выморочного имущества и при обращении кредиторов в судебном порядке, пока не будет достигнут предел ответственности публично-правовых образований. При таком подходе удовлетворение получит, скорее всего, более настойчивый кредитор или тот, который ранее других заявит о своих требованиях, или же тот, чьи требования обеспечены залогом имущества должника-наследодателя.

В настоящее время согласно обзору судебной практики ПАО «Сбербанк» намерено создать прецедент и выработать новый механизм взыскания средств из имущества умерших должников. Предполагается, что такая судебная практика станет «прецедентом» для кредиторов всех уровней, и помимо взыскания средств по кредитам, займам, публично-правовым образованиям надлежит еще учитывать о покрытии судебных расходов по судебным тяжбам, что впоследствии будет иметь негативное влияние на финансовую составляющую казны.

Автором учитывается, что для оптимизации долговых обязательств публично-правовых образований перед кредиторами возможно посредством организации своевременных мер розыска публично-правовыми образованиями выморочного имущества для его соответствующей охраны.

Относительно выморочного недвижимого имущества, которое может являться предметом залога (ипотеки) по кредитованию и, соответственно, иметь элемент «пассива», мы отмечаем необходимость своевременного его выявления публично-правовыми образованиями для исключения начисления пеней, неустойки по обязательствам наследодателя, поскольку в противном случае длительное непринятие такого имущества будет носить более обременительный характер для муниципальной казны.

Например, одним из способов уведомления публично-правовых образований об имеющемся выморочном недвижимом имуществе, в отношении которого не заведено наследственное дело нотариусом по истечении пресекающего шестимесячного срока, могут стать новации единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Как сообщалось на официальном сайте Правительства Российской Федерации в октябре 2020, Президентом Российской Федерации В. В. Путиным поручено Правительству Российской Федерации до 01.12.2022 «завершить централизацию основных информационных ресурсов Пенсионного фонда, МВД, Росреестра и других федеральных органов власти в части сведений, использу-

емых для подтверждения данных при получении госуслуг. К этому же времени органы власти должны перейти на обработку межведомственных запросов и предоставление сведений с использованием системы электронного взаимодействия в режиме реального времени» [12].

При выработке механизма предоставления государственных услуг считаем целесообразным обратить внимание на технологические новации осуществления деятельности государственных и муниципальных органов, организаций, наделенных государственными или муниципальными полномочиями, в Единой информационной системе в режиме реального времени. В рамках такой модели в случае передачи в режиме реального времени в Единую информационную систему сведений об умерших лицах органами записи актов гражданского состояния, сведений об открытии наследственного дела органами нотариата, синхронизации сведений о зарегистрированных вещных правах на недвижимое имущество органами регистрации прав в режиме реального времени можно получить достоверную информацию об умерших правообладателях недвижимого имущества, на которое не заявлена государственная регистрация права собственности наследниками и не заведено наследственное дело, то есть гипотетически можно по каждому муниципальному образованию субъекта Российской Федерации сформировать реестр выморочного недвижимого имущества по истечении пресекательного шестимесячного срока для последующего принятия муниципальным образованием выморочного наследства. Соответственно, формирование такого реестра и направление его публично-правовому образованию позволит повысить осведомленность об имеющемся выморочном недвижимом имуществе и принимать соответствующие меры по государственной регистрации права муниципальной собственности.

Эти действия необходимы для осуществления должной охраны выморочного недвижимого имущества. Е. М. Тужилова-Орданская отмечает, что именно охрана отношений

собственности имеет первостепенное и определяющее значение по отношению к защите прав на недвижимость [13, с. 85].

В настоящее время в прессе все больше аналитической информации о непринятых наследственных имуществах. В частности, речь чаще всего идет о не востребовавшихся банковских денежных средствах умерших, хранящихся на банковских лицевых счетах [14]. Согласно исследованиям аналитиков, данные суммы преваляют за сотни миллионов рублей в России, не учитывая, что согласно соглашениям между государствами, хранящиеся в зарубежных банках выморочные движимые денежные средства также подлежат перечислению в казну Российской Федерации. Статистика о количестве выморочного жилья не приводится. Но имеются предположения, что выморочные жилые помещения пустуют до 20 лет [15]. Из данной аналитики мы отмечаем, что она статистически возможно не предельная, и всё же указывает на недобросовестное отношение к имеющемуся «потенциальному» имуществу.

Автором подчеркивается, что при наследовании публично-правовыми образованиями «пассива» наследственного имущества в силу закона гражданско-правовая ответственность возникает также в силу закона как и право собственности публично-правовых образований на выморочное имущество.

Вопрос гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований достаточно значим ввиду необходимости исполнения долговых обязательств при их наличии, осуществления своей деятельности в рамках действующего законодательства, предупреждения возникновения нарушений прав субъектов экономических правоотношений со стороны публичной власти. При этом достаточное и своевременное исполнение обязательств зависит от принимаемых мер публично-правовыми образованиями, от степени их заинтересованности, осведомленности об имеющемся выморочном имуществе.

Вопрос гражданско-правовой ответственности публично-правового образования встает лишь при наличии кредитора,

оказавшегося лишенным определенных благ и возможностей. И соответственно, в первую очередь, основной функцией такой ответственности является компенсация благ, то есть восстановление публично-правовым образованием как должником-наследником того положения в имущественной сфере кредитора, которое было до момента исполнения обязательств.

На примере внедрения информационных элементов в такие правоотношения возможно регулирование гражданско-правовых

отношений между публично-правовыми образованиями и кредиторами в пределах выморочного недвижимого имущества на стадии добросовестной охраны выморочного имущества.

Своевременный добросовестный порядок учета и охраны выморочного имущества публично-правовыми образованиями необходимы для последовательного погашения долговых обязательств перед участниками экономического оборота и для реализации принципов гражданского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Згонников П. П. Государство как участник гражданско-правовых отношений. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданское право : учебник : В 4 т. Учебник для студентов вузов / В. С. Ем (и др); отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. Т. 1: Общая часть. С. 587 – 588.
4. Целовальникова И. Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Крысанова-Кирсанова И.Г. Пределы ответственности наследника по обязательствам наследодателя: отдельные вопросы правоприменения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 19 – 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-otvetstvennosti-naslednika-po-obyazatelstvam-nasledodatelya-otdelnye-voprosy-pravoprimereniya> (дата обращения: 11.05.2021).
7. Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е. Ответственность наследников по долгам наследодателя: некоторые вопросы правового регулирования и правоприменения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциации / Н. Д. Егоров. Л. : Изд-во Ленингр.ун-ва,1988. 176 с.
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. М. : Статут, 2000. 831 с. URL : https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_88.html / (дата обращения 01.11.2020).
10. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 225. URL : https://civil.consultant.ru/elib/books/9/page_29.html (дата обращения: 01.11.2020).
11. О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Поручения Президента Российской Федерации Правительству Российской Федерации. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/items/topic/41/desc> (дата обращения: 11.06.2021).
13. Тужилова-Орданская Е. М. Понятие и способы защиты прав на недвижимое имущество. М. : Юрлитинформ. 2007. 248 с.
14. URL : <https://www.ufa.kp.ru/daily/27142.5/4234901> (дата обращения: 01.06.2021).
15. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4089930> (дата обращения: 01.06.2021).

© Гибадуллина А. А.

УДК 343.236.1(470)

А. А. ИЛИДЖЕВ, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Казань)

A. A. ILIDZHEV, Assistant Professor of the Chair of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs Agencies of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Kazan)

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ФАКТИЧЕСКОГО ПОКУШЕНИЯ
НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE CRIMINAL AND LEGAL ESSENCE OF THE ACTUAL ATTEMPTED CRIME
AND ITS REFLECTION IN THE RULES OF THE SPECIAL PART
OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье исследуется юридическая природа покушения на преступление, проводится понятийно-терминологический анализ этой уголовно-правовой категории. Работа посвящена исследованию вопросов отражения положений Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации относительно регламентации института покушения на преступление в его Особенной части. Целью статьи является подтверждение того, что в Особенной части УК РФ в качестве оконченого преступления иногда отражается фактическое покушение на преступление, которое к неоконченному преступлению никакого отношения уже не имеет. Для достижения данной цели предлагается использовать метод мысленного исключения соответствующих предписаний из уголовного закона. Автор продемонстрировал применение данного метода на примере составов Особенной части УК РФ, а именно ст. 110, 110.1, 122, 162, 215.3, 227, 247, 277, 295, 317 УК РФ, которые на его взгляд представляют собой исчерпывающий перечень вариантов отражения фактического покушения на преступления в Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: неоконченное преступление, фактическое покушение, предписание, мысленное исключение, отражение, непосредственная направленность.

Abstract. The article examines the legal nature of an attempted crime, provides a conceptual and terminological analysis of this criminal legal category. The work is devoted to the study of the issues on reflection of the provisions of the General part of Criminal Legislation of the Russian Federation regarding the regulation of the institution of attempted crime in its Special part. The purpose of the article is to confirm that the Special part sometimes reflects an actual attempted crime as a completed crime, which has nothing to do with an unfinished crime. To achieve this goal, it is proposed to use the method of mental exclusion of these prescriptions from the criminal law. The author demonstrated the application of this method by the example of the units of the Special Part, namely art. 110, 110.1, 122, 162, 215.3, 227, 247, 277, 295, 317 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in his opinion, represent a full list of options for reflecting an actual attempted crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words and phrases: unfinished crime, actual attempt, prescription, mental exclusion, reflection, direct focus.

Несмотря на то, что место отражения покушения на преступление – Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в литературе подчас утверждается, что ответственность за второй вид неоконченного деяния предусмотрена и в Особенной части. Так, Л. В. Иногамова-Хегай и А. Г. Блинов к преступлениям, которые фактически признаются оконченными на стадии покушения, относят посягательства, установленные ст. 277, 295 и 317 УК РФ [1, с. 94; 2, с. 386]. Т. В. Непомнящая пополняет перечень ст. 162 и 163 [3, с. 160]. А. Ю. Решетников полагает, что соответствующие разновидности покушения на преступление признаются преступными в рамках отдельных уголовно-правовых норм ст. 162, 295, 317 и др. [4, с. 178]. Для установления, отвечает ли приведенный подход уголовному законодательству, необходимо исследовать, что представляет собой покушение на преступление, и проверить, имеются ли в Особенной части УК РФ деяния, могущие быть признанными таким преступлением.

В ч. 3 ст. 30 УК РФ, в отличие от ч. 1, представлены только общие предписания о покушении на преступление. И возражений против этого, думается, быть не может, ибо соответствующие действия (бездействия) обладают своеобразием применительно к каждому преступлению, самостоятельно регламентированному в Особенной части УК РФ.

Остановимся на признаках покушения на преступление, которые позволяют включить последнее вместе с оконченным преступлением и приготовлением к преступлению в объем понятия преступления. Мы имеем в виду признаки действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. Другие признаки покушения на преступление безразличны для темы нашего исследования.

В теории к исследуемому признаку отношение сложное. Казалось бы, он должен отграничивать покушение на преступление от приготовления к преступлению.

Однако, по мнению А. В. Наумова «одни и те же действия в зависимости от характера преступного посягательства могут быть как

покушением на преступление, так и приготовлением к преступлению», «например, проникновение в квартиру с целью кражи – покушение, а проникновение туда же с целью убийства – приготовление» [5, с. 273; 6, с. 92; 7, с. 68; 8, с. 153 – 154; 9, с. 137].

В литературе (Т. В. Жукова, А. И. Ситникова, Ю. В. Грачева и др.) считается, что специфика покушения на преступление заключается в начале выполнения объективной стороны преступления [7, с. 48; 10, с. 76; 11, с. 108]. Так, мы полагаем, что совершенно прав А. Ю. Решетников, когда основным объективным признаком покушения называет выполнение лишь части преступления [12, с. 17].

По поводу признака анализируемой уголовно-правовой категории более правильной нам представляется позиция А. М. Зацепина. По его мнению, рассматриваемый признак означает, что:

«– покушение на преступление происходит после 1) возникновения (появления) намерения совершить преступление (голый умысел), 2) проявления этого намерения вовне (обнаружение умысла) либо 3) создания условий для совершения преступления. Разумеется, второй и третий вариант не могут появиться вне первого, а для третьего варианта второй факультативен (создание условий для совершения может начаться и без проявления вовне решимости совершить преступление);

– покушение на преступление выражается в устремленности действий (бездействия) на совершение оконченного преступления. Дело в том, что поскольку покушение на преступление само по себе преступление, пусть и неоконченное, преступление, на совершение которого непосредственно направлены действия (бездействие), явно оконченное» [13, с. 183].

Представленный подход полностью основан на значении использованных в законе терминов.

Конечно, В. В. Мальцев справедливо обратил внимание «на то существенное обстоятельство, что «умышленные действия (бездействие) лица» (общественно опасные

деяния) как важнейший элемент структуры общественно опасного поведения (преступления) не могут быть «непосредственно направленными на совершение преступления» (то есть, по сути, на самих себя) [14, с. 281]. В то же время приведенный аргумент названного ученого, по нашему мнению, успешно преодолевается соответствующим толкованием уголовного закона.

В ч. 3 ст. 30 УК РФ не отражено, какое преступление при покушении не доводится до конца. Вряд ли само покушение. Существительное «покушение» происходит от глагола «покуситься», который означает попытаться сделать что-нибудь, или завладеть, распорядиться чем-нибудь (о чем-нибудь недозволенном, незаконном) [15, с. 551]. Следовательно, речь надлежит вести о том, что должно быть доведено до конца, а этим не может быть ничто иное, кроме оконченого преступления. Как нам представляется, именно данное обстоятельство не принимает во внимание Ю. Е. Пудовочкин, когда заявляет, что «законодательная формула» о непосредственной направленности на совершение преступления «выводит покушение за границы преступления» [16, с. 118].

Отмеченное, разумеется, вовсе не означает, что нормативное определение покушения на преступление безупречно. На наш взгляд, оно затушевывает то, что покушение на преступление должно быть общественно опасным деянием. Соответственно целесообразно, чтобы в ч. 3 ст. 30 УК РФ были названы не просто действия (бездействие), но общественно опасные действия (бездействие).

Стоит отметить, что указания на действия (бездействие), напрямую направленные на совершение преступления, содержатся не только в Общей части УК РФ, но и в Особенной части. В теории имеется точка зрения, относительно того, что законодатель отдельные такие действия (бездействие) криминализовал как оконченные преступления. Так, в одних случаях считается, что при предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ посягательствах совершаются только действия, напрямую направленные на лишение жизни потерпевших [17, с. 150], а в дру-

гих – что законодатель совершение подобных действий криминализовал в качестве самостоятельных преступлений, например, таких, как разбой (ст. 162) и вымогательство (ст. 163) [13, с. 198].

У нас не возникает каких-либо сомнений, что в приведенных, а также других подобных им случаях в законе представлены именно юридически оконченные преступления, но фактически они могут быть неоконченными покушениями на преступление. Последние уже никакого отношения к собственно неоконченным преступлениям не имеют. Под фактическим покушением на преступление мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ, под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления.

Правда, Л. В. Иногамова-Хегай считает иначе. По ее мнению, «действия, реально образующие покушение в случаях, предусмотренных Особенной частью уголовного закона, представляют собой оконченные самостоятельные преступления...»; «при квалификации указывается только норма Особенной части УК» [1, с. 95]. Такому подходу уже дана, по нашему мнению, убедительная критика, согласно которой соответствующие статьи Особенной части УК РФ не конкурируют со ст. 30, поскольку лишь по ней, в отличие от статей Особенной части преступления не квалифицируются, ибо на основании ч. 3 ст. 29 неоконченное преступление квалифицируется «по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса» [18, с. 144]. В свою очередь, А. М. Зацепиным дополнительно указано, что, предусмотрев в Особенной части УК РФ в качестве оконченого преступления деяние, в принципе являющееся покушением на преступление, законодатель вывел его из неоконченного преступления, и оно стало оконченом преступлением, с покушением на преступление, не способным конкурировать по

определению [13, с. 45]. Уголовно-правовое значение исследуемого фактического покушения на преступление заключается в том, что законодатель, по нашему мнению, регламентируя в Особенной части УК РФ деяние, фактически являющееся неоконченным преступлением, в качестве окончательного, создает парадоксальную ситуацию. Дело в том, что на основе анализа норм Общей части УК РФ о неоконченном преступлении (ч. 3 ст. 29) следует, что в статьях Особенной части УК РФ должны нормироваться только окончательные преступления и, соответственно, неоконченных преступлений в них не должно быть. В противном случае нарушаются правила законодательной техники. Кроме того, регламентация фактических неоконченных преступлений в Особенной части УК РФ ведет к излишней избыточности и необоснованному ее «нагромождению» в связи с тем, что соответствующие положения о неоконченном преступлении в полной мере отражены в нормах Общей части.

При выявлении положений Особенной части УК РФ, действительно отражающих фактическое покушение на преступление, следует учитывать, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение такого преступления. Причем последнее также должно быть отражено в Особенной части УК РФ. В противном случае о действиях (бездействии), непосредственно направленных именно на совершение преступления, речи быть не может.

Представляет ли собой определенное деяние таковым, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое покушение на преступление. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое покушение на преступление.

В ч. 1 ст. 110 УК РФ предусмотрено доведение лица до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. В данном случае деяние, несомненно, является действием, непосредственно направленным на совершение установленного в той же части доведения лица до самоубийства.

Если из ч. 1 ст. 110 УК РФ исключить указание на доведение лица до покушения на самоубийство, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и оставшимися положениями ч. 1 ст. 110. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

Сходная ситуация наблюдается с покушением на самоубийство, предусмотренным ч. 4 и 5 ст. 110.1 УК РФ. Она отличается лишь тем, что покушение должно вызвать склонение к самоубийству или содействие самоубийству.

Вместе с тем указанные метод мысленного исключения можно применить и к ч. 1 и 2 ст. 122 УК РФ, в ходе которого подтверждается, что в данном случае описывается фактическое покушение на преступление.

В ч. 1 ст. 162 УК РФ предусмотрен разбой как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Нападение в названных целях несомненно является действием, напрямую направленным на совершение хищения, а не, как считается, созданием условий для совершения преступления [17, с. 150], ибо совершаются другие действия, описанные в ч. 1 вышеуказанной статьи, а именно применение названного насилия или угрозы его применения.

В случае если из ч. 1 ст. 162 УК РФ исключить указание на нападение в указанных целях, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и оставшихся в ч. 1 ст. 162 действиях. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

Сходная ситуация с пиратством. В ч. 1 ст. 227 УК РФ оно предусмотрено как нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. От разбоя пиратство отличается лишь специальным местом совершения преступления.

В ч. 1 ст. 215.3 УК РФ регламентированные деяния несомненно являются действиями, непосредственно направленными на совершение установленных в той же части данной статьи деяний, повлекшие нарушение нормальной работы.

Приходя к изложенному выводу, мы исходим из закона. Дело в том, что ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ Кодекса. Таким образом, преступление, регламентированное в ст. 215.3, может совершаться умышленно, в отсутствие чего покушение на преступление, разумеется, не возникает.

В случае если из ч. 1 ст. 215.3 УК РФ исключить указание на приведение в негодное для эксплуатации состояние соответствующих объектов, которое могло повлечь нарушение их нормальной работы, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и оставшимися положениями ч. 1 ст. 215.3. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

В ч. 1 ст. 247 УК РФ регламентированы производство запрещенных видов опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. Приведенные деяния несомненно являются действиями (бездействием), напрямую направленными на совершение установленных в ч. 2 данной статьи тех же

деяний, повлекших загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека либо массовую гибель животных.

Приходя к приведенному выводу, мы, с одной стороны, снова исходим из ч. 2 ст. 24 УК РФ. Поскольку в ст. 247 УК РФ указание на неосторожность отсутствует, в ней определенное преступление, по нашему мнению, может совершаться умышленно, в отсутствие чего покушение на преступление, естественно, не возникает.

С другой стороны, мы основываемся на положениях п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в котором говорится, что «создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (часть 1 статьи 247 УК РФ) означает возникновение такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и отходами» [19, с. 3]. Именно о подобной ситуации и идет речь в положениях уголовного закона, определяющих понятие покушения.

С учетом того, что если из ст. 247 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 30 и положениями ч. 2 ст. 247 о тех же деяниях, повлекших загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека либо массовую гибель животных. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае является фактическим покушением на преступление.

В ст. 277 УК РФ предусмотрено посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность. Приведенное дея-

ние, несомненно, является действием, непосредственно направленным на совершение, установленного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства лица в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Если из системы уголовного законодательства исключить ст. 277, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 105. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

Похожая ситуация наблюдается в отношении посягательств на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), либо сотрудника правоохранительного органа (ст. 317). Они отличаются от ранее рассмотренного посягательства исключительно потерпевшими от преступления.

Правда к посягательству на жизнь имеются разные подходы. Традиционно считается, что им следует рассматривать убийство или покушение на убийство. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2004 г. № 72-О04-6 говорится, что «преступление, связанное с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, является окончанным с момента начала действий, направленных на лишение жизни данного сотрудника независимо от наступившего результата...» [20, с. 26].

В литературе отношение к посягательству на жизнь аналогичное [21, с. 51; 22, с. 26].

В русском языке посягательство означает попытку причинить вред, ущерб [15, с. 571]. Тем самым, под посягательством на жизнь соответствующих лиц целесообразно понимать лишь общественно опасные дей-

ствия, непосредственно направленные на причинение им смерти.

Других случаев отражения в Особенной части УК РФ фактического покушения на преступление мы не обнаружили.

Таким образом, на основании проведенных в статье исследований мы приходим к следующим выводам:

– покушением на преступление следует считать соответствующие общественно опасные действия (бездействие);

– в Особенной части УК РФ в качестве оконченного преступления подчас отражается фактическое покушение на преступление, которое к неоконченному преступлению уже никакого отношения не имеет;

– при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое покушение на преступление, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение данного преступления, причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона; если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое покушение на преступление, в противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое покушение на преступление;

– фактическое покушение на преступление получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 110, 110.1, 122, 162, 215.3, 227, 247, 277, 295, 317 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений : учебное пособие. М. : Инфра-М, 2002. 169 с.
2. Общая часть уголовного права : состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. СПб. : Юридический центр – Пресс, 2011. 785 с.
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для бакалавров / отв. ред. М. С. Гринберг, Т. В. Непомнящая. М. : Проспект, 2017. 448 с.

4. Квалификация преступления: учебное пособие / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М. : Юрлитинформ, 2016. 348 с.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : Бек, 1996. 550 с.
6. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб. : Юридический центр – Пресс, 2002. 351 с.
7. Жукова Т. Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография. М. : Илекса, 2007. 134 с.
8. Уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Проспект, 2017. 431 с.
9. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. В. Воробьева, Ю. В. Грачевой. М. : Проспект, 2020. 432 с.
10. Ситникова А. И. Законодательная техника и законодательная технология конструирования института неоконченного преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: Проспект, 2008. С. 74 – 77.
11. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зимина, А. И. Чуцаева. М. : Проспект, 2018. 251 с.
12. Решетников А. Ю. Покушение на преступление в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 31 с.
13. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы : монография. М. : Проспект, 2016. 303 с.
14. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. Т. 3, кн. 1 : Преступление. М. : Юрлитинформ, 2017. 517 с.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка/Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М. : ООО ТЕМП, 2006. 944 с.
16. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и. доп. М. : Юрлитинформ, 2010. 276 с.
17. Благов Е. В. Тридцать пять лет служения Афине: сборник статей и тезисов. М. : Проспект, 2017. 288 с.
18. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб. : Юридический центр – Пресс, 2004. 505 с.
19. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 12.
20. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.
21. Пудовочкин Ю. Е. Преступления против безопасности государства. М. : Юрлитинформ, 2009. 330 с.
22. Грачева Ю. В., Палий В. В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие. М. : Проспект, 2014. 97 с.

© Илidgeв А. А.

П. Н. КОБЕЦ, главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России, доктор юридических
наук, профессор (г. Москва)

P. N. KOBETS, Chief Researcher of the All-Rus-
sian Research Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Mos-
cow)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РЕЦИДИВУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ОПЫТ ЯПОНИИ)

THE SYSTEM OF STATE MEASURES TO COUNTERACT THE RECIDIVISM OF CRIMES (JAPANESE EXPERIENCE)

Аннотация. Япония считается самой безопасной страной в мире. Непосвященные лица могут предположить, что высокий уровень общественной безопасности японских граждан обеспечивается жесткими мерами уголовной политики в обществе, а также нормами, которые не допускают свободы выражения мнений, или же тем, что японцы слишком боятся потерять свое лицо, чтобы совершить преступление, или потому что органы власти излишне сурово относятся к людям, которые выходят за рамки дозволенного. На самом деле, все эти предположения не соответствуют действительности. Особой мягкостью, по мнению многочисленных исследователей, отличается и японская уголовная политика, строящаяся на принципе, относительно которого суровость санкций не может сдержать рост преступности. Стабильно низкий уровень преступности на территории Японии во многом объясняется достигнутыми в настоящее время успехами в сфере профилактики, а также балансом ценностных ориентаций, реабилитационными мерами, универсализацией и пробацией.

Ключевые слова и словосочетания: рецидив преступлений, профилактика преступности, уголовная политика, законодательные основы, пробация, уголовное законодательство, зарубежный опыт, правовое воздействие, реабилитационные меры, системная основа.

Abstract. Japan is considered to be the safest country in the world. Uninitiated persons may assume that the high level of public safety of Japanese citizens is ensured by strict measures of criminal policy in society, as well as norms that do not allow freedom of expression, or by the fact that the Japanese are too afraid of losing their face to commit a crime, or because the authorities are too harsh on people who go beyond what is allowed. In fact, all these assumptions do not correspond to reality. According to numerous researchers, Japanese criminal policy is also particularly soft, based on the principle that the severity of sanctions cannot restrain the growth of crime. The consistently low crime rate in Japan is largely due to the current success in the field of prevention, as well as the balance of value orientations, rehabilitation measures, universalization and probation.

Key words and phrases: recidivism, crime prevention, criminal policy, legislative framework, probation, criminal legislation, foreign experience, legal impact, rehabilitation measures, system basis.

Многие годы исследуя состояние и особенности рецидивной преступности [1], а также другие аспекты, связанные с рецидивом в нашей стране [2], автор не случайно решил рассмотреть систему мер противодействия рассматриваемому феномену в Японии. Актуальность исследуемой

в работе проблематики по большей части обусловлена тем, что один из самых низких уровней преступности среди иностранных государств, в настоящее время отмечается в Японии. Так, начиная с 1996 г. уровень преступности в Японии ежегодно увеличивался, но с 2002 г. тенденция изменилась, и с

тех пор показатели преступности ежегодно снижаются. Также важно подчеркнуть, что в течение этого периода, с 2002 г. общее количество преступлений в Японии снизилось в 2,3 раза [3, с. 43].

Такое практически единственное в своем роде явление ученые объясняют рядом причин. В частности, в японском обществе отмечается сравнительно однородная национальная структура населения. В добавление к этому отмечается островное положение страны и единый язык. К тому же на протяжении многих веков правительством страны активно проводилась политика воспрепятствования притоку на территорию государства представителей других народностей [4, с. 59]. А также Япония отличается совершенным и эффективным законодательством в различных сферах: область возмещения вреда, собственные методы профилактической работы и профессиональность правоохранительных органов [5, с. 82].

После 1945 г. оккупационные власти начали реформу конституции и остальных законов в Японии. Уголовный кодекс был также реформирован, в него внесли изменения в 1947 г., но он оставался практически идентичным версии 1907 г. Однако уголовно-процессуальный кодекс был существенно пересмотрен с целью включения в него норм, гарантирующих права обвиняемого. Судья, хотя все еще мог допрашивать свидетелей, решал дело на основании доказательств, представленных обеими сторонами. Уголовное судопроизводство в Японии регулируют нормы Уголовно-процессуального кодекса 1948 г., а также ряд отдельных уголовно-процессуальных норм, которые содержатся в других законодательных актах, в том числе в Законе о прокуратуре 1947 г., в Законе о полиции 1954 г., и др. [6, с. 234]. В послевоенные годы в дополнение к уголовному правосудию были приняты законы о возмещении ущерба неправомерно обвиняемым, и законы о несовершеннолетних, тюрьмах, условно осужденных и мелких правонарушениях [7, с. 45].

Уголовный кодекс Японии 1907 г. устанавливает сроки наказания за преступления

с учетом различных обстоятельств каждого преступления и правонарушителя. Рецидивистам назначаются более суровые наказания. Вместе с тем в Японии при некотором ожесточении судебной практики в отношении особо опасных противоправных деяний идет активный процесс снижения общего уровня преступности и очевиден рост нетерпимости общества к ее проявлениям. Одновременно с этим некоторые отечественные специалисты отмечают, что данные сравнительного анализа противодействия преступности в одной из таких благополучных стран, как Япония, свидетельствуют о том, что даже и в этой стране процессы борьбы с преступностью имеют свои особенности и сложности [8, с. 8].

В целом снижению преступлений в Японии во многом содействует современная японская система уголовного правосудия. Эффективной деятельностью современной японской системы уголовного правосудия способствуют три основные особенности. Во-первых, полиция, прокуратура, суды и исправительные учреждения поддерживают тесные отношения сотрудничества друг с другом. Во-вторых, граждане поощряются оказанием помощи в поддержании общественного порядка и активно участвуют в кампаниях по предупреждению преступности. Наконец, должностным лицам, осуществляющим уголовное правосудие, предоставляется значительная свобода действий в отношении правонарушителей [9, с. 124].

По большей части, низкий уровень преступности, также связан и с тем, что Япония всегда считалась страной с самым жестким законодательством в мире относительно частного владения оружием. Эти традиции восходят к одиннадцатому веку, к временам, запрещающим японскому крестьянству владеть любыми видами оружия, в целях противодействия волнениям и восстаниям с их стороны. И сегодня в Японии традиционно действует самый строгий в мире Закон о контроле над огнестрельным и холодным оружием 1958 г., содержащий множество запретов. В последствии в него было внесено

десять различных поправок [10, с. 67], поэтому сегодня в Японии существуют жесткие запреты в сфере оборота огнестрельного оружия, в меньшей степени они касаются законных коллекционеров антикварного оружия и лицензированных стрелковых команд. Получение лицензии на оружие занимает в среднем четыре месяца. Также для этого необходим ряд специальных учебных курсов. Кроме того, покупка охотничьего ружья требует длительного периода ожидания и тщательной проверки анкетных данных. Зарегистрированные в Японии владельцы оружия обязаны хранить свое оружие в сейфах, которые раз в год проверяются полицией. Призывы японского гражданского общества ужесточить контроль над оружием не прекращаются и сегодня. В настоящее время японцы резко выступают против американской оружейной политики. Одно из предложений состоит в том, чтобы обязать владельцев оружия хранить приобретенные экземпляры у торговцев оружием, а не держать его дома [11, с. 25].

В стране восходящего солнца преступления редко совершаются с применением огнестрельного оружия. Японцам запрещается владеть даже имитационным или охолощенным оружием [12, с. 73]. Охотничьи ружья и церемониальные мечи в обязательном порядке регистрируются в полиции. Использовать гладкоствольное охотничье оружие для самообороны воспрещается. Не имея лицензию на такое оружие, гражданам запрещается брать его в руки. Лицами, занимающимися спортивной пулевой стрельбой, как правило, являются военнослужащие и полицейские. Производство и продажа боевых и холостых патронов также контролируются, как и транспортировка и импорт любого оружия. Согласно японскому законодательству, владеть и хранить оружие без лицензии строго запрещено. Эти действия подлежат наказанию в виде лишения свободы до десяти лет и штрафом в один миллион японских иен. Единственные, кто законно владеет правом ношения боевого огнестрельного оружия, это полицейские и солдаты [13, с. 89].

Низкий в настоящее время уровень преступности объясняется японскими традициями и послушанием. Согласно анализу культуры вины, важным фактором, удерживающим преступность на низком уровне, является традиционный акцент на индивиду, как члене групп, репутацию которых он или она не должны запятнать в глазах своего окружения. В этих социальных группах, состоящих из членов семьи, друзей и коллег по работе или учебе японский гражданин имеет социальные права и обязанности, может получить эмоциональную поддержку и должен соответствовать всем ожиданиям, которые к нему предъявляются обществом [14, с. 16].

Существенно снижают преступления в Японии программы пробации (меры социально-правового воздействия на лиц, условно освобождённых, либо условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы), которые в условиях нового тысячелетия привлекают к себе особое внимание из-за эффективной профилактики рецидивизма. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся мер, не связанных с лишением свободы – «Токийские правила», подчеркивают важность принятия сообществом успешной реинтеграции правонарушителей в общество и участия в ней. В Японии волонтеры и другие добровольцы играют важную роль в содействии реинтеграции правонарушителей в общество [15, с. 39].

Одной из практик, способствующих вовлечению общин в перевоспитание правонарушителей, является система добровольного пробационного офицера. Общественные волонтеры, которые назначаются на неполный рабочий день государственными служащими для поддержки работы профессиональных сотрудников службы пробации, активно поддерживают работу профессиональных сотрудников службы пробации, осуществляя надзор и оказывая помощь правонарушителям в общинах, в которых они живут. Это ключевые фигуры, которые способствуют реабилитации рассматриваемой категории лиц, а также принятию правонарушителя сообществом. Однако в соответствии с

социальными и культурными изменениями японская система пробации сталкивается с рядом проблем. В ответ на это Реабилитационное бюро Министерства юстиции осуществило ряд мер, включая создание Центров реабилитации правонарушителей и создание новой схемы компенсации имущественного ущерба или телесных повреждений, причиненных добровольным сотрудникам службы пробации или членам их семей. Что касается лиц, освобожденных из мест заключения, то в отношении них на протяжении восьмимесячного срока предпринимаются мероприятия по поиску им жилого помещения, а также проводится работа по ограничению контактов с лицами противоправного поведения. Важно подчеркнуть о том, что в стране функционирует сеть органов по реабилитационной защите, среди которых в первую очередь необходимо отметить работу центральных и районных комиссий по реабилитационной защите населения, а также пунктов надзора, которые заняты оказанием помощи по ресоциализации бывших преступников. Также в стране работают многочисленные общественные организации, активно предупреждающие рецидивную преступность [16, с. 86].

Таким образом в Японии функционирует уникальная система пробации, в результате которой привлекаются гражданские добровольцы в целях поддержки деятельности профессионалов. Работа службы пробации пользуется поддержкой государства и японского общества. Ее задача состоит не только в постоянном надзоре, но и в осуществлении профилактической работы. В результате низкий уровень рецидива преступлений объясняется не только эффективной работой правоохранительных органов по профилактике преступлений, но результатами деятельности по реабилитации правонарушителей, поскольку такая работа строится на системной, непрерывной и комплексной основе при непосредственном вовлечении в нее частных лиц, общественности, волонтерского движения.

Следует подчеркнуть, что в Японии профилактика преступности осуществляется не

только уголовно-правовыми мерами воздействия, но также активно используются и меры предупредительного характера. Они сводятся к тому, что лица, совершившие преступления, не сразу направляются в исправительные учреждения, так, например, деликвенты направляются в исправительные заведения для несовершеннолетних [17, с. 67].

Мероприятия по предупреждению преступности в Японии разделяют на те, которые непосредственно направлены в целом на общество либо его отдельные группы (эти меры никак не являются индивидуальными). А также на меры, с адресуемые конкретной категории лиц, которая в силу своих личностных характеристик, образа жизни и других причин, и условий, может быть склонна к совершению преступлений. В процессе осуществления общесоциальных профилактических мер полицейские силы, учреждения системы образования, общественные организации, проводят широкую пропаганду законопослушности посредством распространения прекрасно прокомментированной законодательной и иной правовой литературы, издаваемой крупным тиражом.

Кроме того, нельзя не сказать и о виктимологической профилактике, которая в Японии находится на высоте. Так в стране повсюду можно встретить множество рекламных щитов, на которых население предупреждают о том, что, даже если вы живете в относительно безопасном районе, правила безопасного поведения должны соблюдаться для вашей же защиты. Также эти информационные стенды предупреждают о том, чтобы население не ходило в одиночку по темным улицам и не задерживалось допоздна в районах, где преступления часто совершаются в ночное время суток, а также следило за своими личными вещами, особенно за предметами, содержащими личную информацию, такими как карта проживания и телефон, и было в курсе существования вредоносных интернет-сайтов, а также владело информацией о лицах, с которыми общается на интернет-ресурсах. Японцам постоянно внушают информацию о том, что что если

ими будет ослаблена бдительность хотя бы на мгновение, то они могут столкнуться с неприятной или опасной ситуацией. Кроме того, все без исключения японские граждане должны проявлять осторожность в своей повседневной жизни и постоянно осознавать потенциальные опасности [18, с. 72].

В целях вовлечения широких слоев общественности в работу по профилактике противоправных деяний различными государственными и муниципальными органами, Министерством юстиции, Главным полицейским управлением проводится энергичная и действенная пропагандистская деятельность. К примеру, каждый год в стране проводят кампании, повышающие правовую грамоту общества и общественное обеспечение государственных мер по противодействию преступности. К тому же, публикуя различные материалы, освещающие проблематику борьбы с преступностью, органы государственной власти тем самым стремятся к поддержанию с населением тесного диалога в целях выявления больших недостатков в деятельности государства, направленной на борьбу с преступностью.

Основную часть работы по предупреждению преступности берут на себя сотрудники полиции, особенно занимаясь индивидуальной профилактикой первичной преступности, осуществляя пристальное наблюдение за лицами, склонными к ведению противоправного поведения. В первую очередь, со стороны полицейских осуществляется индивидуальная воспитательная работа с трудными подростками в условиях образовательной среды, а также во время проведения других мероприятий [19, с. 9].

Осуществляя практические мероприятия, связанные с воспитанием подрастающего японского поколения в рамках законопослушания, сотрудники японских правоохранительных органов пользуются терминологией делинквентного поведения. Целью нейтрализации делинквентного поведения несовершеннолетних правонарушителей, является принятие различных мер воспитательного воздействия для скорейшего перевоспитания подростков и молодежи.

Практическая деятельность по перевоспитанию несовершеннолетних имеет различные формы и методы, характер которых регулярно обновляется [20, с. 70].

В мероприятиях по воспитанию населения по обеспечению собственной безопасности в рамках национальных традиций участвует ряд специализированных органов и организаций. В том числе с этой целью издается различная литература, предназначенная для стимулирования граждан обеспечивать в случаях необходимости их собственную самозащиту [21, с. 35].

Нельзя не сказать о том, что в условиях начала нового тысячелетия в Японии наблюдается бум добровольных помощников в области предупреждения преступности, и он в значительной степени концептуализирован и организован японской полицией в тесном сотрудничестве с местными властями и различными общественными формированиями граждан и ассоциациями. Деятельность общественности в работе по предупреждению преступлений широко информируется и находится под влиянием криминологических теорий, концепций и исследований, а также встроена в более общие (местные) усилия правительства направленные на создание жизненной среды, в которой люди могут вести здоровый образ жизни, чувствуя себя в безопасности. Хотя влияние общественности деятельности на уровень преступности трудно оценить, эта деятельность в любом случае предоставляет возможности для расширения социального взаимодействия правоохранительных структур, органов государственной власти и населения, а также приводит к созданию пространства, в котором представители населения всегда готовы прийти на помощь или поучаствовать в работе по профилактике преступности [22, с. 16].

В этой связи следует отметить, что серьезнейшим направлением в процессе взаимодействия власти и общества является противодействие рецидиву преступлений, поскольку на фоне общего снижения преступности ощутим рост преступности рецидивной. Как правило, рецидивная преступ-

ность представлена многократно судимыми за совершение различных краж лицами старших возрастных групп, одиноких, не имеющих постоянного места жительства. В этой связи японским правительством была сформулирована и принята «Стратегия по предупреждению рецидивной преступности» [23, с. 118]. В том числе в этих целях в 2014 г. принята правительственная декларация «Don't Let Them Go Back To Crimes», цель которой не изоляция преступников от общества, а возвращение их общими усилиями государственных структур общественности к нормальной жизни. Для этого в местах лишения свободы с 2014 г. работает около двух тысяч добровольных капелланов и тысяча семьсот волонтеров, которые заняты посещением лиц, отбывающих наказание. Такая деятельность считается весьма необходимой в стране, поскольку в соответствии со статистическими данными места лишения свободы ежегодно покидает более шести тысяч человек, которым негде жить, и в этой связи в течение двух лет каждый третий из них возвращается в места заключения. Кроме того, как показывают статические данные, около 70 % осужденных к лишению свободы в момент совершения противоправных деяний были безработными либо проживали без постоянного источника дохода. Ими в четыре раза чаще совершается рецидив пре-

ступления, чем лицами, имеющими работу [24, с. 118].

Японским правительством реабилитация рассматривается, как система, предотвращающая повторные преступления лиц, ранее совершавших противоправные деяния, посредством подобающего отношения к ним общества. Правительство оказывает всяческую помощь рассматриваемой категории граждан, чтобы они смогли измениться, исправиться и интегрироваться в японское общество, тем самым повышая индивидуальное и общественное благосостояние. В том числе рассмотренные меры способствуют тому, что в настоящее время Япония одной из самых безопасных стран в мире.

Проведенное исследование японского положительного опыта по предупреждению рецидива преступлений дает основание утверждать о том, что планомерная работа в рассматриваемом направлении делает возможным постепенно искоренить многие факторы и предпосылки возникновения рецидива преступлений. Сравнение и изучение подходов зарубежных стран, в том числе и Японии, по профилактике рецидива преступлений являются важными аспектами для повышения эффективности предупреждения рассматриваемой преступности в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобец П. Н. Понятие, состояние и особенности рецидивной преступности в Российской Федерации. В сборнике: Организационно-правовые проблемы борьбы с преступностью в регионах России. Сборник научных трудов. Редколлегия: Борбат А. В. (ответственный редактор), Дугенец А. С. (ответственный секретарь), Гладких В. И., Могачев М. И., М., 2001. С. 120 – 129.
2. Кобец П. Н. Дифференциация рецидива преступлений по уголовному праву Российской Федерации. В сборнике: Наука, общество, государство: проблемы, опыт, исследования: Сборник научных трудов. Редколлегия: Галкин В. В. научный редактор, Фефелов В. М. зам. научного редактора, Савинкова О. Н., Юрьева И. Ф. ответственный секретарь. Воронеж, 2001. С. 43 – 45.
3. Квашиш В. Е. Преступность в Японии: вчера, сегодня и завтра // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 39 – 45.
4. Кобец П. Н. Влияние демографического кризиса в Японии на экономическое развитие страны и безопасность бизнеса // Безопасность бизнеса. 2019. № 5. С. 58 – 64.
5. Кобец П. Н. Правовое регулирование возмещения преступного вреда в государствах англосаксонской правовой системы и необходимость использования их опыта в отечественной законодательной деятельности // Виктимология. 2021. Т. 8, № 1. С. 79 – 88.

6. Реховский А. Ф. О роли прокурора в процессе предварительного расследования в Японии. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2 (21). С. 234 – 238.
7. Еремин В. Н. История правовой системы Японии. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 293 с.
8. Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: Дне. ... канд. юрид. наук. Владивосток: ДВГУ, 2000. С. 11.
9. Квашис В. Е., Морозов Н. А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал МВД России. 2015. № 1 (29). С. 120 – 126.
10. Шадрин О. Ю. Об опыте противодействия организованной преступности в соответствии с «Законом по борьбе против незаконных действий челнов преступных организаций» в Японии // Вестник Международного юридического института. 2014. № 4 (51). С. 67 – 71.
11. Ставропольский Ю. В. Философия культуры владения оружием в Японии // Правовая культура. 2018. № 1 (32). С. 22 – 28.
12. Морозов Н. А. Законодательное регулирование оборота огнестрельного оружия в Японии, Китае и Филиппинах // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2011. Т. 13. № 2. С. 71 – 78.
13. Николаев А. М. Роль японской таможни в пресечении контрабанды оружия в страну. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (92). С. 88 – 92.
14. Кобец П. Н. Особенности и проблемы генезиса современного гражданского общества Японии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 15 – 17.
15. Варламова О. Ф. Особенности института пробации в Японии // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 4. С. 38 – 40.
16. Андреева Ю. В. Государственная политика Японии в области исправления осужденных и их постпенитенциарной адаптации. // Инновационные тенденции развития российской науки : материалы IX Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2016. С. 85 – 87.
17. Майоров А. В., Хашимов А. А. Общество и преступность: зарубежный опыт виктимологического воздействия // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1(38). С. 62 – 72.
18. Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии; Пер. с яп. О. А. Белявской ; под общ. ред. и с вступ. ст., с. 3 – 20, Н. Ф. Кузнецовой, В. Н. Еремина. М. : Прогресс, 1989. 253 с.
19. Квашис В. Е. Полиция Японии : организация и эффективность // Общество и право. 2018. № 2(64). С. 9 – 14.
20. Кочин А. А. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних: зарубежный опыт // Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций : материалы международной научно-практической конференции. 2006. С. 65 – 71.
21. Белявская О. А. Уголовная политика Японии ; редкол. : Ананиан Л. Л. (отв. ред. и отв. за вып.), Кондрашков Н. Н. (гл. ред.), Мясоедов Н. Н. М. : изд-во ИНИОН РАН, 1992. 56 с.
22. Гордеев А. Ю. К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 11А. С. 115 – 121.
23. Квашис В. Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 13 – 20.
24. Квашис В. Е., Генрих Н. В. Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии // Общество и право. 2016 №» (56). С. 108 – 120.

© Кобец П. Н.

А. С. ТУМАНОВ, адъюнкт кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

A. S. TUMANOV, Postgraduate of the Chair of Criminal Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Moscow)

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ КРАЖ ИЗ ТРУБОПРОВОДОВ

THE EFFECT OF THE CRIMINAL LAW IN THE SPACE WHEN COMMITTING THEFTS FROM PIPELINES

Аннотация. Тайные хищения, совершаемые из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода на сегодняшний день носят массовый характер. Наличие масштабной транснациональной сети трубопроводов порождает необходимость изучения отдельных вопросов ответственности за рассматриваемое деяние с позиции существующих норм и принципов действия уголовного закона в пространстве. В судебной и следственной практике встречаются случаи краж нефти, нефтепродуктов и газа из полости трубопроводов, принадлежащих Российской Федерации, на территории других государств. Акцентировано внимание на случае совершения преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, где виновными лицами выступают граждане иностранного государства. Анализируются вопросы уголовно-правовой юрисдикции Российской Федерации в отношении трубопроводной системы и содержащихся в ней продуктов.

Ключевые слова: действие уголовного закона в пространстве, принципы гражданства, реальный и универсальный, нефтепровод, нефтепродуктопровод, газопровод, кража.

Abstract. Secret thefts committed from an oil pipeline, an oil product pipeline and a gas pipeline are of a massive nature nowadays. The presence of a large-scale transnational network of pipelines creates the need to study individual issues of responsibility for the act in question from the perspective of existing norms and principles of the criminal law in the space. In judicial and investigative practice, there are cases of theft of oil, petroleum products and gas from the cavities of pipelines belonging to the Russian Federation on the territory of other states. Attention is focused on the case of committing a crime under paragraph "b" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, where the guilty persons are citizens of a foreign state. The issues of the criminal legal jurisdiction of the Russian Federation in relation to the pipeline system and the products contained therein are analyzed.

Key words and phrases: operation of the criminal law in space, principles of citizenship, real and universal, oil pipeline, oil product pipeline, gas pipeline, theft.

В 2006 году статья 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) была дополнена квалифицирующим признаком в виде кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода [1]. На сегодняшний день тайное хищение энергетических ресурсов из трубопровода подлежит квалификации по п. «б» ч. 3 этой уголовно-правовой нормы [2, с. 156]. Преступление относится к категории тяжких.

Максимальное наказание, установленное санкцией статьи за такие хищения, предусматривает лишение свободы на срок до шести лет.

Данные официальной статистики показывают, что за год в среднем к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, привлекается более 250 человек [3]. В свою очередь, судебнo-следственная прак-

тика свидетельствует о том, что субъектом таких преступлений могут выступать не только граждане России, но и иностранные граждане, которые совершают хищения из трубопроводов как на территории России, так и за ее пределами.

На территории Российской Федерации успешно функционирует масштабная сеть трубопроводов (нефтепроводов, газопроводов, нефтепродуктопроводов и магистральных трубопроводов), которые находятся на территориях почти всех субъектов Российской Федерации. Действующая сеть таких трубопроводов имеет внушительные масштабы распространения – их общая протяженность составляет более 250 тысяч км. Ряд магистральных трубопроводов доставляет энергетические ресурсы на территории других государств. Основными трубопроводными транспортными магистралями международного характера, являются: газопроводы «Голубой поток» (Турция, более 1200 км), «Турецкий поток» (Турция, Южная и Юго-Восточная Европа, более 900 км), «Ямал-Европа» (Беларусь, Польша, Германия, более 2000 км), «Северный поток» (Германия, более 1200 км) и один из крупнейших в мире нефтепроводов «Дружба» (Беларусь, Польша, Украина, более 8900 км).

Транснациональные поставки по трубопроводам регулируются нормами публично-международного права экономического характера. В этой сфере правовой юрисдикции действуют и нормы уголовного национального законодательства.

Существует две нормы уголовного закона, устанавливающие принципы их действия в пространстве (статья 11 и 12 УК РФ) [4, с. 264]. В этих двух статьях предусмотрено 4 принципа: территориальный, гражданства, универсальный и реальный. Рассмотрим их более детально применительно к краже нефти, продуктов ее переработки и газа из трубопровода.

Основным принципом действия уголовного закона в пространстве является *территориальный*. Этот принцип выражается в том, что лица, совершившие преступления на территории Российской Федерации, не-

сут ответственность по УК РФ. Уголовная ответственность не зависит от того является ли такое лицо гражданином России, иностранным гражданином или апатридом [5, с. 86].

Как показывает статистика – хищения из трубопровода, *как правило*, совершаются гражданами Российской Федерации. Однако подчас субъектом преступления выступают иностранные граждане, которые постоянно проживают на территории России [6, 7]. В общей структуре преступлений этого вида такие факты имеют нерегулярный и хаотичный характер, т. е. они никак не связаны между собой.

Так, в апреле 2020 года Прокуратура города Мегион (Ханты-Мансийского автономного округа) утвердила и направила в суд обвинительное заключение в отношении двух граждан Республики Казахстан. Данные лица путем несанкционированного подключения к магистральному нефтепроводу Самотлор – Усть-Балык – Омск осуществили откачку нефти массой более 70 тонн. Похищенное сырье хранилось на бывшей заправочной базе грузовой техники для дальнейшей реализации. Ущерб, причиненный кражей из трубопровода, составил 1 млн 700 тысяч рублей. Преступные действия квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору из нефтепровода в особо крупном размере) [8].

Территориальный принцип распространяется на преступления, которые совершены в пределах:

– территориального моря – морского пояса шириной 12 морских миль, примыкающего к сухопутной территории или к внутренним морским водам [9];

– континентального шельфа – территории шириной 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря [10];

– исключительной экономической зоны – морского района протяженностью 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря [11].

В соответствии с положениями статей 77 и 79 Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) юрисдикция Российской Федерации (как прибрежного государства) распространяется на разработку и разведку природных ресурсов, а также на прокладку подводных кабелей и трубопроводов [12]. Исходя из этого, правовой статус трубопроводов, проходящих через континентальный шельф, исключительную экономическую зону и открытое море, определяется законодательством той страны, которой он принадлежит. В данном случае нормы международного и отечественного права, в части действия уголовного закона на территории континентального шельфа и исключительной экономической зоны, находятся в согласовании. Однако в судебно-следственной практике до настоящего времени не зафиксированы факты краж энергоресурсов, совершенные на континентальном шельфе или в исключительной экономической зоне.

Территориальный принцип действия дополняется принципом гражданства. Согласно указанному принципу, если граждане Российской Федерации или постоянно проживающие в ней лица без гражданства совершат вне пределов нашей страны преступление против интересов, охраняемых УК РФ, то они подлежат ответственности в соответствии с уголовным законодательством России. Применительно к хищениям из трубопроводов принцип гражданства означает, что указанные выше категории лиц при совершении на территории иностранного государства незаконного подключения к российскому трубопроводу (или трубопроводу, принадлежащему иностранному государству, но содержащему российский продукт) и дальнейшем корыстном изъятии нефти, продуктов ее переработки или газа подлежат ответственности по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако в судебно-следственной практике применение принципа гражданства до настоящего времени не фиксировалось. С практической точки зрения, исследуемый принцип действия уголовного закона в пространстве в отношении краж, совершенных из трубопроводов, не реализуется.

Действие уголовного закона в пространстве подчиняется и универсальному принципу. Он направлен на достижение цели неотвратимости уголовной ответственности и наказания, предупреждение преступлений, независимо от государственной принадлежности виновных лиц, а также места совершения преступления [13, с. 29]. Данный принцип позволяет привлекать к уголовной ответственности иностранных граждан и апатридов, совершивших преступное деяние вне пределов территории России. Это возможно при наличии соответствующего международного договора или иного документа международного характера. Такие международные договоры представляют собой, как правило, многосторонние документы (конвенции). Универсальный принцип основан на правовой взаимопомощи между странами в противодействии опасным международным преступным посягательствам [14, с. 98]. Однако международных актов и соглашений, регулирующих ответственность за тайные хищения нефти, продуктов ее переработки и газа из трубопроводов, на сегодняшний день в нашей стране не существует. Отсутствие нормативно-правовой базы международного характера позволяет сделать вывод: универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве в отношении хищений из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода фактически не применяется.

Реальный принцип действия закона в пространстве выражается в возможности применения норм уголовного законодательства России к иностранным гражданам и апатридам, если преступные деяния совершаются ими вне пределов Российской Федерации. Исследуемый принцип в части определения категории субъектов, подлежащих ответственности и места совершения преступления, во многом совпадает с универсальным. Между тем согласно реальному принципу реализация уголовной ответственности в соответствии с УК РФ возможна и без международных соглашений и конвенций, если совершенные преступления направлены: а) против ин-

тересов Российской Федерации; б) против интересов гражданина РФ или лица, постоянно проживающего на ее территории [15, с. 105]. Под такими интересами обычно понимают так называемый общий объект уголовно-правовой охраны, т. е. всех общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством и отраженных в статье 2 УК РФ [16, с. 20]. К подобным интересам при хищении из трубопровода можно отнести общественные отношения в области охраны окружающей среды, собственности, обеспечения общественной безопасности, а так же иные интересы имущественного характера.

Юридический момент перехода права собственности на ресурсы происходит на пунктах приема и сдачи нефти (нефтепродуктов, газа), которые обычно расположены возле границ государств. Такая процедура происходит с участием специалистов двух стран и сопровождается составлением соответствующего акта. Система трубопроводного транспорта может и не принадлежать Российской Федерации. Так, например, белорусский участок магистрального нефтепровода «Дружба» находится в собственности «Гомельтранснефти», украинский – «УкрТатНафты», чешский участок нефтепровода под контролем чешской компании «Мега», польский и немецкий участки принадлежат польской компании по эксплуатации нефтепроводов «Репн» и т. д. В тех случаях, когда трубопровод и поставляемые по нему продукты юридически принадлежат другому государству, ответственность будет наступать по уголовному закону этого государства. Действие уголовного закона РФ в пространстве и все его принципы на такие случаи не распространяется.

Как показывает судебно-следственная практика, реальный принцип действия уголовного закона в пространстве наиболее часто применяется при хищении из трубопроводов тех ресурсов, транспортировка которых происходит транзитом.

Транзитная транспортировка подразумевает под собой перемещение нефти, нефтепродуктов и газа из России через тер-

риторию, по меньшей мере, одной страны в третью страну [17]. Такой вид транспортировки осуществляется по трансграничным трубопроводам и регулируется конкретными международными и межгосударственными соглашениями [18]. При транзитной поставке нефти, нефтепродукты и газ, находящиеся в полости трубопровода, принадлежат Российской Федерации. Так, например, в соответствии со статьей 10 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь «О транспорте природного газа через территорию Республики Беларусь и поставках его потребителям Беларуси» газ, переданный Республике Беларусь для транзитной транспортировки, «является собственностью Российской Федерации» [19]. Подобная оговорка существует во всех межгосударственных актах в области поставки и транспортировки нефти, нефтепродуктов и газа из России.

Для принципа гражданства, а также реального и универсального принципов действия уголовного закона в пространстве устанавливается единое общее условие – отсутствие по данному факту хищения из трубопровода решения суда иностранного государства.

В ходе предварительного исследования был использован метод контент-анализа, то есть качественно-количественного изучения содержания документов с целью выявления или измерения отраженных в них фактов и тенденций [20, с. 185]. Социологическое обобщение указанным методом показало: тайные хищения из трубопроводов, совершаемые иностранными гражданами, как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами (кражи из транзитных трубопроводов), встречаются в следственной практике, хотя и не имеют массового характера. В генеральную совокупность вошли все сообщения средств массовой информации информационно-телекоммуникационной сети Интернет о противоправных действиях в системе трубопроводного транспорта, опубликованные с 2007 (с момента введения в уголовный за-

кон квалифицирующего признака) по 2020 год. В общей сложности было обобщено и проанализировано около 200 сообщений российской, украинской, белорусской, польской и латвийской прессы [21]. Смысловой единицей анализа выступала тема или событие о правонарушении в этой сфере, которое содержалось в заголовке или самом тексте статьи.

Сплошная выборка документального материала позволила обеспечить максимальную репрезентативность исследования. Из общего объема данных было зафиксировано 47 фактов (23 %) несанкционированных врезок с последующим хищением нефти, нефтепродуктов или газа из российского (или транзитного) трубопровода. Чаще всего предметом преступного посяательства становится нефть и нефтепродукты (до 90 %). Наибольшая часть такого вида краж совершается из магистрального нефтепровода «Дружба» (до 70 %). Подавляющее большинство несанкционированных подключений к российскому трубопроводу (или транзитному) с последующим хищением происходит на территории Украины (до 75 %). По факту всех совершенных краж из трубопроводов возбуждаются уголовные дела по соответствующей статье уголовного закона. Например, на Украине в составе кражи не выделяется квалифицирующего признака в виде хищения из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода. Несанкционированная врезка в один из таких трубопроводов и последующие незаконное изъятие ресурсов квалифицируется в соответствии с общими положениями о краже (ст. 185 УК Украины) [22].

Так, например, приговором Роменского городского суда Сумской области Украины

организованная группа, состоящая из 6 человек, была привлечена к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 185 УК Украины (кража, совершенная организованной группой). Виновные лица за период с июня 2011 года по август 2011 года совершили 16 эпизодов краж нефти путем несанкционированного подключения к трубопроводу на общую сумму более 140 тысяч гривен (что эквивалентно сумме более 380 000 тысяч российских рублей) [23].

В заключении отметим, что уголовная ответственность за совершение кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода реализуется только в соответствии с территориальным и реальным принципами действия уголовного закона в пространстве. Принцип гражданства, а также универсальный принцип на сегодняшний день в судебной-следственной практике фактически не применяется. Уголовно-правовая юрисдикция Российской Федерации распространяется и на кражи, совершаемые иностранными гражданами из транзитных трубопроводов, принадлежащих России, но проходящих по территории иностранного государства.

Обобщая судебную практику, статистические данные и сведения, полученные из средств массовой информации, можно сделать прогноз о том, что, к сожалению, подобное негативное явление будет иметь место и в дальнейшем. Соответственно, для реализации универсального принципа действия уголовного закона в пространстве необходимо принятие конкретных международно-правовых актов, направленных именно на борьбу с кражами, совершаемыми из трубопроводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2006 № 283-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Плешаков А. М., Осипов В. А. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 155 – 159.

3. Данные ГИАЦ МВД России (форма статистической отчетности «Отчет о результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности» - Форма «5»).
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект. 2019. 833 с.
5. Уголовное право России: учебник. В 2-х т. / под ред. Н. Г. Кадникова. Т. 1. Общая часть. М. : Юриспруденция, 2018. 436 с.
6. Граждан Латвии осудили за хищение нефтепродуктов из МНПП [Электронный ресурс] Официальный сайт ПАО «Транснефть». URL: <https://baltic.transneft.ru>. (дата обращения: 10.05.2021).
7. В Югре мигрант из Таджикистана похитил сырье из нефтепровода [Электронный ресурс] URL: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200427/1031136532/yugra-migrant-tajikistan-syrtya.html> (дата обращения: 10.05.2021).
8. В Мегиионе суд рассмотрит уголовное дело о хищении сырья из нефтепровода [Электронный ресурс] Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1826774/> (дата обращения: 10.05.2021).
9. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020). СПС «Консультант-Плюс».
10. О континентальном шельфе Российской Федерации : федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ (ред. от 28.11.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС «Консультант-Плюс».
11. Об исключительной экономической зоне Российской Федерации : федеральный закон от 17.12.1998 № 191-ФЗ (ред. от 27.06.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). СПС «Консультант-Плюс».
12. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // СПС «Консультант-Плюс».
13. Князев А. Г. Действие уголовного закона в пространстве : научно-практическое пособие для работников органов прокуратуры / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2018. 224 с.
14. Молчанов Д.М. Принцип справедливости и действие уголовного закона в пространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №12 (52). С. 95 – 104.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. 316 с.
16. Качалов В. В., Маслакова Е. А., Анненков А. Ю. Действие Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Миграционное право. 2015. № 4. С. 20 – 23.
17. Руководящий документ «Магистральный нефтепроводный транспорт. Термины и определения» РД-01.120.00-КТН-228-06 [Электронный ресурс] URL: <http://www.norm-load.ru/SNiP/Data1/54/54893/index.htm#i852295> (дата обращения: 12.05.2021).
18. Соглашение о сотрудничестве в области энергетики Российской Федерации и Республики Кыргызстан, 10.06.1992 [Электронный ресурс] ИС «Континент» URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30243757 (дата обращения 12.05.2021).
19. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о транспорте природного газа через территорию Республики Беларусь и поставках его потребителям Беларуси 20.07.1992 // Бюллетень международных договоров, № 10, 1993 г.
20. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова. Минск, 2003. 384 с.
21. Российские информационные агентства: ТАСС, РИА Новости, Корреспондент; украинские: Буквы, Newsmir, Страна; белорусские: Белта, TUT.BY, Белновости; польские: Biznesalert, WirtualnaPolska; латвийские: Delfi, Jauns.
22. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.04.2020 г.) [Электронный ресурс] ИС «Юрист» URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 12.05.2021).
23. Приговор Роменского городского суда Сумской области Украины от 31 октября 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://youcontrol.com.ua/ru/catalog/court-document/30290979> (дата обращения: 12.05.2021).

© Туманов А. С.

С. О. БУЯНТУЕВ, адвокат, член Екатеринбургской коллегии адвокатов «Защита» (г. Екатеринбург)

S. O. BUYANTUEV, Lawyer, Member of Yekaterinburg Bar Association "Protection" (Yekaterinburg)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРАВ**

**ENSURING THE SECURITY OF DEFENSE LAWYER'S PARTICIPATION
IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS AS A GUARANTEE OF THE EXERCISE
OF THEIR RIGHTS**

***Аннотация.** Уголовно-процессуальная деятельность адвоката-защитника имеет важное значение как в доказательственном процессе, так и в выполнении задач уголовного судопроизводства. Действие уголовно-процессуальных гарантий в производстве по уголовному делу играет особую роль для процесса реализации прав и защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства. Гарантированное обеспечение прав относится ко всем участникам уголовного процесса. Вместе с тем особое значение приобретает реализация гарантий прав адвоката-защитника, представляющего интересы подозреваемого, обвиняемого. Среди имеющихся гарантий процесса реализации прав адвоката-защитника, по мнению автора статьи самостоятельное место занимает обеспечение безопасности его участия в уголовном процессе. Сам процесс обеспечения безопасности защитника имеет свои специфические черты. Они выражаются в ограниченном перечне мер безопасности, которые могут быть применимы для обеспечения безопасности и возможности применения иных внепроцессуальных мер государственной защиты. Вместе с тем к этому участнику уголовного процесса при наличии оснований и условий могут быть применены и внепроцессуальные меры государственной защиты, указанные в Федеральном законе № 119-ФЗ от 20.08.2004 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства».*

***Ключевые слова:** адвокат-защитник, функция защиты, гарантии, уголовный процесс, безопасность, государственная защита.*

***Abstract.** The criminal procedure of a defense counsel is of great important both in the evidentiary process and in the performance of criminal proceedings. The operation of criminal procedural guarantees in criminal proceedings is essential for the process of exercising rights and protecting the legitimate interests of participants in criminal proceedings. Guaranteed rights apply to all participants in criminal proceedings. At the same time, the implementation of guarantees of the rights of a defense lawyer representing the interests of the suspect and the accused is of particular importance. According to the author, among the guarantees available for the process of exercising the rights of a defense lawyer, the security of their participation in the criminal proceedings occupies an independent place. The very process of ensuring the security of a defense lawyer has its own specific features. They are expressed in a limited list of security measures that can be applicable to ensure safety and the possibility of applying other non-procedural measures of state protection. At the same time, if there are grounds and conditions, extra-procedural measures of State protection specified in Federal Law No. 119-FZ of 20.08.2004 "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings" can be applied to this participant in criminal proceedings.*

***Key words:** defense lawyer, defense function, guarantees, criminal procedure, security, State protection.*

Участие адвоката-защитника в современном российском уголовном судопроизводстве имеет важное и существенное значение в процессе реализации функции защиты от обвинения по уголовному делу. Его процессуальный статус включает в определенной степени достаточные полномочия обеспечения защиты подозреваемого, обвиняемого от уголовного преследования. Важное значение в процессе реализации уголовно-процессуальных прав имеет совершенствование имеющихся и определение новых, дополнительных гарантий их применения.

Увеличение процессуальных и иных гарантий реализации правомочий защитника в уголовном процессе указывает на актуальность совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этом направлении. Развитие системы процессуальных гарантий участия адвоката-защитника в уголовном процессе, несомненно, повысит продуктивность его защитной деятельности и создаст достаточные условия для установления процессуального баланса «обвинения-защиты». Такое направление, несомненно, будет способствовать достижению цели уголовного правосудия.

Периодические дополнения в содержание действующего Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) также подтверждают неоднозначную правоприменительную деятельность органов уголовного преследования в досудебном производстве, которая свидетельствует о незаконном ограничении деятельности защитника. В качестве характерного примера такого состояния можно указать на достаточное количество фактов незаконного отказа дознавателем, следователем в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении к материалам уголовного дела собранных им в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ документов. Это состояние свидетельствует о необходимости выявления иных правовых гарантий, как считаем по двум основным направлениям:

1) разработка и внедрение новых правовых (процессуальных) технологий, регламентаций;

2) совершенствование правоприменительной практики уже имеющихся уголовно-процессуальных инструментов обеспечения деятельности адвоката-защитника в производстве по уголовному делу.

Вместе с тем, по нашему мнению, дополнительной гарантией эффективного участия адвоката-защитника в уголовном деле следует рассматривать его состояние безопасности в уголовном процессе, как отсутствие угрозы реализации им своих процессуальных полномочий.

Обеспечение безопасности личности в условиях сложного доказательственного процесса влияет на качество проведенного по делу расследования и последующего судебного рассмотрения обстоятельств совершенного преступления с вынесением правосудного итогового решения. На это важное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в литературе [1, с. 77 – 81; 2].

Обратим внимание на то, что в прежнем УПК РСФСР отсутствовало правовое регулирование безопасного участия субъектов по уголовному делу. В действующем УПК РФ закреплена система мер безопасности, которые имеют уголовно-процессуальное содержание, то есть применяются в рамках уголовного дела и на основании УПК РФ (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Процесс безопасного участия личности в производстве по уголовному делу имеет тенденцию к постоянно совершенствованию. Это относится как к принятию законов и подзаконных актов, направленных на государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, так и внесение новелл в нормы УПК РФ, регулирующие процесс безопасности личности в уголовном деле.

Применение мер безопасности, как это следует из буквального толкования содержания ч. 3 ст. 11 УПК РФ, может быть реализовано лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, фактически ко всем участникам уголовного судопроизводства. Вместе с тем, как считаем, в первую очередь в применении защитных мер нуждаются те процессуальные лица уголовного процесса,

которые оказывают заметное влияние на доказательственный процесс с позиций его эффективности. Указанное правило действует как в отношении участников со стороны обвинения, так и со стороны защиты. В этой связи реализация полномочий защитника в производстве по уголовному делу может являться определенным катализатором возникновения потенциальной угрозы его жизни, здоровью, имеющейся и будущей профессиональной деятельности.

Такая ситуация представляет определенный интерес с точки зрения установления дополнительной (самостоятельной) гарантии обеспечения адвокатской (защитной) деятельности, а также обеспечения прав и законных интересов обвиняемого в уголовном процессе. То есть обеспечение безопасности имеет двойное содержание:

1) прямо влияет на реализацию полномочий защитником;

2) опосредованно относится к полноте использования им своих прав по отношению к доверенному лицу (подозреваемому, обвиняемому).

Уголовно-процессуальные гарантии имеют важное значение и существенно повышают реализацию прав участников производства по уголовному делу.

Под гарантиями прав и свобод личности общепринятым предлагается понимать закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве средства реализации участниками процесса своих прав, свобод и законных интересов [3, с. 109 – 125; 4, с. 62 – 70; 5, с. 62 – 64].

Рассуждая о понятии «гарантий», В. И. Зажицкий предлагает понимать под ними «предусмотренные Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством правовые средства, направленные на успешное решение этих задач» [6, с. 22 – 26]. Не оспаривая в целом такое утверждение, считаем, что уголовно-процессуальные гарантии могут и должны обеспечиваться не только уголовно-процессуальным законом, но и иными нормативно-правовыми актами (действующим законодательством). Применение межотраслевых средств и способов

обеспечения прав и законных интересов участников действующего уголовно-процессуального законодательства существенно повысит достижение его назначения (ст. 6 УПК РФ) [7, с. 94 – 100].

Ж. А. Бажукова предлагает понимать под уголовно-процессуальными гарантиями «установленные законом средства и способы, которые направлены на защиту прав и законных интересов личности. <...> уголовно-процессуальные нормы, закрепленные в них права и обязанности участников, их деятельность, уголовно-процессуальная форма, прокурорский надзор за соблюдением законности, принципы уголовного судопроизводства, процессуальное принуждение и процессуальные санкции» [9, с. 27 – 31]. Это мнение заслуживает одобрения так как включает наиболее полно, на наш взгляд, структурные элементы системного определения «уголовно-процессуальная гарантия».

Н. Н. Апостолова предлагает рассматривать «все уголовно-процессуальное законодательство» в качестве «одной большой гарантией от возможных нарушений и злоупотреблений со стороны должностных лиц государства» [9, с. 3 – 7]. Это утверждение несколько широко применительно к уголовно-процессуальным гарантиям, которые, по нашему мнению, являются частью системы уголовно-процессуального законодательства и соотносятся с ним как «часть и целое».

Не вдаваясь в дискуссию о том, что следует понимать под понятием гарантий (средства, способы, механизмы или правовые технологии) в российском уголовном процессе, отметим, что они имеют принципиально важное значение для реализации установленных нормами УПК РФ прав всех участников процесса.

Безопасность, по нашему мнению, целесообразно рассматривать как самостоятельную гарантию в системе других гарантий деятельности адвоката-защитника по уголовному делу. К их числу можно отнести имеющийся комплекс уголовно-процессуальных мер, направленных на обеспечение независимости адвокатской деятельности

в уголовном процессе; институт обжалования действий (бездействия) и принимаемых процессуальных решений; отводы и т. д.

Особое значение, по нашему мнению, имеет обеспечение безопасности адвоката-защитника, представляющего интересы подозреваемого, обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В подобной ситуации потенциальная угроза может иметь место со стороны соучастников совершенного общественно-опасного деяния или их преступного окружения.

Перечень уголовно-процессуальных мер безопасности, указанный в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, включает пять мер, среди которых, как представляется, не все могут быть применимы по отношению к безопасности адвоката-защитника. Так, например, присвоение псевдонима и изъятия подлинных данных из материалов уголовного дела (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), опознание вневизуального контроля (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) трудно применимо в подобной ситуации. Однако возможность применения, контроля и записи переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), а также рассмотрение материалов уголовного дела в закрытом судебном заседании (ч. 3 ст. 11, ст. 241 УПК РФ), на наш взгляд, вполне применимо при наличии оснований и условий реализации указанных мер безопасности в рамках производства по уголовному делу.

Помимо уголовно-процессуальных мер (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) действующее законодательство содержит систему внепроцессуальных мер государственной защиты. Так, Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ [10] на основании п. 4 ч. 1 ст. 2 устанавливает обязанность применения мер государственной защиты в отношении защитника. В этой связи, по утверждению Т. Г. Дабижа, которая анализирует положения Федерального закона № 119-ФЗ, «построение формулировки пункта 4 ч. 1 ст. 2 позволяет распространять действие данного Закона лишь на защитника (адвоката) подозреваемого, (адвоката) обвиняемого и (адвоката) подсудимого. Но защитники могут быть и у иных субъектов уголовного

процесса» [11, с. 13 – 18]. Вместе с тем, это утверждение предполагается несколько спорным. Защитник в российском уголовном процессе может быть только у лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (защита от обвинения). В этой связи, *a priori* не может быть защитника, например, у потерпевшего или гражданского истца, так как в отношении этой категории участников процесса не осуществляется преследование и их интересы могут осуществлять адвокаты, которые именуется как представители.

Представляется интересным мнение Л. Гребенщиковой, которая отмечает, что «кроме иных видов безопасности адвокату должна быть обеспечена и своеобразная "информационная" безопасность. В отношении конкретного адвоката, адвокатского образования, в рамках которого он осуществляет свою деятельность, а также адвокатуры в целом не должны допускаться высказывания, выступления в прессе и иные методы противоправного воздействия» [12, с. 9 – 11]. Как полагаем, под иными видами безопасности в приведенной цитате имеется в виду система мер государственной защиты, установленная в Законе № 119-ФЗ. Такое предложение заслуживает внимания с точки зрения комплекса защитных мер. Действительно, угрозы могут носить различных характер и формы выражения. Противоправное давление на адвоката-защитника может оказываться и в результате информационных угроз. В данной ситуации содержание угрозы безопасности несколько отличается от общепринятого, когда основным критерием угрозы является ее реальность исполнения, приведения в действие в форме физического или психического насилия.

Таким образом, подводя итог мы констатируем:

1. Безопасность адвоката-защитника целесообразно рассматривать и исследовать как самостоятельную гарантию его эффективного участия для достижения цели (назначения) уголовного судопроизводства в современном российском уголовном процессе.

2. Безопасность адвоката-защитника может быть реализована только в системе

иных уголовно-процессуальных и внепроцессуальных гарантий при производстве по уголовному делу.

3. Безопасность защитника имеет специфические свойства – обеспечивается за счет ограниченного применения ряда процессуальных мер безопасности (ч. 3 ст. 11

УПК РФ) и внепроцессуальных средств на основании Федерального закона № 119-ФЗ.

4. Обеспечение безопасности защитника прямо относится как к 1) его уголовно-процессуальному статусу и 2) опосредованно – к реализации прав подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев О. А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77 – 81.
2. Елихин А. Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004.
3. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе. М. : Буквовед, 2007. С. 109 – 125.
4. Строгович М. С. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. Избранные труды. М. : Наука, 1992. Т. 2. С. 62 – 70.
5. Уголовно-процессуальное право РФ : учебник / под ред. П. А. Лупинской. М. : Норма, 2009. С. 62 – 64.
6. Зажицкий В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 22 – 26.
7. Елихин А. Ю., Мишин А. В. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 94 – 100.
8. Бажукова Ж. А. Об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лица, нуждающегося в принудительном лечении // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 27 – 31.
9. Апостолова Н. Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 3 – 7.
10. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.
11. Дабижа Т. Г. Гарантии личной безопасности адвоката // Адвокат. 2013. № 10. С. 13 – 18.
12. Гребенщикова Л. Безопасность участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты // Адвокатская практика. 2005. № 6. С. 9 – 11.

© Бьянтуев С. О.

И. Н. ГИМАЗЕТДИНОВА, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

I. N. GIMAZETDINOVA, Deputy Head of the Research Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

PROSPECTS FOR THE USE OF AN ELECTRONIC CRIMINAL CASE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MAIN TRENDS AND PROSPECTS OF APPLICATION

Аннотация. В данной статье автором рассмотрены возможности использования электронной формы ведения материалов уголовного дела на фоне внедрения информационных технологий на различных стадиях уголовного судопроизводства. Проанализированы современные тенденции изменения законодательства, а также проведено исследование современной практики информатизации стадии судебного производства, а именно применения различных технических средств и методов. Автором также отмечены отдельные положительные примеры применения новых технологий в ходе судебного разбирательства, которые в дальнейшем могут способствовать сокращению сроков рассмотрения уголовного дела не только в ходе судебного заседания, но и всего уголовного судопроизводства в целом.

Ключевые слова: судебное разбирательство, технические средства, информатизация, электронный документооборот.

Abstract. The article considers the possibilities of using the electronic form of conducting criminal proceedings against the background of the introduction of information technologies at various stages of criminal proceedings. The current trends of changing in legislation are analyzed, as well as the modern practice of informatization in the judicial proceedings, namely the use of various technical means and methods, are examined. The author also noted some positive examples of the use of new technologies during the trial, which in the future can help to reduce the time of the consideration of a criminal case not only during the court hearing, but also in the entire criminal proceedings as a whole.

Key words and phrases: judicial proceedings, technical means, informatization, electronic document management.

Сферы общественной жизни современного общества переживают период активного внедрения информационных технологий, не стала исключением и юриспруденция. На данном этапе нельзя не отметить необходимость проведения реформ в уголовном судопроизводстве, в особенности стадии досудебного судопроизводства, которое, к сожалению, не соответствует современному уровню развития науки и техники. Если обратиться к деятельности российских судов, то в отличие от досудебного производства, во многом по причине принятия и реали-

зации ряда целевых программ (о развитии судебной системы России на 2002–2006 гг., 2007–2012 гг., 2013–2024 гг.) [1] налажен механизм внедрения современных технологий, благодаря которому обеспечивается функционирование так называемого электронного документооборота. Учитывая данное обстоятельство, а также имея положительный опыт применения информационных технологий и электронного документооборота в стадиях судебного производства, возникает необходимость внедрения новых информационных технологий, методов и средств и

на стадии досудебного производства, то есть осуществления цифровизации досудебного уголовного судопроизводства.

В Концепции развития информатизации судов до 2020 г. [2] речь идет об электронном правосудии, под которым понимается «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» (п. 1.3). Если обратиться к тексту уголовно-процессуального закона, можно констатировать, что в нем отсутствует формулировка «электронное правосудие». При этом немаловажным является тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит нормы, которые предусматривают способы и формы совершения процессуальных действий в электронном виде, например, в п. 5 ч. 2 ст. 82 речь идет об электронных носителях информации, которые в ходе расследования по уголовному делу были признаны в качестве вещественных доказательств и приобщены к материалам уголовного дела.

Одним из новшеств в законодательстве, которое стоит признать чрезвычайно важным, в части цифровизации уголовного процесса является принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», которым в УПК РФ введена ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». В данной норме закона предусмотрен порядок подачи в суд таких процессуальных документов, как ходатайства, заявления, жалобы, в том числе прилагаемые к ним материалы в электронной форме. При этом указано что все вышеуказанные документы должны быть заверены электронно-цифровой подписью.

Законодательством предусмотрено, в каких случаях судебные решения могут быть оформлены в электронном виде. Также

предусмотрен порядок передачи копий судебных решений через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет участниками уголовного процесса. В ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ закреплено, что для этого требуется их просьба и согласие. Из всего вышеуказанного следует, что на данный момент процесс внедрения электронного документооборота рассматривается как одно из перспективных направлений совершенствования уголовного судопроизводства, для функционирования которого создаются реальные условия. Одним из положительных моментов данного процесса может явиться отказ от бумажной формы процессуальных бланков и иных документов. Данное обстоятельство в значительной степени позволит упростить деятельность должностного лица, проводящего предварительное расследование как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания.

В юридической литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости перевода всех материалов уголовных дел в электронный формат, целесообразности фиксации результатов следственных и иных процессуальных действий при помощи электронных (цифровых) средств [3 – 7].

Исходя из современных реалий можно сделать вывод о том, что главной причиной громоздкости расследований является то, что должностному лицу приходится составлять объемные уголовные дела, насчитывающие несколько томов. Это может быть обусловлено такими причинами, как многоэпизодность уголовных дел, наличие большого количества участников расследования по уголовному делу (обвиняемых, потерпевших, свидетелей и других) и т. п.

Одним из важных критериев, предопределяющих необходимость перехода к электронной форме уголовного дела, является то, что данный процесс, во-первых, снизит объем документооборота, во-вторых, позволит в определенной степени улучшить качество обеспечения сохранности уголовных дел. Вышеуказанное обстоятельство позволит облегчить работу органов, осуществляющих предварительное расследование, по-

высится качество расследования уголовных дел и, следовательно, послужит достижению целей уголовного судопроизводства в целом.

К сожалению, в ходе расследования уголовных дел, недобросовестными должностными лицами допускаются факты фальсификации доказательств, поэтому переход к электронной форме уголовного дела свел бы на нет даже возможность неправомερных действий. Среди положительных результатов внедрения электронной формы уголовного дела, также следует рассматривать сокращение сроков ознакомления с материалами уголовного дела участниками уголовного судопроизводства. Реализацию вышеуказанных позиций стоит рассматривать как одно из направлений развития и уголовного-процессуальной мысли, и самого механизма уголовного судопроизводства, направленного на достижения его назначения, закреплѐнного в ст. 6 УПК РФ. Становится понятно, что наличие примеров положительного использования новых информационных технологий российскими судебными органами создает предпосылки для внедрения данных технологий и на стадии досудебного уголовного судопроизводства.

Для тщательного рассмотрения необходимо обратиться к существующей нормативной базе, регулирующей вопросы применения информационных технологий на стадии расследования уголовного дела. В первую очередь, необходимо обратиться к нормам, закреплѐнным в УПК РФ. Например, в данном кодифицированном нормативном правовом акте дано определение термину «технические средства». Следует отметить, что формулировка «технические средства» в УПК РФ встречается довольно часто, например, когда речь идет о протоколах следственных действий или судебных заседаний, которые могут быть написаны как от руки, так и изготовлены с помощью технических средств (ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 259 УПК РФ). Таким же образом допускается изготовление приговора (ч. 2 ст. 303 УПК РФ). Применение технических средств также возможно при проведении следственных действий (ч.

6 ст. 164 УПК РФ). Обязательным условием применения технических средств является обязательное указание на них в протоколе следственного действия, при том должно быть отражено, какое техническое средство применялось и кем оно было использовано. Необходимо также отметить, что должностное лицо, проводящее следственное действие, должно уведомить лиц, участвующих в следственном действии о применении технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ). Кроме того, упоминание об использовании технических средств можно встретить в нормах, посвященных потерпевшему (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), обвиняемому (п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), защитнику (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), гражданскому ответчику (п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ), специалисту (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), владельцу изъятых документов (ч. 3 ст. 81.1 УПК РФ), процедуре ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 2 ст. 217, п. 6 ч. 2 ст. 437 УПК РФ). При этом указанные выше участники уголовного судопроизводства имеют право снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств. В УПК РФ также предусмотрены случаи обязательного применения технических средств и обстоятельства, при которых они могут быть использованы по необходимости (ч. 1.1 ст. 170, ч. 3 ст. 180, ч. 6 ст. 186, п. 2 ч. 4 ст. 190 УПК РФ).

Некоторые ученые-процессуалисты отмечают, что «электронное уголовное дело может подпадать под понятие «технические средства», так как функции указанного девайса совпадают с параметрами иных цифровых устройств, используемых органами следствия, дознания и суда при расследовании и разрешении уголовных дел [8].

Обращаясь к мнению ученых и непосредственно сотрудников практических органов, занимающихся вопросами внедрения информационных технологий в уголовный процесс, можно прийти к выводу, о том что уголовное дело в электронной форме представляется как «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела,

который призван полностью заменить материальную, то есть бумажную форму уголовного дела, допускающий его использование совместно с электронно-вычислительными машинами для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела. Электронное уголовное дело должно содержать в себе программное обеспечение, с четко выстроенной структурой, понятным интерфейсом, системами внутреннего документооборота, согласования, алгоритмов для движения уголовного дела с момента возбуждения уголовного дела и до момента направления уголовного дела в суд (на стадии досудебного производства) и исполнения приговора (на стадии судебного разбирательства). В данных алгоритмах должны быть процессуальные бланки и шаблоны отдельных процессуальных документов, таких как осмотр места происшествия, осмотр предметов, следственный эксперимент и т. д., к которым возможно прикрепить мультимедийные файлы». Целесообразным следует отметить применение и другого понятия, высказанного Ю. Н. Соколовым, которое гласит, что «электронное уголовное дело должно представлять собой электронное устройство со сложным внутренним строением файлов, адаптированным к действующим информационным системам, содержащим персональные данные участников уголовного судопроизводства; оснащенное специальным программно-аппаратным обеспечением, которое должно быть сертифицировано в установленном законом порядке... Названное электронное устройство должно обладать определенной спецификой и удовлетворять всем требованиям относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности и достаточности, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к источникам содержащейся в нем уголовно-процессуальной информации, позволять исследовать и оценивать данную информацию в судебном разбирательстве» [9].

Одной из важных составляющих внедрения новых информационных технологий в судебную и следственную деятельность является внедрение электронного докумен-

тооборота на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая этап досудебной проверки сообщений о преступлении. С целью реализации данной задачи потребуются регламентация всех процессуальных действий, начиная от электронной процедуры принятия заявления о преступлении, заканчивая составлением приговора. Следует отметить, что в МВД России существуют системы электронного документооборота, освоение которых в условиях современной неблагоприятной санитарно-эпидемиологической ситуации происходило в ускоренном порядке. Однако данные системы электронного документооборота относятся лишь к движению внутренних документов, лишь косвенно связанных с уголовным судопроизводством.

Возвращаясь к теме современных реалий, неразрывно связанных с определёнными ограничениями в связи с бушующей в мире пандемией COVID-19, стоит отметить необходимость удаленного участия участников уголовного судопроизводства. В настоящее время в российском уголовном судопроизводстве внедрена процедура, предусматривающая возможность получения доказательств с использованием современных автоматизированных технологий. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ была введена новая форма производства допроса свидетеля и потерпевшего в судебном заседании по уголовным делам – допрос путем использования систем видеоконференцсвязи (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ). Не секрет, что необходимость в применении видеоконференцсвязи возникает и у должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, которым необходимо получить показание участника уголовного судопроизводства в дистанционном режиме.

Если в российском уголовном процессе на стадии досудебного судопроизводства, институт дистанционного допроса только получает свое развитие, то в Республике Казахстан данный институт активно реализует-

ся. Так, в ст. 213 «Особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос)» УПК РК перечислены ситуации, при возникновении которых должностное лицо органа досудебного расследования может произвести дистанционный допрос потерпевшего, свидетеля. Дистанционный допрос производится в случаях: невозможности непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам; необходимости обеспечения безопасности лица; проведения допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего; необходимости обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования, судебного рассмотрения дела; наличия причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами. Ход и результаты дистанционного допроса, а также сведения о научно-технических средствах видеосвязи, применяемых при его производстве, отражаются в протоколе, составленном органом досудебного расследования, исполняющим поручение, и направленном лицу, ведущему расследование, после его подписания. В целях обеспечения безопасности лицо по своему ходатайству может быть допрошено в режиме видеосвязи с изменением внешности и голоса, исключающим его узнавание.

Следует рассмотреть также следующие обстоятельства, на примере которых наглядно подтверждается необходимость использования систем видеоконференцсвязи. Первым обстоятельством является то, что некоторые субъекты РФ, такие как Саха-Якутия и Ямало-Ненецкий автономный округ, имеют достаточно обширную территорию, большинство населенных пунктов находятся на значительном удалении друг от друга, следовательно проведение следственных действий может быть сопряжено со значительными временными трудностями, при этом нарушается принцип разумности сроков расследования. Вторым обстоя-

тельством стоит отметить случаи, когда сохранение личности некоторых участников уголовного судопроизводства держится в тайне, является обязательным условием. Речь идет о лицах, в отношении которых применяются меры безопасности. В первую очередь, имеется в виду применение технических средств, позволяющих скрыть участника уголовного судопроизводства, изменить его голос при проведении очных ставок и иных следственных действий. При этом факт того, что показания дает именно это лицо, может быть установлен при наличии видеозаписи и допуска к следственному действию понятых. Следующим обстоятельством, доказывающим важность применения систем видеоконференцсвязи, является то, что указание в УПК РФ возможности получения показаний в ходе допроса посредством видеоконференцсвязи приблизит российское уголовное судопроизводство к судопроизводству других стран, таких как США, Германия, Швеция, Украина, в которых предусмотрено применение дистанционного допроса. Это является важным аспектом, так как позволит должностным лицам, в рамках запросов о правовой помощи лично допросить лицо, находящиеся за пределами нашей страны.

В исследованиях, посвященных вопросам применения видеоконференцсвязи в уголовном досудебном производстве, пока отсутствует единый подход относительно регламентации порядка ее использования [10]. При этом все исследователи приходят к единому мнению о том, что внедрение дистанционного опроса является необходимостью в современных условиях. Представляется верным указать ту позицию, которая предлагает ввести общий порядок применения дистанционного допроса посредством видеоконференцсвязи для всех следственных действий, а не разрабатывать для каждого отдельный порядок.

Подводя итог, следует еще раз указать на то, что положительный опыт внедрения информационных технологий в российских судах следует применять и на стадии досудебного производства. Сложившиеся

обстоятельства современной действительности диктуют свои условия, и некоторые положения уголовно-процессуального законодательства в сфере сбора материалов уголовного дела и проведения отдельных следственных действий представляются архаичными пережитками прошлого. Процесс цифровизации практически всех сфер человеческой жизнедеятельности создает новые

условия и ставит новые задачи перед законодателями. Недавние потрясения связанные с коронавирусной инфекцией, являются катализатором для внедрения дистанционных технологий, внедрения безбумажного документооборота. Удачная реализация идеи перехода на электронную форму уголовного дела зависит в равной мере как от поддержки законодателя, так и от Правительства РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы : постановление Правительства РФ от 27.12.2012 N 1406 (ред. от 29.12.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2021)
2. Концепция развития информатизации судов до 2020 года. (утв. постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439).
3. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 587 – 595;
4. Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59 – 62;
5. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело - инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С 95 – 101;
6. Пастухов П. С. К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5 – 8;
7. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
8. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.07.2021).
9. Соколов Ю.Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28 – 33.
10. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1. С. 58 – 65.

© Гимазетдинова И. Н.

В. В. КОЛЕСНИК, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Ростов-на-Дону)

V. V. KOLESNIK, Associate Professor of Civil Law, Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences (Rostov-on-Don)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ ЛИЦА КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАСИТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

ENSURING THE SECURITY OF THE PERSON ENTERING INTO THE PRE-TRIAL AGREEMENT AS A GUARANTEE OF CONCILIATION

Аннотация. Безопасность участия в современном российском судопроизводстве рассматривается как одна из важных гарантий достижения его цели. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ закреплены пять уголовно-процессуальных мер безопасности, они могут быть реализованы в отношении любого субъекта уголовного процесса. Помимо этих процессуальных средств у лица, ведущего производство по делу, есть право реализовать и внепроцессуальные меры, установленные российским законодательством. Особое внимание в этой связи обращено к безопасности подозреваемого, обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Производство по делам такой категории осложняется групповой преступной деятельностью. Активное содействие расследованию со стороны лица, заключившего соглашение, существенно повышает эффективность процесса доказывания. Отдельные нормы УПК РФ, устанавливающие применение мер безопасности в отношении этого участника уголовного процесса, как показывает анализ и их сопоставление, нуждаются в совершенствовании. Предлагается внести изменения в отдельные статьи УПК РФ.

Ключевые слова: безопасность личности, заключение соглашения, досудебное соглашение, сделка с правосудием, меры безопасности.

Abstract. The security of participation in modern Russian judicial proceedings is considered as one of the important guarantees for achieving its goal. In part 3 of Art. 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, five criminal procedural security measures are enshrined, they can be implemented in relation to any subject of the criminal process. In addition to these procedural means, the person conducting the proceedings has the right to implement non-procedural measures established by Russian law. Particular attention is paid in this regard to the security of the suspect, the accused, with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded. This category of proceedings is complicated by group criminal activity. The active contribution of the signatory to the investigation greatly enhances the effectiveness of the evidentiary process. Certain norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which establish the application of security measures in relation to this participant in the criminal process, as the analysis and their comparison shows, need to be improved. It is proposed to amend certain articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: personal security, conclusion of an agreement, pre-trial agreement, a justice transaction, security measures.

Обеспечение безопасности уголовно-процессуальных участников в настоящее время является одной из актуальных проблем законодательства и правоприменительной практики. Кроме того, опубликованные

научные работы также свидетельствуют о важности совершенствования этого направления. Важность исследования проблемы отмечается в юридической литературе [1, с. 202 – 211; 2, с. 77 – 81; 3, с. 13 – 17].

Процесс безопасности рассматривается в настоящее время с различных научных сторон и подходов [4, с. 3 – 7]. Это обуславливает межотраслевую принадлежность института безопасности участников современного российского уголовного судопроизводства [5, с. 480 – 486].

В настоящее время действует Федеральный закон № 119-ФЗ от 20.08.2004 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [6], в котором закреплены внепроцессуальные средства безопасности. В ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) установлен перечень мер безопасности, которые могут применяться в производстве по делу. Вместе с тем, как считаем, в обеспечении безопасности прежде всего нуждаются те участники процесса, которые оказывают содействие доказыванию обстоятельств, установленных в ст. 73 УПК РФ. Среди них особое значение имеет содействие активному расследованию со стороны заключившего соглашение о сотрудничестве подозреваемого, обвиняемого.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСоС, соглашение) *a priori* влечет угрозу жизни, здоровья, имущества лица, заключившего его, а также его близких в связи с содействием уголовному правосудию. В этой связи требуется применение комплекса мер безопасности.

Заключение ДСоС является одним из средств согласительной процедуры. Помимо этого, института можно выделить и другие: согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением и принятие судебного решения в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), возможность примирения частного обвинителя и подсудимого по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ); в отдельных случаях законодатель устанавливает возможность прекращения производства по уголовному делу в связи с наличием определенных оснований (ст. ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ). В подобных ситуациях государство соглашается с обстоятельствами уголовного дела или поведения обвиняемого.

Возложение заключившего соглашение подозреваемого, обвиняемого обязанности активно способствовать расследованию совершенного в соучастии преступления предполагает угрозу его безопасности (жизни, здоровья, имущества) в связи с содействием уголовному правосудию.

При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве статус лица, его заключившего, устанавливает необходимость реализации процесса применения к нему и его близким установленных законом уголовно-процессуальных мер безопасности и мер государственной защиты. Отметим, что в такой формулировке угроза может не относиться прямо и непосредственно к заключившему соглашению подозреваемому или обвиняемому. Она должна касаться его близких. При этом важным является установление прямой причинной связи между оказанием противоправного воздействия на родственников участника процесса и его содействием уголовному правосудию в форме сообщения важных доказательственных сведений по уголовному делу о его соучастниках.

По нашему мнению, важное значение имеет проблема безопасности заключившего соглашения лица. Обеспечение безопасности лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, является важной гарантией выполнения возложенных на него обязанностей активного содействия расследованию уголовного дела. В УПК РФ этот вопрос регламентирован в ч. 3 ст. 317.1, п. 4 ч. 4 ст. 317.7, ст. 317.9, а также в возможности выделения уголовного дела в отдельное производство на основании положений ст. 154 УПК РФ.

Вместе с тем применение мер безопасности в отношении заключившего соглашение подозреваемого, обвиняемого имеет свои особенности. Они связаны с тем, что его личность уже известна, как правило, совершившим совместно с ним преступление лицам. По этой причине ряд уголовно-процессуальных и иных мер безопасности невозможно применять, например, присвоение псевдонима и изъятие из материалов уголовного дела сведений о защищаемом лице,

которые позволяют его идентифицировать (ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Процесс реализации мер безопасности непосредственно связан с установлением поводов и оснований, которые установлены в УПК РФ. В этой связи А. А. Дмитриева справедливо отмечает необходимость выделения дополнительного повода «еще одним: решением уполномоченного лица на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве» [7, с. 12 – 16]. Действительно, сам факт заключения соглашения ставит подозреваемого, обвиняемого в виктимное состояние, он подвергается потенциальной угрозе со стороны своих соучастников либо иных лиц.

Обязанность исследования обстоятельств, которые могут служить началом применения мер безопасности, перечислены в п. 4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. В частности, закон указывает, по сути, единственное такое обстоятельство – «степень угрозы личной безопасности» такого участника. А также его близкие родственники, родственники и близкие лица.

Отметим, что в этой правовой норме указывается на уже имевшийся в прошлом факт (факты) оказания угрозы безопасности – степень угрозы, «которой подвергались...». Как представляется, такой подход существенно ограничивает возможность применения мер безопасности в отношении заключившего соглашение лица. Дело в том, что при формальном (буквальном) толковании этого п. 4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ обеспечить безопасность можно только, если угроза уже имела место, и невозможность обезопасить его в случае, если угрозы и фактов оказания противоправного воздействия еще не было.

Полагаем, что целесообразно изменить содержание п. 4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ в целях применения мер безопасности не только, когда угроза уже имела место ранее, но и на перспективу ее возможного появления: «п. 4 степень угрозы личной безопасности, которой подвергались *или могут подвергнуться* подсудимый в результате сотрудничества со стороны обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица».

Отдельное внимание следует уделить содержанию ст. 317.9 УПК РФ «Меры без-

опасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве». В ч. 1 этой статьи установлен факт применения безопасных мер со ссылкой на ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Также установлено проведение судебного разбирательства при закрытых дверях для гарантирования процесса безопасности участников процесса (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). По нашему мнению, ссылка на ст. 241 УПК РФ представляется несколько излишней, так как эта мера безопасности указана в ч. 3 ст. 11 УПК РФ и дублирует диспозицию ст. 317.9 УПК РФ. По этой причине следует исключить излишнее указание на ст. 241 УПК РФ в ч. 1 ст. 317.9 УПК РФ в следующей формулировке: «1. При необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные статьей 11 настоящего Кодекса». В подобной ситуации точность уголовно-процессуальной нормы [8, с. 99 – 102] будет соответствовать правилам законодательной техники.

Нуждается в изучении и ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ, в которой установлена возможность реализации мер «государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законом». Отметим, что помимо федерального Закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших...», принят внушительный перечень подзаконных актов, постановлений, в которых детально регламентирован механизм применения отдельных мер безопасности, установленных в этом законе.

Кроме того, полагаем, что это указание (на возможность применения мер государственной защиты) также излишне, поскольку оно имеется в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В этой связи следует исключить ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ.

Обязанность применения мер безопасности в отношении заключившего соглашение лица является важной гарантией реализации условий такого соглашения, по-

вышением эффективности доказательственного процесса по уголовному делу, а, в конечном счете, достижению цели уголовного судопроизводства.

Следует выделить ещё одну из мер безопасности, которая установлена в отношении заключившего соглашение лица: выделение уголовного дела в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ). Указанный пункт был дополнен на основании Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [9].

Уголовно-процессуальное законодательство прямо выделяет такое основание для выделения уголовного дела, так как сам процесс обеспечения безопасности значительно облегчается с точки зрения проведения отдельных следственных действий и судебного разбирательства по выделенному уголовному делу.

Вместе с тем в правоприменительной практике может возникнуть ситуация, при которой уголовное дело в отношении заключившего соглашение лица не было выделено. Закон прямо не устанавливает действия суда, так как в подобной ситуации ему следует рассмотреть материалы уголовного дела в общем порядке, хотя заключивший соглашение обвиняемый имеет право на особый порядок принятия судом решения в порядке ч. 5 ст. 316 УПК РФ.

Разрешение этой проблемной ситуации отражено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16: по смыслу ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ, в целях применения судом особого порядка «и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случаях, когда такое уголовное дело не было выделено в отдельное производство и поступило в суд в отношении всех обвиняемых, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ»

[10]. Как представляется, подобный вариант решения вполне приемлем, поскольку заключение досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает принятие судебного решения в особом порядке с назначением уголовного наказания в пределах не более половины максимального срока наказания без исследования собранных по уголовному делу доказательств. При проведении судебного разбирательства в общем порядке такое решение не может быть принято.

В литературе высказывается мнение о возможности принятия прокурором итогового решения о выделении (невыделении) в отдельное производство такого уголовного дела. Так, К. Ф. Багаутдинов отмечает, что «будет логичным отдать прокурору и право принятия решения по вопросу о выделении (невыделении) в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Такое решение, на наш взгляд, прокурор должен принять до окончания предварительного следствия и, безусловно, с учетом всех обстоятельств дела, в том числе пожелания лица, заключившего досудебное соглашение» [11, с. 35 – 37]. На наш взгляд, в этом случае решение процессуального вопроса о выделении зависит прямо от: 1) соотношения публичных интересов объективного рассмотрения всего уголовного дела без выделения; 2) ущемления права заключившего соглашение подсудимого на снижение срока и размера уголовного наказания. Кроме того, отрицательное решение прокурора о выделении может оказать отрицательное воздействие на процессуальное поведение обвиняемого, с которым заключено соглашение и его отказе активно способствовать расследованию преступления.

В литературе справедливо отмечается отсутствие перечня нарушений, на основании которых «судья должен вернуть уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а в каких случаях – принять решение о рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства» [12, с. 99 – 103].

Обратим внимание на то, что судебное заседание может быть проведено при закры-

тых дверях, в условиях, ограничивающих доступ посторонних лиц в целях обеспечения безопасности заключившего соглашение подсудимого (ст. 241 УПК РФ).

В п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ определена процедура об изъятии из материалов основного дела, в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, тех процессуальных документов, которые могут идентифицировать личность, заключившего соглашение участника процесса. Эти материалы должны быть приобщены к выделенному уголовному делу. Как считаем, эта норма несколько излишне пред-

полагает алгоритм действия дознавателя или следователя. Дело в том, что заключение досудебного соглашения может иметь место только при расследовании преступления, совершенного в соучастии, то есть в случаях, когда соучастники знают друг друга и имеют достаточную информацию о личности друг друга. По этой причине норма об изъятии идентифицирующих материалов является бесполезной. Следовательно, формулировку п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в части указания на такое изъятие из основного дела и приобщение к выделенному идентифицирующих материалов следует исключить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 202 – 211.
2. Зайцев О. А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77 – 81.
3. Епихин А. Ю. Безопасность личности как принцип уголовного процесса // Российский следователь. 2002. № 4. С. 13 – 17.
4. Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3 – 7.
5. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4. С. 480 – 486.
6. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.
7. Дмитриева А. А. Безопасность личности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) // Российский следователь. 2015. № 17. С. 12 – 16.
8. Зайцев О. А., Епихин А. Ю. К вопросу о чистоте употребления уголовно-процессуальных понятий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 2. С. 99 – 102.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «» // Собрание законодательства РФ. 29.06.2009. № 26. Ст. 3139.
10. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. № 156. 11.07.2012.
11. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: вопросы выделения и соединения уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 35 – 37.
12. Тисен О. Препятствия для рассмотрения уголовного дела в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве в особом порядке судебного разбирательства // Уголовное право. 2014. № 4. С. 99 – 103.

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.**

УДК 355.541-13:351.753.3(470)

В. В. ВОЛЫГИН, начальник 3 отделения 7 отдела Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России (г. Москва)

V. V. VOLYGIN, Head of the 3rd Section of the 7th Division of the Department for Security of Persons under State Protection of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ
ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ**

**TOPICAL ASPECTS OF ORGANIZING AND CONDUCTING FIRE TRAINING
CLASSES IN UNITS TO PROVIDE THE SAFETY
OF PERSONS UNDER STATE PROTECTION**

Аннотация. Статья посвящена вопросам совершенствования специальной огневой подготовки сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Проведен анализ особенностей оперативно-служебной деятельности указанных сотрудников. Определены на основе данного анализа требования к организации и проведению занятий по огневой подготовке. В частности, выделены темы, которые необходимо включить в содержание теоретических занятий по огневой подготовке, даны рекомендации по отработке индивидуальных навыков обращения с оружием, а также указаны аспекты, на которые следует обращать внимание в рамках групповой подготовки сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Подчеркивается, что при отработке действий индивидуально и в составе групп с защищаемым лицом необходимо разрабатывать упражнения с моделированием практических ситуаций служебной деятельности. Последнее, в свою очередь, указывает на необходимость для совершенствования огневой подготовки обеспечения хорошо оборудованной учебно-методической базы (класс огневой подготовки, тир, стрельбище, полигон), которая позволит проводить как теоретические и тренировочные занятия, так и практические занятия с моделированием различных ситуаций служебной деятельности. Это выступает условием решения основной задачи занятий по огневой подготовке – выработки тактического мышления и грамотных навыков действий.

Ключевые слова: огневая подготовка, применение огнестрельного оружия, специальные упражнения стрельб, государственная защита, защищаемое лицо, учебно-материальная база, личная охрана

Abstract. The article is devoted to the issues of improving special fire training for employees of units to ensure the safety of persons subject to state protection. It analyzes the peculiarities of the operational activities of these employees. On the basis of this analysis, the requirements for the organization and conduct of fire training classes were determined. In particular, the topics that need to be included in the content of theoretical lessons on fire training are identified, recommendations on the development of individual skills in handling weapons, and aspects that should be paid attention to in the framework of group training of employees of units to ensure the security of persons subject to state protection are given. It is emphasized that when practicing actions individually and as part of groups with a protected person, it is necessary to develop exercises with modeling practical situations of service activity. The latter, in turn, indicates the need for improving fire training to provide a well-equipped educational and methodological base (fire training class, shooting range,

training ground), which will allow both theoretical and training classes and practical exercises with modeling various situations of service activities. This is a condition for solving the main task of fire training classes - the development of tactical thinking and competent action skills

Key words and phrases: *fire training, use of firearms, special shooting exercises, State protection, protected person, educational and material base, personal security*

Основными задачами огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации являются приобретение сотрудниками полиции знаний материальной части огнестрельного оружия и боеприпасов, их тактико-технических характеристик, мер безопасности при обращении с оружием и боеприпасами, формирование у сотрудников необходимых умений и навыков правомерного применения оружия, ведения огня в различной обстановке, быстрого обнаружения цели и определения исходных установок для стрельбы, умелых и эффективных действий с оружием во время стрельбы. Следует отметить, что в научной литературе, хотя еще и остаются дискуссионные вопросы относительно отдельных аспектов огневой подготовки, в настоящее время вопросы базовой подготовки к применению огнестрельного оружия исследованы достаточно подробно. В то же время значительная часть таких материалов направлена на подготовку спортсменов высокого класса и сотрудников частных охранных структур. Вопросы совершенствования организации огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел при выполнении задач по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, не достаточно изучены и рассмотрены. В связи с этим целью настоящей статьи нами было определено совершенствование обучения стрельбе из ручного стрелкового боевого оружия при проведении занятий по огневой подготовке и подготовке к применению огнестрельного оружия в соответствии с федеральными законами и действующим наставлением по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации, в том числе при реализации меры безопасности «личная охрана».

Деятельность подразделений государственной защиты органов внутренних дел

при выполнении служебно-боевых задач предполагает определенный набор как общих, так и специфических качеств и профессиональных навыков сотрудников. Особенно это касается моментов применения огнестрельного оружия при осуществлении меры безопасности «личная охрана». Поэтому занятия с сотрудниками подразделений госзащиты должны носить универсальный и разносторонний характер. Совершенствование организации огневой подготовки сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, органов внутренних дел является одним из приоритетных направлений в повышении эффективности деятельности данного подразделения [1].

Организационно-тактические методы формирования навыков к применению табельного боевого ручного стрелкового оружия при осуществлении меры безопасности «личная охрана» в условиях угрозы жизни и здоровью защищаемого лица достигаются различными методиками проведения теоретических и практических занятий, а также боевых стрельб. Огневая подготовка направлена на развитие и владение навыками применения огнестрельного оружия в условиях огневого контакта. В целях достижения высоких результатов у сотрудников должны соблюдаться различные принципы обучения, в частности: научность и наглядность, систематичность и последовательность обучения, индивидуальный подход к обучаемым, тренинги, позволяющие выявлять и развивать физиологические и творческие способности сотрудников, воспитывать морально-волевые качества личности, обеспечивающие высокопрофессиональную деятельность при решении сложных оперативных и служебных задач. При подготовке к проведению практических занятий необходимо учитывать разнообразие мето-

дов, методик и приемов обучения, осознавать важность моделирования ситуаций и использование полигонных(прикладных) форм обучения. Особое внимание должно уделяться выявлению и своевременному исправлению ошибок при выполнении подготовительных упражнений. Усложнение выполнения упражнений с учетом специфики служебной деятельности в полной мере положительно влияет на уровень огневой подготовки сотрудников.

Вместе с тем необходимо отметить, что навыки стрельбы из табельного боевого ручного стрелкового оружия формируются при соблюдении ряда условий: методической организации учебного процесса, закрепления и поддержанием достигнутого уровня в процессе всей служебной деятельности, изучения правоприменительной практики и знания действующих нормативных правовых документов применения огнестрельного оружия.

Таким образом, огневая подготовка сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, направлена на эффективное применение табельного боевого ручного стрелкового оружия в целях отражения нападения и пресечения попыток покушения на жизнь или здоровье лиц, находящихся под государственной защитой.

В соответствии с действующим приказом по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации подразделениями по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, разрешается разрабатывать и использовать для подготовки упражнения стрельб, не предусмотренные наставлением. Огневая подготовка сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, требует умения поражать различные цели (неподвижные, движущиеся, появляющиеся), на разных дистанциях, из различных положений, в движении, с переносом огня по фронту и в глубину, в разных условиях освещения и погоды, в ограниченное время, при движении на автомобилях. Очень важна

отработка упражнений как индивидуально, так и в составе групп с различными видами оружия (пистолет, пистолет-пулемет, автомат) в различных тактических обстановках, которые способствуют выработке грамотных, уверенных и эффективных действий в критических ситуациях при выполнении меры безопасности «личная охрана».

Навыки точной и меткой стрельбы вырабатываются в результате правильно организованного обучения, постоянных тренировок и тренинга. Для достижения высоких результатов в стрельбе сотрудники должны иметь глубокие теоретические знания, хорошую техническую, тактическую и физическую подготовку, высокие морально-волевые и психологические качества.

Практические стрельбы являются основной формой проведения занятий по огневой подготовке. Также стоит уделять большое внимание теоретической подготовке и проведению тренировок с незаряженным (холостым) оружием, так называемые «стрелковые тренировки» или «холостые тренировки».

В содержание теоретических занятий по огневой подготовке рекомендуется дополнительно включать следующие темы:

- анализ практики применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации;
- назначение и тактико-технические характеристики оружия стоящего на вооружении в подразделении физической защиты;
- устройство, назначение и принцип действия частей и механизмов оружия, закрепленного за сотрудниками;
- задержки и способы их устранения при стрельбе из оружия, закрепленного за сотрудниками;
- порядок чистки и смазки закрепленного за сотрудниками оружия, его осмотра, подготовки к стрельбе и правила приведения к нормальному бою.

При проведении тренировок с незаряженным оружием («стрелковые тренировки») необходимо большое внимание уделять пошаговой отработке различных упражнений индивидуально и в составе различных

групп. Особенно это касается действий при работе с «защищаемым лицом».

При отработке индивидуальных навыков надо обращать внимание на:

– быстрое извлечение оружия, досылание патрона в патронник, наведение на цель и производство выстрела с подачей громких и четких команд;

– удержание оружия одной рукой, переключивание из «сильной руки» в «слабую» (с упором в левое или в правое плечо);

– уход с линии атаки, стрельба из различных положений, стрельба в движении, быстрая замена магазина.

При отработке действий индивидуально и в составе групп с «защищаемым лицом» необходимо разрабатывать упражнения с моделированием практических ситуаций служебной деятельности [2]. Не стоит забывать об отработке действий сотрудников в составе различных групп по обеспечению безопасности защищаемого лица при движении на автомобиле (автомобилях). Данные занятия нацелены на формирование умений и навыков применения табельного боевого ручного стрелкового оружия в условиях, приближенных к реальным событиям с учетом характера служебной деятельности.

Методика проведения предполагает наличие учебно-методической базы. Подобного рода места могут включать в себя открытое стрельбище, закрытый тир, специально оборудованные площадки, имитирующие городскую среду присутствия человека: административные здания, жилой сектор с минимальной инфраструктурой и т. п.

Необходимым условием для совершенствования огневой подготовки является хорошо оборудованная учебно-методическая база (класс огневой подготовки, тир, стрельбище, полигон), которая позволяла бы проводить как теоретические и тренировочные занятия, так и практические занятия с моделированием различных ситуаций служебной деятельности.

Основная задача занятий по огневой подготовке – выработка тактического мышления и грамотных навыков действий как одного сотрудника, так и в составе различ-

ных групп в различных ситуациях и местах при выполнении оперативно-служебных задач по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

Исходя из этого, занятия по огневой подготовке сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, направлены на систематическую подготовку личного состава в различных условиях, т. е. в условиях, приближенных к реальным. Аспект технической готовности – это формирование необходимых навыков, умений использования и применения оружия, а также знаний тактических приемов и действий. Применение различных методик и форм обучения позволяет обеспечить моделирование и экстраполяцию развития событий в соответствии с их динамикой и предлагаемыми обстоятельствами, что, в свою очередь, достаточно точно и комплексно имитирует профессиональные действия сотрудников в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности.

Выполнение профессиональных обязанностей сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России сопряжено с решением задач и принятием решений возникающих в различных нестандартных ситуациях. При этом каждый сотрудник должен стремиться, к соблюдению требований нормативных правовых документов, а также недопущению причинения ущерба окружающим гражданам, их имуществу при применении огнестрельного оружия в создавшихся условиях. Это достигается высокой требовательностью каждого сотрудника к себе, стремлением постоянно и осознанно совершенствовать свои знания, умения и навыки в огневой, морально-волевой, психологической и физической подготовке.

К стрельбе боевыми патронами (практическим стрельбам) допускаются освоившие все предыдущие этапы обучения, при отсутствии остановки (остановок), ошибок в действиях при работе с оружием.

Учитывая вышеизложенное, необходимо решить следующие задачи: создавать учебные пособия и методические разработки по

вопросам применения табельного боевого ручного стрелкового оружия при выполнении мероприятий по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, умелого владения и использования оружия при выполнении оперативно-слу-

жебных задач в экстремальных условиях. Именно специальная огневая подготовка отражает наиболее полно то, как ведет себя и чувствует сотрудник органов внутренних дел в стрессовой ситуации контакта с противником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы совершенствования специальной огневой подготовки сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России [Текст] : методические (практические) рекомендации / О. С. Носков [и др.]. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2019. 51 с.

2. Организационно-тактические формы совершенствования навыков сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России к применению огнестрельного оружия при осуществлении меры безопасности «личная охрана» в условиях нападения на защищаемое лицо: учебно-практическое пособие \ И. Л. Гросс и другие. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. 40 с.

© **Волыгин В. В.**

УДК 351.741(470)

А. В. ОЛЬШЕВСКИЙ, заместитель начальника Службно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)

A. V. OLSHEVSKIY, Deputy Chief of the Civil Legal Unit of the Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Moscow)

Ю. В. МАЛЫШЕВА, старший эксперт Службно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)

Y. V. MALYSHEVA, Senior Expert of the Civil Legal Unit of the Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Moscow)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ» И «ПОЛИЦИЯ»

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AND THE POLICE

Аннотация. В статье проведен анализ законодательства Российской Федерации о службе в органах внутренних дел с целью определения понятий «органы внутренних дел» и «полиция». Рассмотрено соот-

ношение понятий «сотрудник органов внутренних дел» и «сотрудник полиции» как общее и частное.

Ключевые слова: сотрудник, органы внутренних дел, полиция, состав органов внутренних дел, система МВД России.

Abstract. The article analyzes the legislation of the Russian Federation on service in internal affairs bodies in order to define the concepts of "internal affairs bodies" and "police". The relationship between the concepts of "employee of the internal affairs bodies" and "police officer" as general and private is considered.

Key words and phrases: employee, internal affairs bodies, police, composition of internal affairs bodies, system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Конституцией Российской Федерации [1] закреплено, что высшей ценностью являются человек, его права и свободы, а обязанностью государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (статья 2).

Данная конституционная обязанность государства исполняется в том числе непосредственно через органы внутренних дел Российской Федерации (далее – органы внутренних дел).

При этом необходимо конкретизировать, что защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, а также противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности в силу части 1 статьи 1 Федерального закона от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [2] является назначением полиции.

В настоящее время в нормативных правовых актах и практической деятельности понятия «органы внутренних дел» и «полиция» широко распространены. При этом Закон о полиции, Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], а также иные законодательные акты Российской Федерации не содержат определения указанных понятий, что, в свою очередь, может вызвать трудности в соотношении данных категорий и толковании норм законодательства Российской Федерации, содержащих указания на них. Например, в Федеральном законе от 2.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [4] под пра-

воохранительным органом понимается полиция (статья 8). Однако понятия «органы внутренних дел» и «полиция» не являются тождественными и имеют соотношение между собой как целое и часть [5].

Потребность в определении на законодательном уровне рассматриваемых понятий обусловлена также имеющейся нормотворческой практикой. Например, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [6] содержит норму, определяющую прокуратуру Российской Федерации как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции (статья 1). В Законе о федеральной службе безопасности [7] (статья 1) определено, что данная служба – это единая централизованная система органов федеральной службы безопасности, осуществляющая решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации.

Необходимо отметить, что ранее закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» [8] содержал определение понятия «милиция» – это система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения в пределах, установлен-

ных указанным Законом и другими федеральными законами (статья 1).

Профессором В. А. Винокуровым было предложено толковать понятие «органы внутренних дел» с помощью терминологического разбора словосочетания «внутренние дела».

Так, внутренние дела можно рассматривать как «обобщенное наименование: 1) всех вопросов внутренней жизни страны, решаемых государством; 2) специальной группы вопросов, связанных с охраной общественного порядка, защитой прав и свобод граждан, обеспечением законности, работой милиции, организацией отбывания уголовных наказаний и др.» [9].

По мнению В. А. Винокурова предложенное профессором С. А. Авакьяном разъяснение термина «внутренние дела» более полно отвечает правовому пониманию его сути, так как согласно части первой предложенного определения внутренними делами занимаются все государственные органы страны: от Президента Российской Федерации до территориального органа федерального органа исполнительной власти и исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, то есть понятие «внутренние дела» рассматривается как работа по всем существующим в государстве направлениям деятельности.

Часть вторая указанного определения рассматривает понятие «внутренние дела» в контексте вопросов, которые решают соответствующие органы государственной власти, относящиеся к органам исполнительной власти, или иначе – органы внутренних дел [10].

В свою очередь термин «полиция» С. И. Ожеговым определен как «в некоторых странах: орган государственного управления, имеющий своей задачей охрану безопасности существующего строя и защиту установленных порядков» [11].

Если обратиться к нормативному регулированию, то согласно пункту 13 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [12] органы внутренних дел, включающие в себя полицию,

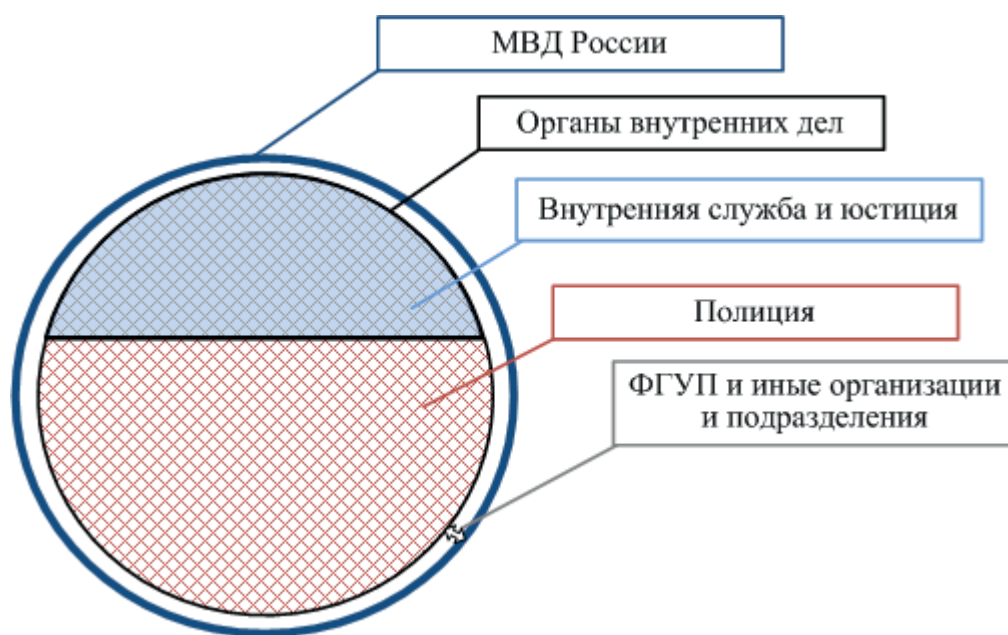
входят в единую централизованную систему МВД России.

В части 1 статьи 4 Закона о полиции также указано на то, что полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. При этом в состав органов внутренних дел входят: центральный аппарат МВД России, территориальные органы МВД России, образовательные, научные, медицинские (в том числе санаторно-курортные) организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, заграничный аппарат МВД России, организации культуры, физкультурно-спортивные организации, редакции печатных и электронных средств массовой информации, а также иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел (пункт 13 Положения). В свою очередь, пунктом 1 Указа № 250 [13] определено, какие подразделения, организации и службы входят в состав полиции. Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время почти 99 % всего МВД России составляют органы внутренних дел. При этом сложно определить, какие подразделения и организации входят в единую централизованную систему МВД России и не входят в состав органов внутренних дел. В качестве примера можно привести коммерческие организации ФГУП «ПВС» МВД России [14] и ФГУП «КОЭСП-2 МВД России» [15].

Долю полиции в системе органов внутренних дел трудно представить, но можно предположить исходя из ее штатной численности. Анализируя состав подразделений органов внутренних дел, можно предположить, что внутренняя служба и юстиция составляют меньшую долю в системе органов внутренних дел, нежели полиция. Для наглядности ниже представим схему единой централизованной системы МВД России.

Данная схема позволяет предположить о возможности слияния понятий «МВД России» и «органы внутренних дел». Вместе с тем система федеральных органов исполни-

Схема единой централизованной системы МВД России

тельной власти нестатична (например, выход из состава МВД России внутренних войск МВД России и создание Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации). В этой связи, безусловно, слияние МВД России и органов внутренних дел представляется преждевременным.

Научный и практический интерес представляет также соотношение понятий «сотрудник органов внутренних дел» и «сотрудник полиции». Может ли одно должностное лицо являться сотрудником органов внутренних дел и сотрудником полиции одновременно?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо, на наш взгляд, обратиться к содержанию правового статуса указанных категорий должностных лиц.

В соответствии с частью 1 статьи 10 Закона о службе сотрудник органов внутренних дел – гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном Законом о службе порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

При этом правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел опре-

деляется Законом о службе и федеральными законами, регулирующими особенности прохождения службы в органах внутренних дел (часть 3 статьи 10 Закона о службе).

Согласно части 1 статьи 25 Закона о полиции сотрудником полиции является гражданин Российской Федерации, который осуществляет служебную деятельность на должности федеральной государственной службы в органах внутренних дел и которому в установленном порядке присвоено специальное звание, предусмотренное статьей 26 Закона о полиции, то есть специальное звание полиции.

Анализ указанных выше определений позволяет сделать вывод о том, что в связи с тем, что сотрудникам органов внутренних дел присваиваются следующие виды специальных званий: полиции, внутренней службы и юстиции (статья 43 Закона о службе), сотрудник полиции является сотрудником органов внутренних дел, имеющим специальное звание полиции, и правовой статус которого наряду с Законом о службе определен и конкретизирован еще Законом о полиции.

Не являются сотрудниками полиции иные сотрудники органов внутренних дел, проходящие службу в подразделениях, сотрудникам которых присваиваются специальные звания внутренней службы или

юстиции. Но они в силу статьи 32 Закона о полиции могут привлекаться к выполнению обязанностей, возложенных на полицию. В этом случае на них распространяются обязанности, права, ответственность, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников полиции. Таким образом, каждый сотрудник полиции является сотрудником органов внутренних дел, но не каждый сотрудник органов внутренних дел является сотрудником полиции. Понятия «сотрудник органов внутренних дел» и «сотрудник полиции» соотносятся так же, как общее и частное.

В науке административного права ряд ученых высказывает мнение о необходимости на законодательном уровне закрепить определения понятий «органы внутренних дел» и «полиция» (В. А. Винокуров, О. А. Балдецкий, А. М. Бобров, Н. А. Макарова).

Соглашаясь с этим, отметим, что подходы к определению указанных понятий различаются.

Так, В. А. Винокуровым предлагается использовать в нормативных правовых актах следующее определение понятия «органы внутренних дел»: «Органы внутренних дел – это федеральные органы исполнительной власти, возглавляемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, на которые законодательством возложены функции по обеспечению в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина (включая защиту их жизни и здоровья), по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений» [16].

При этом в узком смысле под органами внутренних дел будет пониматься МВД России и входящие в его состав полиция и другие организации и подразделения, созданные для выполнения задач и полномочий, возложенных на МВД России.

Вместе с тем автором, на наш взгляд, наряду с МВД России ошибочно к числу ор-

ганов внутренних дел в той или иной мере отнесены такие федеральные органы исполнительной власти (включая подчиненные им органы, организации и другие структурные подразделения), как Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральная служба исполнения наказаний, Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации и частично – Федеральная служба безопасности Российской Федерации, каждый из которых в настоящее время выполняет самостоятельные задачи и функции, направленные на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности.

А. М. Бобров органы внутренних дел определил как систему правоохранительных, исполнительно-распорядительных органов государственной власти, осуществляющих защиту прав и свобод человека и гражданина, борьбу с правонарушениями (преступлениями и административными проступками), охрану общественного порядка и обеспечение общественной и личной безопасности [17].

По мнению О. А. Балдецкого, для определения понятия «полиция» целесообразно применить такое понятие, как совокупность учреждений (подразделений и служб), объединенных одним и тем же назначением, задачами и принципами деятельности и правовым статусом сотрудников [18].

В свою очередь, Н. А. Макарова считает необходимым изменить формулировку, содержащуюся в пункте 14 Положения, в котором необходимо прямо отразить, что органы внутренних дел Российской Федерации есть полиция [19].

Данный подход, на наш взгляд, представляется некорректным, поскольку не на все перечисленные в указанной норме орга-

ны, организации и подразделения системы МВД России возложены обязанности полиции, предусмотренные статьей 12 Закона о полиции, и противоречащим пункту 1 Указа № 250.

В случае объединения полиции и органов внутренних дел будет невозможно возложить дополнительные функции на органы внутренних дел, которые, в свою очередь, несвойственны полиции.

Вместе с тем полагаем возможным рассмотреть вопрос об отнесении к полиции подразделений, которые в настоящее время к ней не относятся (например, штабных, кадровых, правовых подразделений), так как данные подразделения организуют выполнение полицейских функций и обеспечивают их законность, а также зачастую привлекаются к выполнению обязанностей, возложенных на полицию.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что вопрос об определении понятий «органы внутренних дел» и «полиция» вследствие его большой теоретической и практической значимости был и остается дискуссионным.

В этой связи для большего понимания и исключения возникновения пробелов на практике полагаем необходимым в статье 1 Закона о полиции прямо указать, что полиция – это составная часть органов внутренних дел, включающая в себя подразделения, организации и службы, предназначенные для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности, а в статье 1 Закона о службе указать, что органы внутренних дел – это составная часть единой централизованной системы МВД России, включающая в себя органы, организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел.

Уверены в том, что закрепление указанных понятий на законодательном уровне будет способствовать их однозначному толкованию в нормотворчестве и правильному применению на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
2. О полиции : федеральный закон от 7.02.2011 № 3-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
4. См.: Об участии граждан в охране общественного порядка : федеральный закон от 2.04.2014 № 44-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
5. Дознание в органах внутренних дел : учеб. пособие / под ред. Н. В. Румянцева, Ф. К. Зиннурова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. С. 48.
6. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
7. О федеральной службе безопасности : федеральный закон от 3.04.1995 № 40-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
8. О милиции : закон Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).
9. Конституционное право : энцикл. словарь / авт.: С. А. Авакьян, К. Ф. Гуценко, А. И. Ковлер, М. Н. Марченко; отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Норма – ИНФРА-М, 2001. С. 81.

10. Винокуров В. А. Органы внутренних дел современного Российского государства: толкование понятия // Академический юридический журнал «Административное право» / № 3 (69) 2017. С. 14 – 20.

11. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. С. 389.

12. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.08.2021, далее – Положение).

13. Вопросы организации полиции : указ Президента Российской Федерации от 1.03.2011 № 250 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).

14. Федеральное государственное унитарное предприятие «Паспортно-визовый сервис» Министерства внутренних дел Российской Федерации, созданное в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 5.11.2009 № 1638-р / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).

15. Федеральное государственное унитарное предприятие «Камызякское опытно-экспериментальное специализированное предприятие № 2 Министерства внутренних дел Российской Федерации», созданное в соответствии с приказом Министерства внутренних дел СССР от 7.08.1990 г. № 297.

16. Винокуров В. А. Органы внутренних дел современного Российского государства: толкование понятия / Конституционное и административное право: Юридическая мысль, № 1(105). 2018. С. 30.

17. Бобров А. М. Понятие органов внутренних дел Российской Федерации / Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 9 (190). С. 90 – 92.

18. Балдецкий О. А., Шаповалова Т. А. Проблемы определения понятия «полиция», связанные с формированием структуры системы управления органов внутренних дел / Вестник Краснодарского университета МВД России, 2017, № 3 (37). С. 131 – 132.

19. Макарова Н. А. Об определении понятия «органы внутренних дел Российской Федерации» / Государство и право, 2016, № 9. С. 99 – 101; Макарова Н. А. К вопросу о законодательной регламентации системы органов внутренних дел Российской Федерации / Административное право, административный процесс. Юридическая наука, 2015, № 1. С. 71 – 73.

© Ольшевский А. В.

© Малышева Ю. В.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

УДК 343.985.7:343.541.4:004.77(470)

Н. Д. Захаров, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (г. Волгоград)

N. D. Zakharov, Postgraduate of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Volgograd)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**SOME ISSUES OF REGULATING THE ACTIVITIES
OF THE OPERATIONAL DIVISIONS OF INTERNAL AFFAIRS
OF RUSSIA ON DETECTING CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY
OF MINORS COMMITTED USING THE INTERNET**

***Аннотация.** В статье анализируется нормативная база, регулирующая деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет. Действующее российское законодательство рассматривается в разрезе последовательного изучения норм международного законодательства, Конституции Российской Федерации, а также федеральных и ведомственных норм, регулирующих деятельность органов внутренних дел по указанному направлению оперативно-служебной деятельности. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о целесообразности ужесточения норм уголовного законодательства в сфере борьбы с половыми преступлениями в отношении несовершеннолетних и выделения дополнительного критерия повышенной общественной опасности: совершение половых преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Также рассматриваются вопросы, связанные с несовершенством правовых норм, регулирующих порядок эксплуатации сетей связи и распространения информации.*

***Ключевые слова и словосочетания:** несовершеннолетние, половая неприкосновенность, сеть Интернет, уголовная ответственность, распространение информации, сеть связи, правовое регулирование.*

***Abstract.** The article analyzes the regulatory framework for governing the activities of the operational divisions of Internal Affairs to identify and disclose crimes against the sexual integrity of minors committed using the Internet. The current Russian legislation is considered in the context of a consistent study of the norms of the international legislation, the Constitution of Russia, as well as federal and departmental standards, regulating the activities of the Internal Affairs bodies in this area of operational and service work. As a result of the study, the author comes to the conclusion about the advisability of tightening the norms of criminal legislation in the field of combating sexual crimes against minors and creating an additional criterion of increased public danger: the commission of sexual crimes using information and telecommunication networks, including the Internet. The article also considers some issues related to the imperfection of legal norms governing the operation of communication networks and the dissemination of information.*

***Key words and phrases:** minors, sexual integrity, Internet, criminal liability, dissemination of information, communication network, legal regulation.*

Развитие современных технологий предопределило курс государства в сфере информационно-телекоммуникационного законодательства, характеризующегося принятием большого количества нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в данной сфере.

Динамичность развития компьютерных технологий обязывает законодателя и правоохранительные органы реагировать на появление новых способов противоправной деятельности с использованием сети Интернет. Однако отсутствие единой международной нормативной правовой базы и единого подхода к определению понятийного аппарата, осложняют возложенные на государство задачи.

Нормативная база, регулирующая деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и раскрытию рассматриваемых преступлений, образуется из положений Конституции Российской Федерации [1], норм международного права, а также положений отечественного законодательства на федеральном и ведомственном уровнях.

Конституцией Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, которые являются составной частью ее правовой системы. Материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Следовательно, помимо внутригосударственного регулирования, существенную роль в защите интересов несовершеннолетних играет международное сотрудничество, осуществляемое на основе международных правовых актов.

В международном праве специальный правовой статус несовершеннолетнего закреплен в Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 года [2], согласно которой ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту.

Принятая в 1989 году Конвенция о правах ребенка [3] обязывает государства-

частников принимать необходимые меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, включая сексуальное злоупотребление, защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального соращения, использования детей в порнографии и порнографических материалах.

Международным нормативным актом, затронувшим вопросы, связанные с порнографией и ее оборотом, является Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий [4], заключенное в 1910 году в рамках Парижской международной конференции по проблемам борьбы с распространением порнографических предметов. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, подписанная в Женеве в 1923 году [5], закрепила примерный перечень порнографической продукции, а также перечень действий с порнографической продукцией, которые подлежат криминализации. В 1935 году к Конвенции присоединился СССР, а документ действует и сегодня, оставаясь основным нормативным актом в области противодействия обороту порнографии.

Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 года [6], ратифицированная Российской Федерацией в 2013 году, расширила перечень действий, подлежащих криминализации государству-участнику. По сути, эти положения свидетельствуют о значительно расширившихся вариантах развращения несовершеннолетних, включая интеллектуальное соращение.

Помимо вышеизложенных руководящих нормативных правовых актов в области защиты детей от сексуальных посягательств и оборота порнографической продукции, на международном уровне принято большое количество соглашений, конвенций, рекомендаций, факультативных договоров и модельных законов, призванных обеспечить необходимые условия для формирования личности ребенка и защиты детства, в ко-

торых учитываются и современные тенденции, связанные с увеличением количества сексуальных посягательств в отношении детей, совершаемых с использованием сети Интернет.

Активизация правотворческой деятельности международно-правовых институтов в данной области общественных отношений влечет за собой и соответствующие изменения в отечественное законодательство, однако стоит подчеркнуть, что не все принимаемые международным сообществом шаги, направленные на ужесточение ответственности за совершение рассматриваемых преступлений, своевременно ратифицируются Россией. Здесь, в первую очередь, речь идет об уголовно-правовых нормах, а также неразрывно связанных с ними оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Половая неприкосновенность несовершеннолетних охраняется не только нормами, включенными в главу 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», но и нормами главы 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», что обусловлено их общей природой – интимной сферой.

Объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 132, 133 и 135 УК РФ выступает половая неприкосновенность, а ст. ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ – общественная нравственность, следовательно, если изготовление, распространение и другие действия с порнографическими материалами или предметами будут содержать признаки развратных действий, содеянное потребует квалификации по совокупности преступлений.

Рассмотрение вышеуказанных деяний с точки зрения их уголовно-правовой квалификации необходимо в целях соблюдения требований действующего законодательства, регулирующего порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права граждан.

Нормативным актом, определяющим содержание оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляющим систему гарантий законности при проведении ОРМ является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [7], в соответствии со ст. 13 которого оперативные подразделения органов внутренних дел Российской Федерации наделены правом осуществления ОРД. Приказом МВД России № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» [8] определен перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять ОРД.

В соответствии со ст. 8 ФЗ «Об ОРД», проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

- о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;
- о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;
- о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Следовательно, в случае возникновения оперативной необходимости в проведении ОРМ оперативному сотруднику необходимо осуществить предварительную (оперативную) квалификацию деяния, необходимую для соблюдения вышеуказанных требований законодательства, что позволит определить наличие оснований для их проведения.

Данный факт необходимо учитывать также и на стадии заведения дела оперативного учета (далее – ДОУ) соответствующей окраски, учитывая требования ведомственных нормативных актов.

ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Таким образом, исходя из указанных требований, проведение ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» при наличии заведенного ДОУ по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 135 УК РФ, являющегося преступлением небольшой тяжести невозможно, что в значительной мере затрудняет процесс документирования противоправной деятельности лиц, осуществляющих противоправную деятельность, в том числе в сети Интернет.

По нашему мнению, приведенный пример свидетельствует о назревшей необходимости в ужесточении уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и придании такому признаку как совершение развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) повышенной общественной опасности.

Решение данного вопроса на сегодняшний день лежит в плоскости исключительно разъяснений Пленума Верховного Суда от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [9], которым затрагиваются лишь вопросы квалификации деяний. Так, в соответствии с п. 22 развратными признаются также действия, при которых у виновного отсутствовал непосредственный контакт с телом потерпевшего, включая действия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

По нашему мнению, указанное постановление не может выступать единствен-

ным нормативным актом, регулирующим уголовно-правовую политику государства в сфере половых преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, по причине неоспоримо повышающегося количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, а также растущего количества преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данные обстоятельства диктуют необходимость принятия решений по противодействию данным преступлениям на государственном уровне и могут заключаться в усилении репрессивного характера уголовного закона. Представляется, что такие решения должны включать в себя разработку целей и задач, а также выработку средств и методов борьбы с преступностью, учитывая междисциплинарный характер исследуемой проблемы.

Согласно сведениям ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», за 2017 год зарегистрировано 18 тыс., за 2018 год – 18,7 тыс., 2019 год – 19,5 тыс., 2020 год – 20,8 тыс. сексуальных преступлений, предусмотренных статьями 131 – 135 и 242 – 242.2 УК РФ. Прирост за это время составил 2,8 тыс. преступлений – 15,5 %. Из общего массива преступлений против половой свободы и неприкосновенности выделяется количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних – с 13487 преступлений в 2017 к 15822 преступлениям в 2020 году, а рост числа подобных деяний составил 14,7 %.

Количество преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации за период времени с 2017 по 2020 год, свидетельствует об их увеличении на 463 %: от 90587 преступлений в 2017 году к 510396 в 2020 году, учитывая, что уровень их раскрываемости в среднем, не превышает 20 % [10].

Представляется, что своевременное реагирование государства на повышение уровня рассматриваемой преступности и последующее за этим закрепление на законодательном уровне отдельного критерия повышенной общественной опасности использования сети

Интернет позволит оперативным сотрудникам ОВД осуществлять проведение полного комплекса ОРМ, направленных на успешное достижение целей и задач ОРД в рассматриваемом направлении деятельности.

Помимо вопросов, возникающих у оперативных сотрудников ОВД в ходе уголовно-правовой и неразрывно с ней связанной оперативно-розыскной составляющей единого процесса по выявлению, раскрытию и дальнейшему документированию рассматриваемых преступлений, необходимо проанализировать действующее законодательство, регламентирующее отношения, связанные с созданием и эксплуатацией сетей связи [11] а также оборотом информации, создающейся при применении информационных технологий [12].

Федеральным законом от 29.07.2017 № 276-ФЗ [13] установлены ограничения на использование информационных ресурсов (сайтов, программ), посредством которых обеспечивается доступ к заблокированным сайтам, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации. Основной целью закона является закрытие доступа гражданам России к сайтам, внесенным в реестр Роскомнадзора, как запрещенным. Доступ к таким ресурсам возможен при помощи обхода блокировок за счет применения различного программного обеспечения, позволяющего оставаться анонимным в сети «Интернет».

Для уточнения определения «запрещенного сайта», следует разграничить два понятия: заблокированный ресурс и сайт в «Даркнет». Первый индексируется поисковыми системами, но исключается из поисковой выдачи по решению уполномоченного государственного органа, а доступ к нему блокируется провайдерами телекоммуникационных услуг, осуществляющими свою деятельность на территории России. Для того, чтобы попасть на эти сайты, необходимо обойти блокировку, устанавливающуюся на основании определения IP-адреса пользователя как «российского».

Сайты в «Даркнет» – это не индексируемые поисковыми сервисами ресурсы, доступ

к которым обеспечивается за счет применения специальных программных средств – сервисов-анонимайзеров, наиболее распространенным из которых является «TOR». Подобное программное обеспечение, позволяющее не нарушая требований закона посещать запрещенные ресурсы, доступно для загрузки рядовому интернет-пользователю, при этом, ответственность для таких пользователей за обход блокировок запрещенных сайтов законом не предусмотрена.

Ответственность за обеспечение доступа к вышеуказанным ресурсам несут владельцы сервисов-анонимайзеров и операторы поисковых систем. Резюмируя, лица и организации, управляющие анонимайзерами, несут ответственность за обеспечение возможности доступа к запрещенным ресурсам посредством их использования, а операторы поисковых систем ответственны за отображение в результатах поиска информации о ресурсах и программном обеспечении, позволяющих получать доступ к заблокированным ресурсам. Вышеуказанные обстоятельства, по нашему мнению, свидетельствуют о недостаточно отлаженном уровне правового регулирования в сфере информации, распространяемой в сети «Интернет» и требуют реформирования на законодательном уровне.

Отдельным аспектом рассмотрения вопросов, связанных с распространением запрещенной информации в сети «Интернет» является комплекс мер, принимаемых государством в целях ограничения доступа к таким ресурсам.

Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14], в целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создана единая автоматизированная информационная система Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов,

позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее – реестр), куда по решению правомочного органа включаются:

– доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено;

– сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Создание, формирование и ведение реестра осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в порядке, определенном постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 [15], которым также утверждены правила принятия уполномоченными органами решений в отношении отдельных видов информации и материалов, распространение которых в Российской Федерации запрещено.

Данным постановлением определено, что МВД России принимает решения только в отношении распространяемой посредством сети Интернет информации, связанной с оборотом наркотиков. В случае с распространением материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних решение о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации принимает Роскомнадзор, в случае распространения материалов с порнографическими изображениями ограничение доступа к таким ресурсам осуществляется на основании решения суда, куда с соответствующим ходатайством обращаются органы прокуратуры.

Критерии оценки информации для ее включения в реестр определены совместным приказом Роскомнадзора, МВД России, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службы [16]. При этом взаимодействие с Роскомнадзором ограничивается лишь заполнением

размещенной на сайте ведомства электронной формы для приема обращения, что не представляется достаточным для достижения целей по ограничению доступа к запрещенной информации, в том числе порнографического характера.

Таким образом, из проведенного анализа нормативной базы следует, что, несмотря на преобладающую роль МВД России в борьбе с распространением порнографических материалов, подтверждающуюся статистическими показателями зарегистрированных преступлений, полномочиями по установлению владельцев порнографических ресурсов в рамках мероприятий, не связанных с осуществлением ОРД, либо проведением процессуальной проверки, ОВД не обладают.

По нашему мнению, данное обстоятельство оказывает негативное влияние на противодействие обороту порнографических материалов в сети Интернет, учитывая отсутствие единой информационной базы, в которой аккумулировались бы оперативно-значимые сведения соответствующей тематики со всех заинтересованных ведомств. На практике складывается ситуация, в результате которой уполномоченные органы осуществляют лишь оценку информации на предмет ее признания порнографической, либо порнографической информацией с изображениями несовершеннолетних, назначая соответствующие исследования специалистов, а итогом данной деятельности является лишь блокировка соответствующего ресурса. При этом меры, направленные на установление лиц, осуществляющих оборот указанных материалов, в рамках имеющейся у Роскомнадзора компетенции не проводятся, а в ОВД информация о подобных ресурсах поступает не всегда.

В результате проведенного анализа исследуемой нормативной базы следует отметить, что, несмотря на большое количество нормотворческих документов, принимаемых органами государственной власти в сфере установления ответственности за распространение запрещенной информации, блокировки интернет-ресурсов «Даркнет», установления требований к операторам свя-

зи и организаторам распространения информации в сети Интернет, указанный комплекс решений не позволяет в полной мере защитить несовершеннолетних от рассматриваемых угроз.

Исходя из отсутствия государственных границ при совершении преступлений с использованием сети Интернет, а также неуклонно растущего количества исследуемых преступлений, представляется, что наиболее перспективным способом противодействия

такой преступности является ужесточение ответственности за противоправные посягательства в сфере половой неприкосновенности несовершеннолетних, сопряженные с использованием информационных технологий, в совокупности с реформацией норм действующего законодательства, направленного на создание условий для опережающего правового регулирования, в первую очередь, информационно-телекоммуникационной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Декларация прав ребенка : принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий (Париж, 4 мая 1910 г.) (с изменениями и дополнениями). Доступ из СПС «Гарант».
5. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими заключена в г. Женеве 12.09.1923. Доступ из СПС «Гарант».
6. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) от 25.10.2007. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 19.06.2012 № 608. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4.12.2014 № 16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности за январь – декабрь 2017, 2018, 2019, 2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 16.04.2021).
11. О связи : федеральный закон от 7.07.2003 № 126-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : постановление Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 № 1101. Доступ из СПС «Гарант».

16. Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, МВД России, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службы от 18.05.2017. № 84/292/351/ММВ-7-2/461@. Доступ из СПС «Гарант».

© Захаров Н. Д.

УДК 343.985.7:343.721:343.347.4/.5(470)

Э. Д. НУГАЕВА, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. D. NUGAEVA, Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПОД ВИДОМ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ (КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ) УСЛУГ, РЕАЛИЗАЦИИ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕДИЦИНСКИХ ПРЕПАРАТОВ

ABOUT SOME FEATURES OF COMMITTING FRAUD UNDER THE GUISE OF PROVIDING MEDICAL (COSMETIC) SERVICES, THE SALE OF COSMETIC AND MEDICAL PRODUCTS

Аннотация. На основе исследования современных видов мошенничества анализируются некоторые особенности механизма совершения мошенничества под видом оказания медицинских, в том числе косметологических, услуг, реализации косметологических и медицинских препаратов. На примере расследования данного вида мошенничества подробно рассматривается способ его совершения. Акцентируется внимание на методах и приемах криминальных манипуляций сознанием и поведением жертв, используемых мошенниками при совершении преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: мошенничество, механизм преступления, псевдомедицинские услуги, расследование преступления.

Abstract. Based on the study of modern types of fraud, some features of the mechanism of committing fraud under the guise of providing medical, including cosmetic services, the sale of cosmetic and medical

drugs are analyzed. On the example of the investigation of this type of fraud, the method of its commission is considered in detail. Attention is focused on the methods and techniques of criminal manipulation of the consciousness and behavior of victims used by fraudsters when committing crimes.

Key words and phrases: *fraud, crime mechanism, pseudo-medical services, crime investigation.*

Специфика современной проблематики борьбы с мошенничеством в мире определяется не только ускоренным обновлением форм и способов их совершения, модернизации мошеннических схем, известных практике ранее, но и высоким ростом его зарегистрированного объема.

Анализ статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России) свидетельствует о ежегодном увеличении доли мошенничества в общей структуре преступлений. Если в 2016 г. доля мошенничеств составила 9,7 % в общей структуре преступлений, то в 2017 г. и 2018 г. она возросла до 10,8 %. В 2019 году доля мошенничеств всех видов возросла до 21,9 %. В 2020 году на фоне пандемии зафиксирован рост мошенничества в общей структуре преступлений на 36 %. К примеру, мошенничеств с использованием электронных средств платежа, квалифицированных по статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), стало больше на 103,6 % [1].

Схожая ситуация с мошенничеством наблюдается в ряде стран Содружества Независимых Государств. В таких республиках, как Беларусь, Казахстан она аналогична России. Министерство внутренних дел Республики Казахстан отмечает, что самый распространенный вид мошенничества связан с размещением объявлений о продаже товаров или

оказании услуг на интернет-площадках по невысоким ценам и с быстрым предоставлением товара или услуги. Участились случаи оформления онлайн-кредитов третьими лицами. Распространено мошенничество под предлогом выгодных вложений денег в букмекерские ставки, биржи [2].

По данным Министерства внутренних дел в 2020 году в Белоруссии зарегистрировано более 3000 преступлений в сфере высоких технологий. Примерно треть из них – хищения со счетов с использованием реквизитов банковских карт, полученных через мошеннические интернет-ресурсы или методом социальной инженерии. Самый распространенный способ мошенничества в этой республике – выманивание реквизитов карт и персональных данных от имени сотрудников банков либо под предлогом перевода средств за покупку товара. Также нередки случаи отправки ссылок на «фишинговые» системы «интернет-банкинга», которые имитируют официальные сайты банков либо популярные онлайн-сервисы [3].

Министерство внутренних дел Республики Таджикистан отмечает рост краж, грабежей и небольшой рост мошенничества в 2020 г., в сравнении с предыдущим годом [4, с. 6].

Исследование показало, что при совершении мошенничеств злоумышленники стремятся активно использовать не только

Таблица 1

Данные об уголовных делах, возбужденных по ст. 247 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (мошенничество).

Год	МВД	Прокуратура	ГКНБ*	АКН**; ГУИН; Тамож.	АФК и БК***	Общее количество
2016	2216	857	7	9	447	3536
2017	1513	771	13	4	376	2677
2018	1926	853	15	5	362	3161
2019	1608	721	20	20	443	2812
2020	1647	699	21	4	495	2866

информационные технологии, но и незаметно психологически воздействовать на потерпевших, практикуя знания психотехники, технологии внушения, нейролингвистического программирования и т. п. «Мошенники прибегают к многочисленным уловкам и хитростям, применяют новейшие средства и технологии, искусно пользуются пробелами в законодательстве. При этом они пытаются достичь двух взаимосвязанных целей: создать внешне легальную оболочку завладения чужим имуществом и избежать привлечения к уголовной ответственности» [5, с. 47]. Преступления данного рода на фоне «текучести кадров» в правоохранительной системе, представляют определенные сложности для сотрудников органов предварительного расследования.

В последние годы зафиксирован рост мошенничеств под видом оказания гражданам медицинских, в том числе косметологических услуг. Кратко схема мошенничества выглядит следующим образом: создается юридическое лицо для оказания медицинских (косметологических) услуг и (или) реализации косметологических и медицинских препаратов. Далее мошенники арендуют офисы, вывешивают яркие, привлекающие внимание вывески, например, «Центр высококвалифицированной медицины», и приглашают на бесплатный прием для диагностики здоровья. Учитывая, что основная масса людей пенсионного возраста имеет значительные проблемы со здоровьем, то именно эта категория обращается в данные центры. В офисах устанавливается современное оборудование, декорируется интерьер с учетом предстоящей деятельности с целью формирования чувства комфорта и внушения будущему потерпевшему легальной деятельности организации и мнимой законности действий преступников. Для создания иллюзии, научной обоснованности и большей внушительности для клиентов предлагаемых медицинских и косметологических услуг на стенах развешивают дипломы, сертификаты, свидетельствующие об окончании тех или иных курсов, «Академий красоты» и т. п. Для привлечения потенциальных клиентов преступники размещают

рекламу центров в средствах массовой информации, глобальной сети Интернет, формируют кол-центры. Прием осуществляют люди в белых халатах, вежливо предлагают пройти обследование всего организма. Мошенники, будто случайно, в присутствии клиента имитируют беседу по телефону с известными в обществе людьми, демонстрируя тем самым причастность к солидным фирмам и организациям. По окончании диагностики клиентам ставят устрашающие диагнозы, влекущие наступление тяжких последствий, вплоть до летального исхода. Мошенники убеждают граждан в необходимости безотлагательного прохождения дорогостоящих медицинских процедур по скидкам именно в этом центре. Доверчивые пенсионеры вкладывают в псевдолечение отложенные деньги. При отсутствии необходимых денежных средств в офисе предлагают оформить кредит по сниженным ставкам.

Так, «в период времени с 01.06.2019 по 07.11.2019 гг. Н., Ш., З., С. и М., действуя умышленно, из корыстных побуждений, в составе организованной группы, под руководством А., и организаторов поименной группы Л. и Ф., использующего свое служебное положение, в пределах установленных ими формы и способа хищения, по заранее разработанной преступной схеме, с использованием методов и приемов психологического воздействия, под предлогом бесплатного оказания косметологических услуг, совместно и согласованно приняли участие в совершении мошенничества в отношении гр. Х. 65 лет, инвалида 1 группы, посредством оформления потребительского кредита. Следствием установлено, что 12.09.2019 гг. Х. от оператора кол-центра ООО «Центр современной медицины, красоты и здоровья» поступило предложение посетить салон красоты «Адель» для прохождения бесплатной косметологической процедуры по уходу за кожей лица по предоставленному ей именному сертификату, при этом оператор сообщил дату прибытия и необходимости наличия паспорта.

Гр. А., являясь активным участником организованной группы, реализуя преступ-

ные намерения, направленные на незаконное обогащение путем хищения денежных средств гр. Х. умышленно, из корыстных побуждений, непосредственно участвуя в совершении преступлений совместно и согласованно с другими участниками организованной группы, осуществляющими свою преступную деятельность под его руководством и руководством организаторов поименной группы Л. и Ф., использующего свое служебное положение, выполняя свою роль, дал указание участникам организованной группы: гр. Н., исполняющей роль специалиста, гр. Ш., исполняющей роль косметолога и гр. З., исполняющей роль кредитного специалиста о реализации преступного умысла в отношении гр. Х. с целью понуждения той к подписанию документов, необходимых для получения на ее имя потребительского кредита, под предлогом оказания бесплатных косметологических услуг в салоне.

Гр. Н., обученная приемам и методам обмана и психологического воздействия на женщин руководителем структурного подразделения организованной группы «специалисты» гр. С., являясь активным участником организованной группы, действуя согласно отведенной ей роли в соответствии с заранее разработанным планом, позиционируя себя в качестве специалиста в области косметологии, будучи одетой в белый халат для поддержания имиджа медицинского работника и создания у гр. Х. уверенности в наличии у нее профессиональных навыков и познаний в области косметологии, которых в действительности не имелось, встретила у стойки администратора салона гр. Х. и проводила ее в специально оборудованный отдельный кабинет специалиста, снабженной системой видеонаблюдения и аудиофиксации, что позволяло участникам организованной группы осуществлять постоянный контроль над реализацией корыстного умысла, своевременно корректировать преступные действия и активно влиять на достижение преступного результата.

Гр. Н., позиционирующая себя специалистом, осуществляя в отношении гр. Х. поэтапные противоправные действия, применяя

различные приемы и методы психологического воздействия, провела процедуру, в процессе которой, противоправно, используя наряду с косметическими средствами неустановленное вещество, содержащее наркотическое средство метилен-диокси-бензилкатинон, а также флуоксетин, обманывая, сообщила потерпевшей о наличии существенных проблем на коже лица, требующих незамедлительного лечения, об исключительном свойствах, уникальном составе и высоком качестве косметической продукции, реализуемой салоном. О личном использовании данных средств, о положительных отзывах клиентов салона самого разного социального уровня и достатка, убеждая, что регулярное применение предлагаемых косметических средств в совокупности с массажером (фотонно-ультразвуковым прибором), называемым «Фотоник», способно исправить эстетические проблемы кожи лица и вылечить диагностируемое заболевание. Гр. Н. заверила гр. Х. о наличии эффекта с первой процедуры, навязывая необходимость посещения салона для дальнейшего получения косметологических услуг, обманывая, сообщила, что в течение месяца косметологические услуги в качестве рекламы будут оказываться бесплатно, одновременно с этим, в процессе беседы получала информацию о персональных данных, уровне дохода, семейном положении гр. Х.

Гр. Н. сообщила гр. Х. недостоверные сведения о необходимости заполнения анкеты и передачи паспорта для подтверждения персональных данных, пояснив, что это требование обусловлено осуществлением учетной деятельности салона по оказанию бесплатных косметологических услуг, скрывая, что анкета и паспорт в действительности требуются для оформления заявки в банк на получение потребительского кредита. Получив таким образом паспорт гр. Х. и заполнив анкету, гр. Н. передала документы в бухгалтерию ООО «Центр современной медицины, красоты и здоровья» гр. З.

Гр. З., исполняющая роль кредитного специалиста, составила документы с недостоверными сведениями, заведомо влекущими принятие банком положительного реше-

ния о предоставлении кредита для оплаты гр. Х. приобретаемого в ООО «Центр современной медицины, красоты и здоровья» парфюмерно-косметического товара на сумму 90089, 60 рублей, заведомо зная об отсутствии у потерпевшей намерений получить кредит и приобретать за счет него парфюмерно-косметический товар.

Находясь под воздействием обмана со стороны участников организованной группы, гр. Х., заблуждаясь относительно истинного содержания предоставленных документов, не осознавая, что их подписание неминуемо влечет необходимость исполнения ею обязательств перед банком, подписала все предоставленные документы... Преступными действиями гр. Н., Ш., З., С., М., А., Л., и Ф. гр. Х. причинён ущерб в сумме 90089, 60 рублей» [6].

По единому сценарию рассматриваемый способ мошенничества при оказании псевдомедицинских услуг совершался не только на всей территории России, но и в странах ближнего зарубежья. Применяемые преступниками в комплексе методы криминальных манипуляций позволяли снизить критичность мышления у потерпевших, вызвать у них состояние стресса, тревоги и страха, неспособность контролировать свои действия в сложной жизненной ситуации и оказывали существенное влияние при передаче денежных средств и ценностей.

Основу механизма мошенничества для вхождения в доверие к потерпевшим и вовлечения их в обман порождают действия, слова, жесты и иные манипуляции преступников. Самым эффективным средством достижения целей манипулирования на общественном и индивидуальном уровне является речевое воздействие [7, с. 45]. Так, Т. В. Полетаева определяет речевое (языковое) манипулирование как «намеренное затемнение смысла высказывания с целью изменения ценностных установок в сознании реципиента» [8, с. 45].

С целью расположения клиентов, преступники, апеллируя компетентностью и стажем работы, демонстрируют свои знания в вопросах медицины, косметологии и т.п., по-

казывают дипломы и удостоверения обществ, ассоциаций и союзов с громкими названиями, ссылаются на известных в обществе людей, которым они помогли. «Элементарные навыки и приемы эффективной коммуникации и самопрезентации в исполнении мошенника служат основой для последующего воздействия на жертву» [9, с. 119].

Нами выделены методы и приемы криминальных манипуляций сознанием и поведением жертв, используемые мошенниками при совершении преступления, которые возможно адаптировать к рассматриваемому виду мошенничества. Выявленные методы активно применялись как при привлечении, так и удержании клиентов:

1. Усиление интереса клиента за счет мнимого ажиотажа о большой занятости и загруженности «врача», «косметолога», «специалиста» и т. п.).

2. Применение при работе и удержании клиента методам «бомбардировка любовью», когда мошенники проявляют к несчастным, больным и пожилым гражданам особую доброжелательность, обходительность, приветливость, заботу, ласку, лесть.

3. Использование четких инструкций при отборе потенциальных клиентов, в которых прописывались тексты реплик, порядок их изложения, возможные варианты поведения клиентов, способы завлечения и удержания жертв.

В инструкциях рекомендовалось удерживать мотивационное напряжение клиента при помощи метода прерванного телефонного звонка. Мошенникам предлагалось внимательно слушать человека и в ходе беседы делать определенные выводы (часто обращается в поликлинику – плохое здоровье, наличие детей – проблемы в общении и т. п.). При обобщении (ваши проблемы будут решены с помощью наших специалистов и наших препаратов. Нельзя терять время») рекомендовалось неожиданно прервать разговор с клиентом. «Техника прерванного телефонного звонка базируется на эффекте незавершенного действия, который заключается в том, что прерванные задачи в силу сохраняющегося мотивационного напряжения запоминаются

лучше, чем завершённые. Таким образом, создается благодатная почва для дальнейшего манипулятивного воздействия.

4. Формирование внешней видимости авторитетной личности за счет соответствующей обстановки, атрибутики, одежды, титулов, музыки.

5. Использование эффекта усиления стресса. Мошенники рисовали перед клиентом страшную картину последствий выявленных болезней, после чего предлагали выход из безнадежной ситуации, заключающийся в проведении курсов лечения в их клинике.

6. Массированное воздействие на чувства и ценности человека. Циничное эксплуатирование уязвимых сторон клиентов. В качестве мер оказания давления обычно избирались такие, с которыми потерпевший, по мнению преступников, не может не считаться. Основным средством воздействия являлась смерть потерпевшего либо близких ему людей в ближайшее время, неизлечимая болезнь.

7. Формирование у клиентов убежденности об искренней заинтересованности со стороны «врача» состоянием здоровья клиента либо его близких, избранности последних. С этой целью преступники осуществляют многочисленные звонки клиентам, сообщая, что именно этот клиент вызывает особую озабоченность, убеждают в необходимости проведения курсов лечения.

8. Завуалированное навязывание решений, выгодных преступнику. Например, преступниками перед потерпевшим за лечение обозначается крупная сумма, но именно этому клиенту ввиду его трагичной ситуации делается внушительная скидка, которая на контрасте с первоначально озвученной суммой воспринимается как сравнительно скромная.

9. Употребление мошенником при общении с потерпевшим метафор, неясных формулировок, скрытой алогичности, а также насыщенного «профессионального» сленга: медицинской, псевдонаучной терминологии.

10. Подаваемая мошенником информация излагается в непривычной редакции, с эмоциональной и агрессивной окраской, с изменениями темпа и сочетает в себе скрытые формы целенаправленного внушения

определенного варианта поведения потерпевшим. Эффект внушения достигается при условии значительного количества повторений (крайние случаи, например, введение в транс, сопровождаются многократным и монотонным повторением речевых стимулов).

11. Используется известный прием манипулирования общественным и индивидуальным сознанием «магия числа». Мошенники, используя этот прием, озвучивают клиенту определенное число, несущее за собой, якобы, непоправимое, ужасное событие. Например, наступление смерти близкого человека через десять дней и т. п.

12. Образование измененных состояний сознания через музыкальное сопровождение, ритмы и ароматы.

13. Подавление критичности жертвы с помощью целевого группового влияния (два человека и более убеждают потерпевшего столько времени, сколько требуется для получения искомого результата). Вовлечение в этот момент дополнительного манипулятора в виде авторитетного человека, достигшего значительных результатов в медицине либо занимающего определенную должность, известного в широких кругах.

14. Искусственное принуждение клиента к принятию решения в очень короткие сроки.

15. Обращение при работе с клиентом к гипнотическому трансу, эриксоновскому гипнозу, НЛП [10, с. 60 – 72].

Н. И. Малахиной отмечается, что «самыми распространенными методами внушения в подсознании, используемыми преступниками, являются эриксоновский гипноз, нейролингвистическое программирование и цыганский гипноз» [11, с. 218]. Обучение различным видам психотехник проводится как онлайн-курсами, так и в различных центрах по обучению гипнозу. Л. В. Седых отмечает, что в России действует 266 крупных центров, специализирующихся на обучении гипнозу [12, с. 8].

Исследование закономерностей совершения современных видов мошенничества свидетельствует о причастности к ним организованных групп и преступных сообществ,

ориентированных на долговременный, масштабный, высокодоходный, конспиративный характер преступной деятельности. Тенденции данных видов мошенничества, затрудняющие процедуру их выявления, раскрытия и расследования, позволили сделать вывод о существенном воздействии на этот процесс межрегионального характера противозаконных действий, превалирования и устойчивости высокоорганизованной преступной деятельности, гибкой адаптации и оперативного реагирования на конъюнктуру рынка схем и способов совершения преступления. Определено увеличение общественной опасности и наступивших негативных последствий физическим лицам, организациям и государству в целом. Сделано заключение о высоком латентном характере этих преступлений.

Потерпевшими по рассматриваемой категории дел чаще всего являются лица женского пола (93,1 %), что объясняется психологическими особенностями женщин, – экстравертированность, повышенный уровень тревожности, неудовлетворенность своим социальным статусом, не критичность при восприятии информации, эмоциональная лабильность. Кроме того, по нашему мнению, совершению мошенничеств способствуют также правовая неграмотность, порою наивность, невнимательность граждан.

Так, на территории г. Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Благовещенска в течение 2016 – 2019 годов функционировала преступная группировка оказывающая жителям городов Дальнего Востока псевдомедицинские услуги. От мошеннических действий организованной группы пострадали 2,3 тысяч человек, большинство из которых пенсионеры. Общий ущерб превысил 200 млн руб. Ранее перед судом по данному факту мошенничества предстали 13 человек.

В отношении 47 обвиняемых проводится предварительное расследование [13].

Для доказывания умышленного, целенаправленного и намеренного характера преступных действий мошенников, анализа использования ими тщательно продуманных схем обмана потерпевших требуется исследование специфики методов, приемов и средств скрытого психологического воздействия, оказанного на потерпевших, особенностей состояния последних в юридически значимый момент времени, уровня их способности к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации, что требует привлечения профессиональных знаний в области психологии, социологии, лингвистики, психиатрии. Для закрепления доказательственной базы по уголовному делу необходимо также проводить судебно-медицинские экспертизы, целью которых служит определение наличия диагностированного псевдомедицинским учреждением заболевания; определение тяжести причиненного вреда здоровью действиями псевдоврачей.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что успешное раскрытие и расследование современных видов мошенничества, в особенности совершенных организованными преступными формированиями, невозможно без должного взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных служб. В ходе следствия весьма важно тщательно исследовать механизм совершения мошенничества, принять меры к сбору доказательств на каждого из членов преступной группы, преступного сообщества, последовательно и рационально в рамках тактических комбинаций (тактических операций) произвести необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (дата обращения: 12.05.2021).

2. Количество случаев интернет-мошенничества увеличилось в Казахстане за год в полтора раза. URL: https://forbes.kz/news/2020/11/06/newsid_237144 (дата обращения: 13.05.2021).
3. В МВД Беларуси рассказали о самых распространенных способах мошенничества с банковскими картами. URL: <https://www.belnovosti.by/proisshestiya/v-mvd-belarusi-rasskazali-o-samyh-rasprostranennyh-sposobah-moshennichestva-s> (дата обращения: 12.05.2021).
4. Нугаева Э. Д., Арипов А. Л. Современные способы мошенничества. Особенности расследования : научно-практическое пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. 112 с.
5. Ефремова Е. И., Бахтигозина Э. И. Мошенничество в медицинских организациях: методы борьбы // Бухучет в здравоохранении. 2018. № 10. С. 45 – 53.
6. Архив Главного следственного управления МВД по РБ. Уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Уголовное дело № 20.....791.
7. Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве : дис. ... канд. психол. наук. 212 с.
8. Полетаева Т. В. Речевые манипуляции в современной англоязычной рекламе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 203 с.
9. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 119.
10. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2019. 269 с.
11. Малыхина Н. И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы. М. : Юрлитинформ, 2016. 310 с.
12. Седых Л. В. Преступления, совершаемые с применением гипноза: особенности квалификации и предупреждения. М., 2013. 192 с.
13. В Хабаровске завершено расследование о мошенничестве псевдомедиков. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4814625> (дата обращения: 14.06.2021).

© Нугаева Э. Д.

УДК 343.851.5:343.34

А. Б. Абазов, доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Нальчик)

A. B. Abazov, Assistant Professor of the Chair of Internal Affairs in Special Conditions of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (Branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Nalchik)

Т. А. Файрушин, старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

T. A. Fayrushin, Senior Instructor of the Chair of Fire and Tactical and Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

О КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

ON THE COMPETENCE OF LOCAL AUTHORITIES IN COUNTERING YOUTH EXTREMISM

Аннотация. В настоящее время федеральное законодательство обязывает органы местного самоуправления принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие молодежному экстремизму. С учетом того, что большинство полномочий в сфере противодействия экстремистским проявлениям принадлежит и реализуется федеральными органами исполнительной власти, а основная часть нагрузки в процессе противодействия указанному феномену ложится на правоохранительные структуры и Вооруженные Силы Российской Федерации, обуславливается, на первый взгляд, относительно незначительная роль муниципалитетов в решении данных вопросов. Это, по мнению авторов статьи, не совсем верно, ввиду того что именно органы местного самоуправления представляют уровень публичной власти наиболее близким к населению и потому представляют собой первичное звено в профилактике экстремистских проявлений среди молодежи. Вместе с тем непосредственно на плечи органов местного самоуправления ложится бремя по предоставлению населению услуг по охране и защите их законных интересов на территории муниципального образования.

Ключевые слова и словосочетания: органы местного самоуправления, противодействие экстремизму, профилактика, полномочия, компетенции.

Abstract. Currently, federal legislation obliges local governments to take part in activities aimed at countering youth extremism. Taking into account the fact that most of the powers in the field of countering extremist manifestations belong to and are exercised by federal executive bodies, and the bulk of the burden in the pro-

cess of countering this phenomenon falls on law enforcement agencies and the Armed Forces of the Russian Federation, the relatively insignificant role of municipalities in resolving these issues is determined at first glance. According to the authors, this is not entirely true, in view of the fact that it is local governments that represent the level of public authority closest to the population and, therefore, represent the primary link in the prevention of extremist manifestations among young people. At the same time, the burden of providing the population with services to protect and defend their legitimate interests in the territory of the municipality falls directly on the local self-government bodies.

Key words and phrases: *local authorities, countering extremism, prevention, powers, competencies.*

Происходящая в последние два десятка лет глобализация современного мира охватила все важные сферы жизнедеятельности человека, затронула социально-политические и экономические процессы и привела к тому, что усугубилась и без того сложная ситуация, обусловившая значительный рост радикально настроенной публики, большую часть которой составляет именно молодежная аудитория, которая наиболее уязвима перед всякой идеологией.

Поначалу представлялось, что процесс глобализации будет способствовать развитию гармоничного и справедливого мироустройства, в котором люди будут жить в достатке и благополучии. В реальности же произошло то, что в большем выигрыше от глобализации, в очередной раз, стали сильные мира сего – крупные и развитые государства еще больше обогатились, а бедные еще больше обеднели. Кризис в экономике, политике, в умах людей стал неизбежен. И именно эти умонастроения и послужили фактором проникновения в молодежную среду экстремистских идеологий. Сказанное привело к тому, что одной из главных задач обеспечения национальной безопасности государства стало противодействие молодежному экстремизму.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что молодежь, выступая в роли особой социально-демографической группой, очень легко подвергается любым деструктивным манипуляциям из-за недостатка у нее социального опыта, относительно легкой внушаемости и преувеличенно эмоциональной оценке событий и реакции на них. Все сказанное находит выражение в экстремистских проявлениях среди молодого поколения.

Сказанное обуславливает актуальность проблемы противодействия молодежному экстремизму на общегосударственном уровне, и прежде чем подвергнуть анализу рассматриваемую тему, разберемся с применяемой терминологией.

Ученые, эксперты и практики, предпринимая попытки определить и универсализировать понятия «экстремизм», едины во мнении о том, что «данный феномен представляет собой идеологию и практику, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии; установление культа лидера; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем» [1, с. 163; 2, с. 312].

В числе существенных признаков экстремизма следует отметить его чрезвычайность, неожиданность, насилие, агрессию и злонамеренность. Формируется экстремистское поведение внутри личности и выражается в агрессивном поведении, в нетерпимости к мнению оппонента, в склонности к принятию немиролюбивых методов разрешения конфликтов, отрицание компромисса в качестве ценностной ориентации в каждодневной деятельности, а также нежелание считаться с правами и свободами личности [3, с. 24].

Одной из негативных сторон в проявлении экстремизма является вовлечение в эту среду молодежи, для которой типична демонстрация импульсивного, конфликтного, нетерпимого и деструктивного поведения.

Отсюда молодежный экстремизм продуцируется в «возрастающую организованность, сплоченность группировок, формирование в них идеологических, аналитических и боевых структур, усиление мер конспирации, применение для распространения своей идеологии и координации действий новейших информационных и коммуникационных технологий» [4, с. 271; 5, с. 35].

Особая угроза для национальной безопасности заключается в том, что молодежный экстремизм проявляется в совершении различного рода массовых акций и распространении идеологии и тактики террора в качестве орудия политической борьбы.

Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации осуществляется по следующим основным направлениям:

- принятие профилактических мер для предупреждения экстремистской деятельности;
- выявление и устранение причин и условий, рецидивирующих экстремистскую деятельность;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц [6, с. 129].

Следует отметить, что ведущую роль в противодействии молодежному экстремизму играет деятельность, осуществляемая сотрудниками органов внутренних дел регламентируемая Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, международными договорами, федеральными законами и нормативно-правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, в обязанности которых входит принятие мер по пресечению экстремистских угроз до прибытия специализированных служб. Однако для противодействия распространению экстремизма необходима слаженная и эффективная работа, как правоохранительных органов, так и органов государственного, регионального и муниципального управления всеми доступными способами.

Действующую на сегодняшний день российскую правовую систему можно охарактеризовать как сформировавшуюся в полной мере. Анализ современного законодательства показывает, что в содержательном аспекте нормативно-правовая база содержит все компоненты противодействия такому негативному явлению, как экстремизм.

В концептуальном аспекте положительной оценке подлежит деятельность федеральных органов государственной власти по обеспечению безопасности Российской Федерации, которая строится на основе концепции обеспечения безопасности [7, с. 119]. Вместе с тем, если в сфере реализации безопасности федеральными органами проблем во всех отношениях не наблюдается, то с решением вопросов участия органов местного самоуправления в указанной сфере дела обстоят намного сложнее. И это несмотря на то, что по своей сути органы местного самоуправления, хотя и являются публично-властными структурами, не входят в систему органов государственной власти.

Регламентация вопросов участия органов местного самоуправления в противодействии экстремистской деятельности обуславливается положениями федерального законодательства. Однако, что примечательно, один из важнейших аспектов реализации мер противодействия молодежному экстремизму в аспекте финансирования указанного участия в нормативно-правовых актах не отражается, также умалчивается и аспект практического участия муниципалитетов в антитеррористической деятельности. Отсюда можно заключить отсутствие у органов местного самоуправления права на самостоятельное определение сферы своих полномочий и на установление компетенций. И становится очевидным, что алгоритм действий органов местного самоуправления, не имея законодательного подкрепления, не предусматривает компенсации финансовой стороны данного вопроса, так как указанные расходы не предусмотрены государственным бюджетом.

Таким образом, раскрывая круг полномочий органов государственной власти в сфере противодействия экстремистской деятельности, следует отметить их принадлежность по большей части к правоохранительной системе и Вооруженным силам. Сказанное, на первый взгляд, наталкивает на мысль о том, что компетенция органов местного самоуправления в указанных вопросах достаточно скромна.

Принимая во внимание большую социальную опасность, которую представляют собой экстремистские проявления и объективную сложность органам местного самоуправления противостоять ему, следует отметить актуальность противодействия указанному феномену.

Согласно положениям норм федерального законодательства на органы местного самоуправления накладывается обязанность принимать самое активное участие в реализации мероприятий, направленных на противодействие экстремистской деятельности. Так, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит позицию о том, что «органы местного самоуправления обеспечивают законность и охрану общественного порядка на территории муниципального образования, а также участвуют в мероприятиях по предупреждению и профилактике терроризма и экстремизма, минимизации и (или) ликвидации последствий терроризма и экстремизма на территории муниципального образования» [8]. При этом, отметим, что профилактика состоит в осуществлении органами местного самоуправления деятельности по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений экстремистской и террористической направленности.

Однако, как мы уже выше указывали, органы местного самоуправления не обладают полномочиями и компетенциями по выявлению и пресечению экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений и иных организаций и физических лиц. У муниципалитетов также от-

сутствуют средства выявления, пресечения, раскрытия и расследования экстремистских преступлений, выражающихся в террористических актах.

Вместе с тем в Российской Федерации органы местного самоуправления являются структурой, наиболее тесно осуществляющей взаимодействие с гражданским населением. А, как нам диктует теория социального обслуживания, «органы местного самоуправления в пределах территорий муниципального образования предоставляют населению различные услуги, в том числе и услуги по охране и защите прав и законных интересов граждан, решая многочисленные вопросы местного значения» [4, с. 272].

Главным негативным фактором, оказывающим деструктивное влияние на политику противодействия экстремистской деятельности, выступает относительная отдаленность органов местного самоуправления от федерального центра и социальный состав населения, характеризующийся в регионах влиянием исторических эволюций и экономическим развитием.

В свете сказанного при определении значимости роли муниципалитетов в противодействии экстремистским проявлениям, следует принимать во внимание положения Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в которых полномочия органов местного самоуправления в области противодействия экстремистским проявлениям состоят в исполнении обязанности оказывать содействие органам, осуществляющим борьбу с указанным явлением [9; 10].

Вопросы противодействия молодежному экстремизму являются общегосударственными задачами, для решения которых требуется мобилизация всех ресурсов. И на государственном уровне определяется роль органов местного самоуправления в реализации политики противодействия экстремистским проявлениям среди молодежи. Таким образом, органы местного самоуправления наделяются соответствующими компетен-

циями в сфере профилактики экстремизма и терроризма и минимизации и (или) ликвидации их последствий в границах муниципального образования. Приоритетными направлениями антиэкстремистской политики органов местного самоуправления следует назвать противодействие данному явлению по трем позициям:

1) идейно мотивированному насилию – от расистского до антиправительственного.

2) агитации к противоправным действиям идейно мотивированного характера.

3) организациям и группировкам, ориентированным на пп. 1–2 и практикующим масштабное насилие или являющимися группировками единомышленников.

Практика показывает, что антиэкстремистская политика по большей части направлена на антиконституционную деятельность любого масштаба – от самого незначительного до чрезвычайно опасного.

Целью противодействия экстремизму органов местного самоуправления выступает снижение уровня радикализации различных групп населения и препятствование их вовлечению в террористическую деятельность, особенно молодежи [3, с. 24].

Анализ деятельности территориальных органов внутренних дел Российской Федерации свидетельствует об их взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления по следующим аспектам: планирование и реализация антиэкстремистских мероприятий; разработка рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства; реализация совместных полномочий в установленном порядке [7, с. 118].

Обобщая компетенцию органов местного самоуправления в осуществлении противодействия молодежному экстремизму, отметим, что они ограничиваются исключительно принятием и осуществлением профилактических мероприятий. Вместе с тем подчеркнем, что органы местного самоуправления, осуществляя противодействие экстремистским проявлениям, подвержены бюрократизации в меньшей степени. А при-

нимая во внимание высокую степень доверия граждан к муниципальным структурам по сравнению с федеральным центром, следует отметить положительное влияние на повышение эффективности антитеррористической политики.

Раскрывая задачи органов местного самоуправления в осуществлении противодействия молодежному экстремизму, следует отметить:

– интегрированное взаимодействие должностных лиц и правоохранительных структур по вопросам профилактики и предупреждения экстремистских проявлений;

– организацию мероприятий, направленных на выявление, обнаружение и оценку степени распространения экстремистской идеологии среди обучающихся в образовательных организациях;

– правовое регулирование деятельности общественных и религиозных объединений в целях осуществления гражданского контроля [1, с. 165].

Решению указанных задач способствуют:

– разработка для сотрудников правоохранительных органов и органов местного самоуправления обучающих программ культуры межэтнических, межконфессиональных взаимоотношений и нейтрализации радикализации молодежи;

– разработка методических рекомендаций и программ воспитания по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения для профилактики экстремистского поведения [5, с. 36].

Главными принципами, на основании которых осуществляется противодействие молодежному экстремизму, исследователи называют: «законность, которая обеспечивается строгим соблюдением основных положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов и подзаконных нормативных актов; комплексность, гарантом которой выступает объединение усилий основных субъектов, осуществляющих противодействие экстремизму; оптимальность, позволяющая достигнуть максимально положительных результатов при наименьших издержках, как материального, так и финан-

сового характера; оперативность, которая состоит в осуществлении предупредительных мер, адекватных складывающейся оперативной обстановке» [6, с. 131].

В заключении еще раз подчеркнем, что вопросы противодействия проявлению экстремизма среди молодежи силами и средствами муниципалитетов являются проблемой как научного, так и практического характера, которая не теряет своей актуальности и требует пристального изучения и решения. При этом, анализируя признаки экстремизма, в числе которых были названы чрезвычайность, неожиданность, насилие, агрессия и злонамеренность, можно обоб-

щить, что все это приводит к нежеланию считаться с правами и свободами других людей. Вместе с тем нами определено, что проблема противодействия молодежному экстремизму является задачей общегосударственного масштаба, для решения которой требуется мобилизация всех ресурсов. Однако, раскрывая роль органов государственной власти и органов местного самоуправления в реализации антиэкстремистской политики, следует отметить их принадлежность по большей части к правоохранительной системе и Вооруженным силам, что, ни в коей мере не уменьшает значимости муниципалитетов в решении указанной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарчоков Б. А., Машекуашева М. Х., Кочесокова З. Х. Актуальные вопросы профилактики экстремистских настроений среди населения // *Фундаментальные проблемы науки : сборник статей Международной научно-практической конференции* : в 2-х ч. 2016. С. 129 – 131.
2. Файрушин Т. А. Гражданское общество в России: проблемы и перспективы развития // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 1 (104). С. 311 – 313.
3. Шхагапсоев З. Л. Радикализм и экстремизм как реальная угроза безопасности государства // *Пробелы в российском законодательстве*. 2020. Т. 13. № 4. С. 23 – 26.
4. Абазов А. Б. Общественная опасность экстремизма в Российской Федерации // *Успехи современной науки*. 2017. Т. 6. № 4. С. 270 – 272.
5. Абазов А. Б. Предупреждение и пресечение правонарушений экстремистской направленности территориальными органами внутренних дел МВД России // *Государственная служба и кадры*. 2018. № 1. С. 34 – 36.
6. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 26.02.2021 г.)
7. Настуев Э. Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // *Пробелы в российском законодательстве*. 2020. Т. 13. № 4. С. 117 – 120.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 16.02.2021)
9. Гедгафов М. М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // *Государственная служба и кадры*. 2019. № 3. С. 163 – 165.
10. О противодействии терроризму : федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 17.02.2021)

© Абазов А. Б.

© Файрушин Т. А.

УДК 343.851.5(470)

Е. А. КУЛЕШ, заместитель начальника кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Хабаровск)

E. A. KULESH, Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of Internal Affairs Bodies, Federal State Educational Institution of Higher Education "Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Khabarovsk)

Л. Е. СЕРИЧЕНКО, командир отделения 43 учебной группы 4 курса факультета правоохранительной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

L. E. SERICHENKO, commander of the 43rd study group of the 4th year of the Faculty of Law Enforcement of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

**TO THE QUESTION OF ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES
OF UNIVERSAL UNIVERSALS OF THE INTERNAL AFFAIRS
WITH PREVENTIVE FAMILIES: BASES AND CURRENT STATE**

Аннотация. Авторами статьи анализируется организационная составляющая деятельности подразделений полиции, в частности подразделений по делам несовершеннолетних и защите их прав, как основного субъекта, направленного на профилактику безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних и преступности в рассматриваемой области в Российской Федерации.

Представленные в статье официальные данные статистики свидетельствуют о высоком показателе ежегодно совершаемых противоправных деяний несовершеннолетними. Анализ представленных данных указывает и на тенденцию увеличения тяжести совершаемых несовершеннолетними преступных деяний. Отдельным аспектом в работе рассмотрен уровень преступности в отношении самих несовершеннолетних.

Данная статья позволяет определить эффективность деятельности органов внутренних дел в рассматриваемом направлении и обозначить пути ее совершенствования в современных условиях развития общества. В частности, авторами предложены мероприятия, способствующие повышению эффективности в области предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова и словосочетания: субъекты профилактики, административная деятельность, полиция, несовершеннолетние, профилактический учет, преступность, наказание, предупреждение, профилактика, административное правонарушение.

Annotation. *The authors of the article analyze the organizational component of the activities of police units, in particular units for minors and the protection of their rights, as the main subject aimed at preventing neglect and homelessness of minors and crime in the region under consideration in the Russian Federation.*

The official statistics presented in the article indicate a high rate of annually committed unlawful acts by minors. The analysis of the presented data also indicates a tendency towards an increase in the severity of criminal acts committed by minors. A separate aspect in the work is considered the level of criminality in relation to minors themselves.

This article makes it possible to determine the effectiveness of the activities of the internal affairs bodies in the direction under consideration and to outline the ways of its improvement in the modern conditions of the development of society. In particular, the authors have proposed measures to improve efficiency in the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Keywords and phrases: *subjects of prevention, administrative activities, police, minors, preventive accounting, crime, punishment, warning, prevention, administrative offense.*

Официальные данные последних десяти лет свидетельствуют о существенном снижении уровня преступности контингента несовершеннолетних, однако количество ежегодно совершаемых противоправных деяний последних по-прежнему достаточно велико. Так, согласно статистическим данным, представленным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, только за 2019 год данная цифра составила 41,5 тыс. преступных деяний, в 2020 году – количество преступлений, совершенных ими и при их участии, составляет 37 771, что на 9,1 % меньше, по сравнению с 2019 годом [1].

За первые 4 месяца 2021 года расследовано 9,8 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними, против 11,7 тыс. годом ранее. Основной их массив приходится на деяния против собственности (7,8 тыс.) [2].

Тенденции к снижению уровня преступности в молодежной среде наблюдаются в значительном количестве регионов страны. При этом можно отметить и те регионы, где уровень рассматриваемой преступности по-прежнему остается высоким: Еврейская автономная область (550,4 преступлений) [3], Новгородская (525,2 преступлений) [4] и Магаданская (465,5 преступлений) [5] области. Представлены данные текущего года взяты в расчете на 100 тыс. лиц в возрасте от 14 до 17 лет.

Анализ имеющихся данных указывает на тенденцию увеличения тяжести совершаемых несовершеннолетними преступных деяний. Так, из общего числа предварительно расследованных преступлений, со-

вершенных несовершеннолетними, в 2020 году (37 771 преступлений), выявлено 2 069 особо тяжких преступлений и 7 728 тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. За январь – февраль 2021 года насчитывается 9 811 предварительно расследованное преступление, совершенное несовершеннолетними, из которых 650 особо тяжких преступлений (на 13,64 % больше с аналогичным периодом в 2020 году) и 2 321 тяжкое преступление, совершенное несовершеннолетними или при их соучастии [6].

Отдельно вызывает беспокойство и уровень преступности в отношении самих несовершеннолетних. Так, в 2020 году в России количество преступлений в отношении несовершеннолетних снизилось на 9,1 %. Несмотря на это, количество обращений от несовершеннолетних за отчетный период увеличилось на 36 % [7].

За январь – апрель 2021 года в отношении несовершеннолетних совершено свыше 38,5 тыс. преступлений, среди которых 160 убийств, в том числе покушения и приготовления, 236 случаев доведения до самоубийства, 527 фактов причинения легкого вреда здоровью, 520 побоев, в том числе со стороны лиц, ранее привлекавшихся за это к административной ответственности, 749 изнасилований, почти 2,5 тыс. насильственных действий сексуального характера, около 2,2 тыс. случаев полового сношения и иных действий сексуального характера [8].

Ввиду вышесказанного особое внимание уделяется вопросам организации

деятельности подразделений полиции, в частности подразделений по делам несовершеннолетних и защите их прав, как основного субъекта, направленного на профилактику преступности в рассматриваемой области.

Подвергая анализу нормы действующего законодательства, стоит изначально отметить, что в Российской Федерации законодательство нацелено, прежде всего, на защиту детей от противоправных посягательств, создание благоприятных условий для их полноценного развития и воспитания в социально благоприятной среде.

В данном направлении нормы права ориентированы на международные нормы и стандарты, провозглашающие обеспечить каждому ребенку счастливое детство, лучшее будущее, направленные на их собственное благо и на благо общества в целом [9; 10; 11, с. 9].

Российская модель системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и характеризующие ее показатели представляют теоретический и практический интерес.

Первоначально Основной закон Российской Федерации ставит под защиту государства институт материнства, детства и семьи [12, ст. 38].

Нормы Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [13] четко определяют полный перечень всех субъектов профилактики, а также регламентируют основные положения реализации государственной политики в данном направлении. Подразделениям полиции в рассматриваемой системе отведена главенствующая роль.

Значительное число ведомственных нормативных правовых актов закрепляет отдельные алгоритмы действий субъектов профилактики при реализации возложенных полномочий, а также специфику реализуемой деятельности. Но при этом, несмотря на достигнутые положительные аспекты профилактики рассматриваемых явлений, дея-

тельность субъектов и, в частности, подразделений полиции не лишена ряда проблем [14, с. 37].

Анализируя высказываемые мнения ученых и практиков, стоит отметить, что подвергаются критике следующие аспекты реализации деятельности ОВД (полиции):

- современные методы исследований, применяемые криминологами для изучения подростковой преступности [14, с. 7 – 17];

- подходы к работе с отдельными категориями несовершеннолетних, их родителями или опекунами [15, с. 139 – 143];

- организационная структура безнадзорности и система профилактики правонарушений несовершеннолетних [16, с. 92 – 99].

Специализация подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) относительно профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних реализуется в большей степени через деятельность подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) ОВД на всех уровнях управления [17, 18].

При реализации своих полномочий ПДН взаимодействуют с иными подразделениями и службами системы МВД России.

Так, например, линия взаимодействия подразделений ПДН и уголовного розыска (далее – УР) затрагивает в большей степени вопросы реализации функций должностных лиц ОВД по розыску пропавших без вести, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних [19, 20].

Действующим законодательством на уголовно-исполнительную инспекцию Управления федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации (далее – УИИ ФСИН) возложены функции по контролю за поведением несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свобод [21]. Уголовно-исполнительная инспекция осуществляет персональный учет данной категории лиц и контролирует с участием должностных лиц ОВД соблюдение ими общественного порядка и исполнение возложенных судом ограничений и обязан-

ностей, а ПДН осуществляет индивидуальную профилактическую работу с исследуемой категорией лиц.

Реализуя свои служебные задачи, ПДН осуществляет взаимодействие с участковым уполномоченным полиции (далее – УУП). Их взаимодействие начинается с процесса выявления УУП родителей или лиц, их заменяющих, работников образовательных организаций, воспитательных, лечебных либо иных учреждений, не исполняющих обязанностей по воспитанию и обучению детей, нарушающих права и законные интересы несовершеннолетних, а также совершающих в отношении несовершеннолетних противоправные деяния [22].

В тесном взаимодействии ведется работа Госавтоинспекции, ПДН и территориальных комиссий по делам несовершеннолетних по профилактическим мероприятиям с родителями, чьи дети провоцируют дорожно-транспортные происшествия. Задачами данных органов является определение обстоятельств случившегося происшествия, а также определение роли родителей в допущении нарушений правил дорожного движения детьми в той или иной ситуации.

За 12 месяцев 2020 года в Российской Федерации с участием несовершеннолетних в возрасте до 16 лет было совершено 15 170 происшествий, в результате которых погибло 502 ребенка, ранено 16 675 человек. Так, в ДФО в обозначенный отчетный период совершено 1 058 (в Хабаровском крае – 191 происшествие) ДТП с участием несовершеннолетних, в результате которых погибло 40 детей (в Хабаровском крае – 5 детей), ранения получили – 1 153 человека (в Хабаровском крае – 202 подростка) [23].

Особое внимание заставляет обратить на себя сфера взаимодействия ПДН со специальными учреждениями, такими как: центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП), специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа. Задачами данных учреждений выступают: прием несовершеннолетних правонарушителей с целью предупреждения совершения ими

общественно-опасных деяний; проведение с ними индивидуальной профилактической работы; выявление среди них лиц, способных к совершению противоправных деяний, а также установление обстоятельств, способствующих их совершению; информирование ОВД о всех обстоятельствах [24]; реабилитация несовершеннолетних, коррекция их поведения и адаптация их к общественной жизни; обеспечение возможностью получения среднего и высшего образования; обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних; реализация программ, направленных на исправления поведения несовершеннолетних, несущих угрозу обществу [13].

К примеру, в настоящее время в России функционирует 77 ЦВСНП, в которых дети могут находиться от 2 до 30 дней. Ежедневно в ЦВСНП содержится около 380 подростков (это всего 5 человек на одно учреждение). Как заметила директор Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования Наталья Агре, несмотря на то, что детская преступность остается на том же уровне, суды предпочитают не отправлять подростков в центры, и, как следствие, ЦВСНП остаются недозагруженными, хотя их вместительность рассчитана на содержание большего числа подростков [25]. Так, по официальным данным УМВД России по Хабаровскому краю в ЦВСНП по состоянию на декабрь 2020 года содержалось только 14 подростков из 52 возможных по лимиту.

Кроме того, реализация функций в сфере профилактики безнадзорности и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних не ограничивается только лишь взаимодействием подразделений ОВД между собой. В своем взаимодействии последние тесно сотрудничают с организациями по работе с молодежью.

На примере Хабаровского края стоит отметить, что в соответствии с данными территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю численность молодежи края в 2020 году составила 391 593 человека [26].

Деятельность по реализации государственной молодежной политики на территории края осуществляют 12 муниципальных молодежных центров, подведомственных структурам по делам молодежи. Помимо учреждений молодежной политики в муниципальных образованиях края, работу с детьми и молодежью ведут учреждения образования, культуры и спорта.

Согласно реестру детских и молодежных общественных объединений в крае действует 1201 молодежное и детское общественное объединение.

Также, следует обратить внимание, что на территории г. Хабаровска работает муниципальная программа «Молодежь городского округа «Город Хабаровск» на 2021–2025 годы», целью которой является создание условий для развития потенциала молодежи во всех сферах общественной жизни города. В круг основных задач входят:

1) воспитание молодого поколения в духе патриотизма и гражданской ответственности;

2) приобщение детей к труду в свободное от обучения время с обеспечением им отдыха;

3) приобщение детей и подростков к ведению здорового образа жизни;

4) профилактика правонарушений несовершеннолетних детей и подростков;

5) снижение уровня негативных проявлений в молодежной среде [27].

С учетом вышеизложенного повышению эффективности в области предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних могут выступать следующие мероприятия:

1. Профилактические беседы среди учащихся образовательных организаций, целями которых должны выступать:

1) ознакомление с правилами ответственного и безопасного поведения в современной информационной среде, способах защиты от противоправных посягательств в сети Интернет;

2) профилактика несчастных случаев с участием несовершеннолетних на железнодорожном и автомобильном транспорте,

суицидального поведения среди подростков, а также детской безнадзорности, совершения несовершеннолетними и в отношении них убийств, причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью;

3) выявление признаков насилия в отношении несовершеннолетних в семье, школах и других образовательных учреждениях.

2. Развитие сферы функционирования трудовых отрядов и активизация их деятельности в летний период времени с учетом специфики возрастных категорий на социально значимых объектах городской инфраструктуры и прилегающих к ним территориях. Так, к примеру, в летний период времени 2021 года на территории г. Хабаровска планируется функционирование 129 трудовых отрядов старшеклассников (1 947 подростков). Также результативно будет наладить взаимодействие Министерства просвещения с МВД России с целью организации участия трудовых отрядов в служебной деятельности УУП и сотрудников ГИБДД и закрепления за ними наставника от ОВД с целью повышения правовой грамотности.

3. Повышение субсидий на летний детский оздоровительный отдых. В данном аспекте отметим, что в 2021 году консолидированный бюджет детской оздоровительной кампании в Хабаровском крае составляет 529 млн рублей, в том числе 1 млн рублей – из федерального бюджета, 379 млн рублей – из краевого, 31 млн рублей – средства предприятий и профсоюзных организаций, 31,5 млн рублей – средства из внебюджетных источников. 156,3 млн рублей из краевого бюджета направлено на приобретение путевок в загородные центры, лагеря санаторного типа и лагеря с дневным пребыванием для детей из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В летний период 2021 года в Хабаровском крае была запланирована работа:

– 14 загородных лагерей, которые при 75 % загрузке готовы принять более 9 тыс. детей в течение лета;

– 346 лагерей с дневным пребыванием с охватом более 45 тыс. детей в течение лета;

– 10 лагерей труда и отдыха, которые могут посетить 310 детей в течение лета.

Обеспечение свободного доступа на территорию образовательной организации только учащихся и сотрудников данной организации, что, прежде всего, направлено на полноценное обеспечение безопасности обучающихся. В рамках данного направления можно вспомнить последнее трагическое событие в г. Казани, где в результате стрельбы 11 мая 2021 года в гимназии № 175 погибло семеро детей и две учительницы, 24 человека были госпитализированы [28]. Кроме того, задачей образовательной организации в рассматриваемом контексте должно выступать обязательное введение должности «школьного» психолога, который должен осуществлять тесное взаимодействие с ОВД.

Закрепление за образовательными организациями представителей духовенства в целях повышения уровня идеологической оппозиции религиозному и политическому

экстремизму. Патриарх всея Руси Кирилл призвал духовенство уделять особое внимание работе с молодежью, «идти в школы, развивать систему церковного образования», сделать эту систему привлекательной и интересной для молодежи. Для этого священники должны «научиться говорить с ними другим языком». Кроме того, священнослужителям напомнили об их социальной и пастырской ответственности перед людьми: должна проводиться работа с мирянами, должны действовать воскресные школы, вестись «приходская социальная работа» [29].

Таким образом, обозначенные мероприятия призваны способствовать не только повышению эффективности деятельности ОВД и других субъектов профилактики, но также и снижению уровня детской преступности в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России [Электронный ресурс] // Официальный портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 05.05.2021).
2. Состояние преступности (актуальные данные) [Электронный ресурс] // Официальный портал Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>. (дата обращения: 15.05.2021).
3. Доклад начальника УМВД России по Еврейской автономной области генерал-майора полиции Добровольского Александра Геннадьевича на заседании Законодательного Собрания Еврейской автономной области по вопросу «Об итогах оперативно – служебной деятельности УМВД России по Еврейской автономной области за 2021 год» [Электронный ресурс] // Официальный портал УМВД России по ЕАО. URL: https://79.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/otchet/Otchjoti_nachalnika_UMVD_Rossii_po_Evrej. (дата обращения: 15.05.2021).
4. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный портал ГУ УМВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Statistika>. (дата обращения: 15.05.2021).
5. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Магаданской области за май 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный портал УМВД России по Магаданской области. URL: <https://49.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 15.05.2021).
6. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный портал Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>. (дата обращения: 15.05.2021).
7. Снижение числа преступлений против детей в 2020 году [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2021/05/31/kuznecova-v-2020-godu-snizilos-chislo-prestuplenij-protiv-detej.html> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-апрель 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный портал МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/24644450/>. (дата обращения: 15.05.2021).
9. Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.) (документ опубликован не был) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/2562501/> (дата обращения: 15.06.2021).

10. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 7 ноября 1990 г. № 45. Ст. 955.
11. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (Нью-Йорк, 30 сентября 1990 г.) // Дипломатический вестник, 1992 г. № 6.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 21 января 2009 г. № 7.
13. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Российская газета от 30 июня 1999 г. № 121.
14. Демидова-Петрова Е. В. Современная картина свойств личности несовершеннолетнего осужденного в криминологических оценках // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2 (23).
15. Петрова Р. Е. Ближайшее окружение правонарушителя: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров. 2019. С. 139–143.
16. Ережипалиев Д. И., Турахонов Д. Л. Правовое обеспечение профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4 (78). С. 92–99.
17. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне : приказ МВД России от 5.06.2017 № 355 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 13 июля 2017 г.
18. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 52 (часть V). Ст. 7614.
19. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета от 18 августа 1995 г. № 160.
20. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 17.03.2014 № 11.
21. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 января 1997 г. № 2. Ст. 198.
22. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2021).
23. Аварийность с участием детей в возрасте до 16 лет за январь - декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный портал Госавтоинспекции РФ. URL: <https://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2021).
24. О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей : приказ МВД РФ от 1.09.2012 № 839 // Российская газета от 17 декабря 2012 г. № 290.
25. Система работы с несовершеннолетними по профилактике правонарушений в учреждениях временного содержания [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--80adrabb4aegksdjbafk0u.xn--p1ai/> (дата обращения: 15.06.2021).
26. Молодежная политика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Razvitie-kraja/192> (дата обращения: 15.06.2021).
27. О внесении изменений в муниципальную программу городского округа «Город Хабаровск» «Молодежь городского округа «Город Хабаровск» на 2021 – 2025 годы : постановление Администрации города Хабаровска от 30.03.2020 № 1207 «// Хабаровские вести от 7 апреля 2020 г. № 49.
28. Новости Татарстана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru> (дата обращения: 15.06.2021).

29. Патриарх предостерег духовенство от формального отношения к своему служению [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20170921/1505238036.html> (дата обращения: 15.06.2021).

© Кулеш Е. А.

© Сериченко Л. Е.

УДК 342.924.03(470)

С. А. МАЛАХОВ, адъюнкт кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

S. A. MALAKHOV, Postgraduate student of the Chair of Administrative Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ И ПРИЗНАКИ СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

CONTENT AND SIGNS OF THE LEGISLATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Аннотация. Статья посвящена определению законодательства об административных правонарушениях как системного образования, обладающего признаками, отличающими его от простой совокупности содержащихся в нём правовых норм. В числе таких признаков рассматривается совокупность элементов, составляющих систему. При этом обосновывается, что такими элементами являются административно-деликтные нормы, и осуществляется их классификация. Выявляются связи различных видов административно-деликтных норм, являющихся неотъемлемым признаком, свойственным системе. Формулируется интегративное свойство законодательства об административных правонарушениях как системы, отличающей его от простой совокупности правовых норм, выявляются иные признаки, характеризующие рассматриваемое законодательство как систему. Предполагается, что взгляд законодателя на Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и соответствующие законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях как на систему взаимосвязанных правовых норм позволяет избежать имеющихся в действующем законодательстве противоречий, пробелов и необоснованной конкуренции правовых норм.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, правовые нормы, система, системный подход, элементы системы, административная ответственность.

Abstract. The article is devoted to the definition of the legislation on administrative offenses as a systemic formation with features that distinguish it from a simple set of legal norms contained in it. Among such features, the author considers a set of elements that make up the system. At the same time, it is substantiated that such elements are administrative-delictual norms and their classification is carried out. Relationships of various types of administrative-delictual norms are considered as an integral feature of the system. The integrative property of the legislation on administrative offenses as a system that distinguishes it from a simple set of legal norms is formulated, other features that characterize the legislation under consideration as a system are identified. It is assumed that the view of the legislator on the Code of the Russian Federation on

Administrative Offenses and the corresponding laws of the constituent entities of the Russian Federation on administrative offenses as a system of interrelated legal norms allows avoiding the contradictions, gaps, and unjustified competition of legal norms existing in the current legislation.

Key words and phrases: *administrative-delinquency legislation, legal regulations, system, system approach, system elements, administrative responsibility.*

В Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) отмечается, что на сегодняшний день назрела необходимость модернизации действующего административно-деликтного законодательства. Одним из аргументов данной позиции авторов Концепции является внесение более 4800 изменений с момента принятия КоАП РФ, которые часто носят бессистемный характер, нарушающий его единство [1].

Многие ученые-административисты считают, что постоянно вносимые в административно-деликтное законодательство изменения вызывают многочисленные коллизии, пробелы и необоснованную конкуренцию правовых норм [2, с. 497], [3, с. 24], [4, с. 746]. Они предлагают научно обоснованные и заслуживающие внимания суждения о путях и способах устранения существующих недостатков законодательства об административных правонарушениях, однако не акцентируют внимание на причинах их появления, ограничиваясь указанием на ошибки законодателя, на недостатки в организации правотворческого процесса.

Ошибки в правотворческой деятельности, неопределенность в правоприменительной работе, зачастую нарушающие законные права и интересы субъектов административной ответственности, обусловлены восприятием административно-деликтного законодательства как простой произвольной совокупности правовых норм.

В действительности же законодательство об административных правонарушениях, как и другие отрасли законодательства, на наш взгляд, представляют собой сложно-организованные системы.

Термин «система административно-деликтного законодательства» не нашел своего законодательного закрепления, в юридической литературе он встречается достаточно

редко, анализ некоторых определений показывает, что складывается разное понимание его содержания.

Е. В. Евсикова определяет систему законодательства об административных правонарушениях как единую функциональную систему административно-деликтных нормативных правовых актов, базирующуюся на основных общих принципах административно-деликтного права, устойчивых связях актов различного уровня и отраслевой специализации, содержащих основной массив норм административно-деликтного права, в качестве важнейшей единой формы их выражения и официального закрепления [5, с. 261].

Ю. И. Попугаев под административно-деликтным законодательством понимает «систему нормативных правовых актов, принятых в установленном порядке законодательными органами власти Российской Федерации и её субъектов и определяющих, какие деяния относятся к административным правонарушениям, устанавливающих виды административных наказаний за их совершение, общие правила их назначения, а также процессуальный порядок реализации» [6, с. 36].

Критический анализ названных выше определений показывает, что они не отражают всех признаков и свойств административно-деликтного законодательства как системы: во-первых, не определены все признаки, позволяющие отличить систему от простой совокупности элементов; во-вторых, система административно-деликтного законодательства определяется через систему нормативных правовых актов, то есть в данном случае рассматривается только её форма.

Руководствуясь подобным подходом к определению той или иной отрасли законодательства как системы, можно прийти к выводу о том, что уголовное законодательство системой быть признано не может, так

как отсутствует совокупность нормативных правовых актов. Однако, на наш взгляд, отрасли законодательства в России представляют собой системы, имеющие внутреннюю организацию, содержащую взаимосвязанные правовые нормы. Поэтому введение новой или изменение существующей правовой нормы в системе административно-деликтного законодательства неизбежно приведет к появлению новых или изменению существующих связей между элементами системы. Понимание этого позволяет избежать ошибок в законодательной деятельности и практике применения рассматриваемой отрасли законодательства.

Адекватное представление законодательства об административных правонарушениях как системного образования с методологической точки зрения основывается на общих представлениях о понятии «система». Так, В. Н. Садовский в своей книге «Основания общей теории систем» провел объемный анализ различных подходов к определению понятия «системы» и перечислил несколько десятков определений, каждое из которых может являться адекватным при исследовании определенных явлений [7, с. 92 –107].

Л. Фон Берталанфи являющийся основоположником общей теории систем, под системой в общем виде понимал комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов [8].

А. И. Уёмов считал следующее: «системой является любой объект, в котором имеют место какие-то свойства, находящиеся в некотором заранее заданном отношении» [9, с. 121].

По мнению других авторов, под системой понимается совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность и единство, создающее новые интегративные свойства, не сводимые к сумме свойств отдельных её элементов [10, с. 11].

Анализ различных представлений о системах позволил выделить достаточные и необходимые признаки, отличающие систему от обыкновенной совокупности компонентов. Обязательные признаки системы

свойственны и для законодательства об административных правонарушениях.

1. Система состоит из совокупности связанных между собой элементов, имеющих определенные свойства, которые определяют расположение данных элементов в структуре системы.

Базовым элементом системы административно-деликтного законодательства является административно-деликтная норма, под которой следует понимать установленное и охраняемое государством правило, которое регулирует общественные отношения, возникающие по поводу совершения административного правонарушения.

Административно-деликтные нормы неоднородны, так как имеют разную юридическую силу, разное назначение и предмет регулирования, в результате образуемых друг с другом связей они формируют структуру законодательства об административных правонарушениях. Структура законодательства – это его внутренняя форма, определяющая устройство, упорядоченное расположение элементов и связей, обеспечивающих целостность и сохранение свойств при внутренних и внешних изменениях.

Иерархическую структуру законодательства об административных правонарушениях определяют административно-деликтные нормы федерального уровня и регионального уровня.

Административно-деликтные нормы федерального уровня имеют приоритет [11]. Связи, образуемые двумя рассматриваемыми видами норм придают системе законодательства об административных правонарушениях согласованность и определяют её иерархичность.

Так как внутренняя структура регионального административно-деликтного законодательства обусловлена КоАП РФ, то она включает в себя аналогичные федеральному уровню законодательства виды административно-деликтных норм.

Горизонтальное построение структуры каждого из двух уровней законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации основано на свой-

ствах и связях материальных и процессуальных административно-деликтных норм. Материальные нормы административно-деликтного законодательства содержат правила, регулирующие правоотношения между государством и лицом, совершившим административное правонарушение. Процессуальные нормы административно-деликтного законодательства регулируют правовые отношения, возникающие между субъектами, вовлеченными в процесс реализации материальных административно-деликтных норм (в ходе производства по делам об административных правонарушениях).

Связь материальных и процессуальных административно-деликтных норм заключается в раскрытии первыми своего охранительного потенциала через процедуры, регулируемые процессуальными нормами. Процессуальные нормы выполняют служебную «обслуживающую» роль в отношении с материальными. При отсутствии данной связи нивелируется реальная возможность привлечения лица к установленной законом административной ответственности.

По объему содержания правового регулирования административно-деликтные нормы рассматриваются как нормы общего содержания и конкретного содержания.

Административно-деликтные нормы общего содержания регламентируют общие начала двух уровней системы законодательства об административных правонарушениях, именно поэтому законодатель предусмотрел их расположение в первом разделе КоАП РФ «Общие положения». К таким следует отнести административно-деликтные нормы определяющие задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях, понятие и признаки административного правонарушения, цели и виды административных наказаний и так далее. Административно-деликтные нормы конкретного содержания регулируют отдельно взятые общественные отношения.

Нормы общего содержания, посредством образуемых ими связей с нормами конкретного содержания, определяют рамки их законодательных установлений. Напри-

мер, в статье 3.2 КоАП РФ определен исчерпывающий перечень видов административных наказаний, предусмотреть какое-либо наказание вне данного перечня в санкциях статей Особенной части КоАП РФ законодатель не может.

В законодательстве об административных правонарушениях одно противоправное деяние может содержать признаки, предусмотренные несколькими административно-деликтными нормами, в таком случае принято говорить об их отношении как общей и специальной. В исследованиях общих и специальных уголовно правовых норм отмечают: «При таком соотношении круг общественно опасных деяний, охватываемых специальной нормой, уменьшается, но одновременно увеличивается число её признаков, характеризующих эти асоциальные деяния» [12, с. 63].

Связь данных видов административно-деликтных норм характеризуется приоритетом специальной административно-деликтной нормы над общей. Административно-деликтная норма, взятая в отрыве от системы законодательства об административных правонарушениях не может отождествляться в качестве общей или специальной, таковыми они становятся только во взаимосвязи между собой.

2. Элементы системы имеют связи с другими элементами различных систем во внешней среде.

Согласно положениям общей теории систем каждая система может быть представлена в виде взаимосвязанной совокупности малых систем, а также в качестве элемента, входящего в состав более крупной системы.

Полагаем, что система законодательства об административных правонарушениях входит в большую систему законодательства России и образует межэлементные связи с другими отраслями законодательства в её составе.

Например, существует связь норм административно-деликтного законодательства с Конституционными положениями, устанавливающими различные параметры пра-

вового регулирования административной ответственности. Так, в своей совокупности положения статей второй главы Конституции Российской Федерации во взаимосвязи предопределяют допустимые границы установления административной ответственности законодателем в части, касающейся пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина [13].

3. Система характеризуется целостностью и единством, создающим интегративные свойства, не сводимые к сумме свойств отдельных её элементов.

Свойства различных административно-деликтных норм и их разнообразные связи являются источником интегративного свойства системы законодательства об административных правонарушениях. На наш взгляд, таковым будет являться способность оказывать управляющее и информационное воздействие на внешнюю среду (среду функционирования), которой являются общественные отношения посредством установления административной деликтности

деяний и правовых последствий их совершения.

Интеграция указанных признаков позволяет сформулировать следующую дефиницию.

Система законодательства об административных правонарушениях – это совокупность взаимосвязанных административно-деликтных норм, образующих единство и целостность в форме организованной двухуровневой структуры нормативно-правовых актов, которая приобретает свойства оказывать управляющее и информационное воздействие на общественные отношения посредством установления административной деликтности деяний и правовых последствий их совершения.

Представляется, что такой взгляд на законодательство об административных правонарушениях позволит избежать указанных выше законодательных дефектов, будет способствовать адекватному уяснению, толкованию и применению этого законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. СПС «КонсультантПлюс».
2. Макарейко Н. В. Коллизии института административной ответственности // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 492 – 497.
3. Попугаев Ю. И. Сущность и классификация коллизий (конкуренции) административно-деликтных норм // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича: в 3 частях. 2017. С. 21 – 25.
4. Субботин А. М. Административно-деликтное законодательство: актуальные проблемы юридической техники // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 744 – 746.
5. Евсикова Е. В. Система административно-деликтного законодательства Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 2 (68). № 1. С. 151 – 165.
6. Попугаев Ю. И. Административно-деликтное законодательство: состояние, проблемы и направления дальнейшего развития. М. : Юрист, 2020. 352 с.
7. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. 276 с.
8. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundations, Development, Applications. N. Y., 1968.
9. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
10. Кардашевский В. В. Основы управления и делопроизводство в органах внутренних дел: учебное пособие / В. В. Кардашевский; А. А. Морукова, Ю. Н. Сосновская и др. М. : МосУ МВД России, 2013. 180 с.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2021). СПС «КонсультантПлюс».

12. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 287 с.

13. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС «КонсультантПлюс».

© Малахов С. А.

УДК 342.924.028:341.217(47+57-612СНГ)

С. Е. ПРОЛЕТЕНКОВА, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

S. E. PROLETENKOVA, Chief Scientific Officer of Russian National Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

А. П. БЕЛИКОВ, ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)

A. P. BELIKOV, Scientific Secretary of Russian National Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Moscow)

О КАЧЕСТВЕ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ON THE QUALITY AND EFFICIENCY OF THE CIS MODEL LEGISLATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

Аннотация. В предлагаемой статье раскрыты основы формирования сектора национальной безопасности в модельном законодательстве стран содружества независимых государств (СНГ). С 2020 года заинтересованными сторонами разрабатывается проект Модельного закона СНГ «О национальной безопасности», анализ, недостатки и механизмы совершенствования которого изложены авторами в настоящей работе. В результате проведенного исследования сделан общий вывод о необходимости существенной переработки документа.

Ключевые слова: модельный закон, национальная безопасность, СНГ, государства – участники СНГ, замечания.

Abstract. This article reveals the foundations of the formation of the national security sector in the model legislation of the CIS countries. Since 2020, interested parties have been developing a draft CIS Model Law

“On National Security”, the analysis, shortcomings and improvement mechanisms of which are set out by the authors in this work. As a result of the study, a general conclusion was made about the need for significant revision of the document.

Key words and phrases: *model law, national security, CIS, member states, Regulation, remarks.*

Разъяснения многих специалистов, касающиеся правового содержания и юридической силы модельных законов, принимаемых в рамках сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), сводятся к тому, что «модельные законы являются актами рекомендательного характера, содержащими типовые нормы и дающими нормативную ориентацию для унификации и гармонизации законодательства» [1].

Официальное толкование представлено в пункте 1.3 Положения о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств участников Содружества Независимых Государств (далее – государств – участников СНГ), принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 14 апреля 2005 года (далее – Положение о модельных актах). В нем установлено, что модельный закон СНГ – законодательный акт рекомендательного характера, принятый Межпарламентской Ассамблеей с целью сближения правового регулирования конкретных видов (групп) общественных отношений в государствах Содружества.

Указанное предопределяет, что модельное законодательство балансирует между национальными и международными правовыми актами, вбирая в себя, с одной стороны, перспективные принципы и механизмы регулирования, положительно зарекомендовавшие себя в национальном законодательстве, с другой, распространяя их в пределах государств Содружества, при этом такие законы не являются обязательными для имплементации.

Представляется, что в соответствии со своим предназначением, модельные законы в различных сферах безопасности должны содержать: основные понятия, принципы, цели, задачи и направления обеспечения безопасности, права и обязанности участни-

ков, возможные угрозы, систему обеспечения безопасности.

Всю сложность формулирования общих интересов и целей в нормах модельных законов подчеркивает Т. В. Юрьева, указывая, что «представления о путях согласования национальных интересов государств – суть концепций региональной, международной, глобальной безопасности, хотя только согласованием национальных интересов государств эти проблемы не исчерпываются. Совпадение национальных интересов группы государств порождает разного рода региональные и международные союзы, руководствующиеся опять-таки определенными представлениями (концепциями) о путях согласования и отстаивания своих групповых интересов как в отношениях между собой, так и в отношениях с третьими странами» [2].

Достаточно длительный период развития модельного законодательства СНГ позволяет определить, что с течением времени количество подобной работы остается на довольно высоком уровне. Так, «Перспективный план модельного законодательства СНГ на 2016–2020 годы включал свыше 100 модельных законов и кодексов, рекомендации и поправки к ранее принятым законам в рамках программ сотрудничества по борьбе с терроризмом, организованной преступностью, наркоторговлей, стратегии экономического развития и стратегии построения информационного общества, а также целый ряд модельных законов» [3].

Вместе с тем, анализ многих из принимаемых Модельных законов говорит о проблемах с правовой наполненностью, качеством и эффективностью, о чем нами уже говорилось ранее [4].

В рамках нормотворчества СНГ в сфере безопасности основными причинами подобного положения дел является различная смысловая и нормативная наполненность понимания безопасности и ее видов, отлич-

ный подход национальных законодательств к определению вызовов и угроз, нестабильное состояние национальных валют, инфляция, дефицит бюджетов.

Реализация попыток удовлетворить позиции всех государств-участников СНГ в текстах модельных законов, как правило, приводит к тому, что правовые нормы получают расплывчатыми, неясными и не содержат действенного механизма правового регулирования, что совершенно недопустимо в отношении целого комплекса вопросов, объединяемых понятием обеспечения безопасности.

В этом отношении особо хотелось бы остановиться на модельном законотворчестве в области национальной безопасности, воспринимаемом и как самостоятельный правовой институт СНГ, и как краеугольный камень построения иных видовых систем безопасности.

По состоянию на август 2021 года заканчивается согласование модельного законопроекта «О национальной безопасности» подготовленного в соответствии с пунктом 1.7 Программы сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 годы» и Перспективным планом модельного законотворчества в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 годы.

Целью законопроекта является унификация подходов законодательств государств – участников СНГ к обеспечению национальной безопасности, а также создание правовой основы для их взаимодействия в обозначенной сфере.

Согласно пояснительной записке актуальность разработки законопроекта обусловлена:

- обострением международной обстановки и ее негативным влиянием на состояние безопасности на территории СНГ;
- стремлением государств – участников СНГ к укреплению системы коллективной безопасности;
- поиском резервов для укрепления суверенитета и территориальной целостности государств – участников СНГ;

– необходимостью использования потенциала гражданского общества для обеспечения национальной безопасности.

В законопроекте предлагается: комплексный понятийный аппарат, рекомендуемый к использованию национальными правовыми системами в области национальной безопасности; основные принципы и виды национальной безопасности; определение объектов и субъектов национальной безопасности; задачи и содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности; полномочия и функции субъектов национальной безопасности; основы контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения национальной безопасности, а также иные положения.

Законопроект состоит из трех глав, включающих в себя 22 статьи. Для полноценного анализа правового поля в сфере модельного законодательства о национальной безопасности следует обратить внимание на пункт 1.5 Положения о модельных актах, в котором предусмотрена возможность принятия Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ рекомендаций, в числе прочих, по вопросам сотрудничества государств – участников, Межпарламентской Ассамблеи в различных областях. Что предполагает, во-первых, возможность сотрудничества какой-то части или всех государств – участников СНГ в рамках иных межгосударственных объединений, во-вторых, то, что по вопросам такого сотрудничества государства – участники могут принимать самостоятельные правовые акты.

Действительно, право разрабатывать модельные законодательные акты получили и иные организации, создаваемые в связи с заключаемыми государствами – участниками СНГ международными договорами, например, Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), образованная на основании Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (город Ташкент), в которую, в настоящее время, входят 6 из 9 государств – участников СНГ.

Согласно статье 3 главы 1 Устава ОДКБ от 7 октября 2002 года данную организа-

цию можно считать более узкопрофильной, чем СНГ. Среди ее целей определены такие, как укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам.

При этом в рамках ОДКБ в настоящее время, в сфере обеспечения национальной безопасности приняты и действуют как минимум два модельных закона ОДКБ: 1) модельный закон ОДКБ «Об обеспечении национальной безопасности» (принят Постановлением Парламентской Ассамблеи ОДКБ № 11-3.1 30 октября 2018 года) (далее – Модельный закон об ОНБ); 2) модельный закон ОДКБ «О негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности» (принят постановлением Парламентской Ассамблеи ОДКБ № 12-6 5 ноября 2019 года) (далее – Модельный закон о НСОНБ).

Таким образом, с точки зрения юридической науки, было бы непоследовательным оставить без внимания положения названных модельных законов ОДКБ при формировании рассматриваемого законопроекта. Кроме того, каждое из государств – участников СНГ реализует собственное национальное правовое регулирование в области обеспечения национальной безопасности, перспективные наработки которого тоже должны быть приняты во внимание.

Однако, при детальном изучении модельного законопроекта «О национальной безопасности» складывается впечатление, что требуемой преемственности нет ввиду несовпадения теоретико-терминологической части и отсутствия общих подходов к формированию системы национальной безопасности.

Отметим также особое значение пункта 1.6 Положения о модельных актах, который устанавливает требования к юридической технике модельных законов, при которых должны соблюдаться стандартные требования законодательной техники, а также то

обстоятельство, что один и тот же термин модельного законодательного акта употребляется однозначно, должен быть общепризнанным, сохранять свой особый смысл в каждом случае употребления, быть максимально понятным для восприятия.

Анализ модельного законопроекта «О национальной безопасности» позволяет утверждать, что многие его положения не соответствуют вышеизложенным требованиям, не учитывают положения уже действующих названных модельных законов ОДКБ, тем самым создавая угрозу внедрения недостаточно проработанных международно-правовых рекомендаций в сфере национальной безопасности в национальные правовые системы. В частности, по предлагаемому законопроекту мы считаем возможным высказать ряд замечаний.

В статье 1 законопроекта указано, что «настоящий Закон регулирует отношения в области национальной безопасности, определяет правовую основу, систему национальной безопасности, задачи, принципы...», вместе с тем, законопроект не содержит четких сведений о системе национальной безопасности. Вместо этого предлагается определение системы обеспечения национальной безопасности.

В статье 2 законопроекта содержатся используемые основные понятия. При этом многие из представленных определений не отражают современных достижений юридической науки. Так, ключевое определение безопасности, представленное в качестве «состояния защищенности объекта от негативных воздействий различного характера», не определено с точки зрения защищаемого объекта, характера возникающих угроз, степени их опасности и возможных последствий. В этом отношении любое негативное воздействие, в том числе незначительное, например, административное правонарушение, может быть воспринято в качестве угрозы безопасности, а система обеспечения безопасности ориентирована в отношении любых негативных проявлений, размывая проблемное поле настолько, что ставит под сомнение даже теоретическую возможность

обеспечения состояния защищенности в государстве.

Вызывает сомнения целесообразность введения термина «жизненные и важные интересы», который подменяет более общепризнанный – национальные интересы, тем более, что в статье 7 («Национальные интересы») законопроекта, указано, что «совокупность жизненных и важных интересов личности, общества и государства составляет содержание национальных интересов». Таким образом, нет необходимости вводить промежуточный термин, слабо определенный с точки зрения своего наполнения, вместо того, чтобы сформулировать понятие «национальных интересов», теоретически и практически проработанного, в значительном числе как международных, так и российских нормативных правовых актов.

Не обоснованным представляется введение законопроектом термина «опасность», определенного в качестве «потенциально существующей возможности нанесения ущерба конституционному строю и охраняемым жизненным и важным интересам личности и общества», в сочетании с вводимым термином «угроза национальной безопасности», определяемым как «потенциальная или реальная возможность нанесения вреда национальным интересам», поскольку этимологически слова «опасность» и «угроза» в толковых словарях русского языка определяются на уровне смешивания. Такое же смешивание прослеживается в предлагаемых определениях понятий.

Сформулированное в рассматриваемой статье понятие «риск», определяемое как «действие (бездействие), подвергающее угрозе или влияющее на вероятность ее наступления», является неудачным. В нем, в частности, наступление угрозы соотносится с деянием человека в активной или пассивной форме, при том что носителями риска могут быть и события, не связанные с человеческой деятельностью. Более удачным в этом смысле выглядит употребление термина «событие».

Вводимое статьей 2 законопроекта определение системы обеспечения националь-

ной безопасности, рассматриваемой через призму политических, военных, дипломатических, организационных, правовых и иных, перечисляемых по тексту механизмов, не соответствует административно-правовому пониманию подобных систем, которые, как правило, определяют с точки зрения совокупности силы и средства обеспечения безопасности. При этом в качестве сил в контексте рассматриваемого законопроекта целесообразно было бы рассматривать государственных и негосударственных субъектов обеспечения национальной безопасности, а в качестве средств названные в законопроекте «механизмы».

В статье 5 законопроекта определены объекты и субъекты национальной безопасности. В качестве субъектов национальной безопасности предлагается рассматривать «государство, осуществляющее свои полномочия через органы законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органы местного самоуправления, граждане и создаваемые ими институты». В целях позитивного влияния на национальные правовые системы в рассматриваемом законопроекте было бы уместнее и перспективнее рассматривать субъектов правоотношений в сфере национальной безопасности с позиции их деления на государственные и негосударственные с дальнейшим их категоризированием. Тем более с 2019 года действует оцениваемый положительно Модельный закон о НСОНБ, который, к сожалению, до настоящего времени находит слабый отклик со стороны национальных законодательств. Именно он предлагает подобный подход к определению субъектов.

Употребление в рассматриваемой статье фразы «граждане и образуемые ими институты и организации» является примером низкой юридической техники, поскольку вызывает значительное количество вопросов как со стороны правовой теории, так и с содержательной стороны. Более уместно было бы определить негосударственных субъектов обеспечения национальной безопасности как: юридических лиц (их структурных подразделений), а также, физических лиц

(индивидуальных предпринимателей), не являющихся государственными органами и организациями либо государственными служащими, участвующих в обеспечении национальной безопасности посредством реализации своих прав и исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством государства.

Статьей 6 законопроекта предусматриваются сферы и виды национальной безопасности.

По тексту рассматриваемой статьи используются понятия, не обоснованные необходимостью употребления, а также не определенные с правовой точки зрения – «виды источников угроз», «классы национальной безопасности», «классы объектов национальной безопасности», «критические инфраструктуры» и др., что нарушает требования ясности и определенности, предусмотренные пунктом 1.6 Положения о модельных актах.

Пункт 1 рассматриваемой статьи при выделении направлений защиты нарушает один из основных принципов классификации, а именно соразмерность деления, что допускает пересечение видовых понятий. Так, составителями законопроекта перечисляются как однопорядковые следующие виды защиты: от внешних угроз, от внутренних угроз, от чрезвычайных ситуаций природного и антропогенного характера, от других видов угроз, хотя на самом деле первые два вида поглощают любые другие. В целом статья 6 законопроекта не дает должного представления о системе видов безопасности, входящих в сферу национальной безопасности.

Статья 7 законопроекта содержит правовые нормы, определяющие национальные интересы в сфере национальной безопасности. В связи с необходимостью исключить используемое промежуточное понятие «жизненные и важные интересы» (о чем уже говорилось выше), а также включить определение понятия национальные интересы в перечень понятий, предусмотренных статьей 2 законопроекта, положения статьи предлагается переработать в полном объеме.

Частью 1 статьи 8 законопроекта предлагается определение политики государства в области национальной безопасности, которая, по мнению разработчиков, представляет собой «официальную деятельность государства, включающую в себя систему скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер для ее реализации». По всей видимости, основу данного определения составили не совсем удачные формулировки определения государственной политики в области обеспечения безопасности, заимствованные из части 1 статьи 4 Федерального закона № 390-ФЗ от 28.12.2010 «О безопасности», где они в большей степени отождествляют государственную политику в рассматриваемой сфере с государственным управлением.

Представляется, что в целях совершенствования международного правового регулирования в законопроекте правильнее было бы сформулировать не определение государственной политики в рассматриваемой сфере, а выявление ее целевой сущности. Положительным примером в данном случае могут служить положения статьи 17 «Государственная политика и государственное управление в области обеспечения национальной безопасности» Модельного закона об ОНБ.

В статье 9 модельного законопроекта определяются задачи обеспечения национальной безопасности. При этом указанные задачи носят излишне общий характер. Фактически они не имеют соотношения с характером и динамикой изменения вызовов и угроз национальной безопасности, на которые они должны быть непосредственно ориентированы. Отсутствие гибкости системы обеспечения национальной безопасности в этом отношении не позволит применять перспективные модели государственного управления в рассматриваемой сфере, в том числе, применять риск-ориентированный подход, позволяющий формировать широкий набор скоординированных

мер точечного воздействия на наиболее проблемных направлениях обеспечения безопасности.

Кроме того, в рамках рассматриваемой статьи следовало бы сформулировать общую цель обеспечения национальной безопасности для государств – участников СНГ, которой бы корреспондировали выделяемые задачи.

Таким образом, с относительной долей определенности можно утверждать, что проект Модельного закона «О национальной безопасности» образца августа 2021 года требует существенной качественной переработки и в подобном виде вряд ли оправдывает себя как средство гармонизации национальных законодательств в сфере национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домрачев Д. Г., Кирилловых А. А. К вопросу о проблемах применения норм модельного законодательства: зарубежный опыт // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 61.
2. Юрьева Т. В. Социальная экономика : учебник / Т. В. Юрьева. М. : Дрофа, 2001. С. 35.
3. Развитие национального законодательства: правотворчество в интересах суверенных народов, обмен лучшими практиками и международная гармонизация. Материалы Международного форума «Развитие парламентаризма». С. 48 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/vcZYola2NM7egoAWY72dOEJK1I8bJbVH.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).
4. Пролетенкова С. Е., Беликов А. П. О целесообразности разработки и принятия проекта модельного закона СНГ «Об обеспечении безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий» // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2016. № 2 (32). С. 146 – 149.

© Пролетенкова С. Е.

© Беликов А. П.

УДК 811.111'367.625

Р. З. БАЙБУРИНА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

R. Z. BAIBURINA, Assistant Professor of the Chair of Foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)

**«СТАТИВЫ» КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕДИКАТА НА ПРИМЕРЕ
АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ**

**“STATIVES” AS A SEMANTIC TYPE OF PREDICATE ON THE EXAMPLE
OF ENGLISH VERBS OF POSITIVE ASSESSMENT**

***Аннотация.** В статье рассматривается современная проблема лингвистического объяснения модуляции значения глагола в рамках теории грамматики конструкций. Основываясь на лексико-семантической группе английских глаголов положительной оценки, автор показывает, что в основе семантических модуляций лежат определенные стандартные языковые процессы. Анализируется характеристика «статива» в существующих классификациях семантических типов предикатов зарубежных и отечественных авторов. На примере глагольной единицы «respect» рассматриваются вопросы влияния когнитивной конструкции на формирование или модификацию значения слова и его грамматическую форму. Модуляция значения определяется такими стандартными семантическими процессами, как абстрагирование предиката от оси времени и фокусирование внимания на различных аспектах денотативной ситуации. Смещение предиката от когнитивной конструкции «связь» в «действие» влечет за собой снятие ограничения на употребление в прогрессивном разряде, при этом глагол respect переходит в другую лексико-семантическую группу.*

***Ключевые слова:** глагольная лексика, когнитивная семантическая конструкция, семантический тип предиката, языковые процессы.*

***Abstract.** The article deals with the present-day problem of linguistic explanation of modulation of meaning of a verb in the framework of the theory of the Construction Grammar. Based on the lexico-semantic group of the English verbs of positive assessment, the author shows that the semantic modulations are based on certain standard language processes. The article analyzes the characteristics of the “stative” in the existing classifications of semantic types of predicates of foreign and domestic authors. On the example of the verbal unit “respect”, the author considers the influence of cognitive construction on the formation or modification of the meaning of a word and its grammatical form. The modulation of meaning is determined by such standard semantic processes as abstraction of the predicate from the time axis and focusing on various aspects of a denotative situation. The shifting of the predicate from the cognitive construction “Connection” to “Action” entails the removal of the restriction on use in the progressive category, while the verb respect passes into another lexico-semantic group.*

***Key words and phrases:** verbal lexis, cognitive semantic construction, semantic type of the predicate, language processes*

Изучение наиважнейших тенденций в
сфере когнитивной лингвистики находится

в области наших научных запросов. Приоритетное значение приобретают направле-

ния, связанные с вопросами влияния когнитивной конструкции на семантические модуляции, смысловые трансформации и грамматическую модификацию. В данной статье мы разрабатываем дистинктивную семантику английских глаголов категории *respect*, обладающих значением позитивной оценки. Изучив более 200-х текстов в электронном и печатном формате, мы пришли к заключению о том, что глагол *respect* является наиболее часто используется: *respect* – 250 (30,4 %), *regard* – 160 (19,5 %), *admire* – 173 (21 %), *esteem* – 29 (3,5 %), *value* – 59 (7 %), *appreciate* – 73 (8,9 %), *cherish* – 38 (4,6 %), *prize* – 20 (2,4 %), *treasure* – 19 (2,3 %).

В ходе теоретико-экспериментального изыскания мы также проанализировали информацию, полученную от информантов. Все 15 персоналий были носителями как британского, так и американского вариантов английского языка. Поискные тесты оценивались по пятибалльной системе, что позволило выявить и сравнить различия в оценке представленных материалов. Наличие проверяемого признака должно было быть подтверждено не менее чем в 80 % от общего числа представленных предложений, в которых он был проверен. Приведем примеры таких тестов: *He respects me and his brother did so too* (*Он уважает меня, и его брат тоже так поступил(делает)*), *Stop respecting him!* (*Перестань уважать его!(сию минуту)*), *Respect me!* (*Уважай меня!*), *Would you respect him?* (*Вы бы (начнете) его уважали (уважать)?*) *He respects me enthusiastically* (*Он с энтузиазмом меня уважает*). *Don't respect him!* (*Не уважай его (перестань)!*) *Begin respecting him!* (*Начни его уважать (сейчас же)!*), *He is respecting me* (*Он уважает меня (сейчас, находится в процессе)*), *What he did was respect me* (*Что он сделал, так это проявил ко мне уважение (уважал меня)*).

Одним из нюансов, на котором мы заостряем внимание в нашем размышлении, является потребность формулирования общеграмматических условий употребления исследуемых лексем в той или иной морфологической модели в зависимости от их

смыслового значения. Так скажем, если в конструкции «*I am respecting him» («Я уважаю его (сейчас, в данный момент времени)») (Тест) наблюдается рестрикция на употребление продолжительного разряда, то в «Timmy... I'm respecting your privacy by knocking, but asserting my authority as your father by coming in anyway» («Тимми... Я уважаю твою частную жизнь, стучась, но утверждаю свою власть как твоего отца тем, что все равно войду») [1] или «I am respecting her as a woman, sir» («Я уважаю ее как женщину») [2], «I was respecting doctor-patient confidentiality» («Я соблюдал (уважал) конфиденциальность между врачом и пациентом») [3] она допустима. Мы уже обращались к разбору существующих ресурсов по грамматике в наших предыдущих работах [4, 5], но и недавний анализ показал, что как в изданиях по практической, так и теоретической грамматике английского языка [6, 7, 8] данным аспектам до сих пор не уделено должного внимания.

Основными научными течениями, в рамках которых мы оперируем, являются Теория семантических типов предикатов по ролевой семантике и соотношению с временной осью, а также такое актуальное направление когнитивной лингвистики, как Теория Грамматики конструкций. Вслед за другими учеными-филологами мы считаем, что, опираясь на них, возможно предпринять попытку описать и объяснить типовые лингвистические процессы модуляции смыслового значения предикативной единицы. Согласно с утверждением Е. А. Петровой, что «все наши мысли выражаются посредством языка и языковых единиц» [9] и придерживаемся концепции, что «грамматика конструкций как новая когнитивная парадигма в описании глагольной лексики включает в себя понятие конструкции как семантического типа предиката, который в свою очередь характеризуется семантикой реляционных отношений (субъектно-объектные отношения), темпоральных (типы предиката в соотношении с осью времени), локативных (геометрическое пространство, пространство множеств), иных семантиче-

ских осей. Когнитивная конструкция определяет истинное значение предиката, при этом значение языковой единицы формируется под влиянием контекста, который и является ведущим смыслообразовательным фактором» [10].

В нашей предыдущей публикации было отмечено, что типологизация предикатов с учетом реляционного и осевого взаимодействия конкретизирует данные о функционировании предикативной лексики и предсказывает грамматические модуляции [4].

Мы уже заостряли внимание на том, что во многих научных изысканиях зарубежных и отечественных лингвистов, начиная от Вендлера [10] и заканчивая Падучевой [11], статальные лексемы типа *respect* (*уважать*), *think that* (*думать, что*), *know that* (*знать, что*), *believe that* (*думать, что*), *be married* (*быть женатым*), *rule* (*править*), *have* (*иметь*), *possess* (*владеть*), *desire* (*желать*), *want* (*хотеть*), *like* (*любить, нравится*), *hate* (*ненавидеть*), *love* (*любить*) рассматриваются как «стативы/statives» (состояния). «Статив» – семантический тип предиката, который выражает статичные характеристики субъекта в течение некоторого отрезка времени» [4].

Необходимо добавить, что основным предикатором, служащим краеугольным камнем классификации ученых-лингвистов, является именно противопоставление динамических ситуаций статическим.

Прежде мы обстоятельно изучали условия для обособления «Статива» от других когнитивных конструкций, это и всевозможные «сочетаемые тесты», в частности «потенциал употребления в продолжительной форме, побудительной структуре, комбинация с глаголами *do* (*делать*), *happen* (*случаться*), стыковка с наречиями типа *reluctantly* (*неохотно*), *enthusiastically* (*с энтузиазмом*), с модальным глаголом *may* (*мочь (разрешение)*), недопустимость подчиняться сказуемому, выраженному предикатами *tell* (*сказать*), *order* (*приказать*), *permit* (*разрешить*), *persuade* (*убедить*)» [5]. Между тем данный метод допускает попадание похожих глагольных лексем в

один сгруппированный слот. Более детальное осмысление приводит нас к выводу о том, что они могут иметь разные смысловые и грамматические показатели. Последующие модификации показывают, что зависимость от временной семантической оси является побуждением для разведения стативных предикативных элементов по разным лакунам.

Наиболее привычные классификационные парадигмы глагольных выражений по реляционной семантике лингвистов Лайонза, Чейфа, Вендлера, Фолли, Лакоффа, Комри, Джакендорфа, Постала, Даути, Дика и др. обстоятельно анализируются в работе Т. Д. Шабановой. В своем теоретико-экспериментальном исследовании она опирается на типологизацию О. Н. Селиверстовой, в которой «раскрывается содержательная сторона каждой ячейки классификационной сетки семантических типов предикатов» [13]. Работы этих научных деятелей оказали существенное влияние на формирование исходных положений изысканий автора.

Ольга Николаевна перечисляет следующие основные показатели, обязательные для выражений «состояния»: «1) существование в форме сменяющих друг друга фаз и, как следствие этого, принадлежность к параметрам временного отрезка существования объекта, а не к постоянным его свойствам, которые существуют во времени как целостность (*James has been absent during the week* (*Джеймс отсутствовал в течение недели*)); 2) соотносительность с отрезком, а не с точкой (**Yesterday at 6 o'clock James was ill* (*Вчера в 6 часов вечера Джеймс был болен*)); 3) неизменность в течение этого отрезка, сменяющие друг друга фазы абсолютно идентичны (**James was absent more and more* (**Джеймс был отсутствующим все больше и больше*)); 4) страдательность субъекта (**Can you be ill?* - **Yes, I can.* (*Ты можешь заболеть?* - **Да, я могу*), **Mary tries to be ill/hungry* (**Мэри пытается заболеть/проголодаться*)); 5) неабстрагированность от протекания во времени (состояние актуализировано в любой точке того отрезка, ко-

торый оно занимает); 6) ориентированность предложения на субъект (*Mary is ill for me. (Мэри больна для меня (стала больной)), ср.: John made a chair for me (Джон сделал стул для меня)); 7) неспособность получать значение, которое предполагает абстрагированность от временного отрезка (при потере локализованности на временном отрезке и потере признака непрерывной длительности в течение этого отрезка «состояние» переходит в «качество»): (During the whole day Jane was afraid of something (В течение всего дня Джейн чего-то боялась). All his life he was afraid of something, but now everything is all right) (Всю свою жизнь он чего-то боялся, но теперь все в порядке)» [14, с. 198 – 199].

В результате, в кодификации ученого «состояния» «как отдельный семантический тип предиката выделяются не только из-за отсутствия «агентивности» («приложение энергии»), а через набор ряда других показателей в структуре семантической роли, связанных с формальными грамматическими признаками и типом соотношения с временной осью: «состояния» занимают отрезок, а не точку на оси времени; «состояния» длятся, но не протекают во времени». [14, с. 123, 155].

Ольга Николаевна Селиверстова рекомендует дополнительную диагностику статуса «состояния»: «рестрикция на комбинацию с выражениями «вообще-то», «раньше», «когда я был ребенком, молодым и т. п.» (показатели абстрагированности денотата предиката от временной оси), «способность употребления со словосочетаниями «весь день», «все утро» (предикат занимает небольшой отрезок на временной оси, точки которого соответствуют определенным фазам), «комбинация со словом «совсем», «quite» (отсутствие изменения во времени)» [14].

Проанализируем в деталях тестовые задания с глаголами позитивной оценки на примере *respect*. Наше экспериментальное исследование показывает, что данная глагольная единица может быть отнесена к «Стативам» в типологиях зарубежных филологов:

«*What happened was that*
«Случилось то, что
What are you doing?
Что ты делаешь? (сейчас)
* Tom respected Jane.
* Том уважал Джейн.
* I am respecting you.
* Я уважаю тебя.
* Respect him!
* Уважайте его!
* He respects me with enthusiasm»
* Он уважает меня с энтузиазмом» [4]

При использовании контрольных тестов О. Н. Селиверстовой показателем причисления предикативного элемента к «состоянию» (стативу) будет отсутствие рестрикции на использование в следующей конструкции типа: *It was hot during the whole day* (Было жарко весь день). Информанты оценили вариант **John respected Elizabeth during the whole day* (*Джон уважал Элизабет в течение всего дня) как сомнительный. Вместе с тем с выражениями, указывающими на достаточно большие временные интервалы (*during three / six / twenty years, for many years в течение трех / шести / двадцати лет, в течение многих лет*), такое ограничение ликвидируется: *I respected him for many years* (Я уважал его в течение многих лет).

В классификационной модели О. Н. Селиверстовой лексические единицы *love, hate, respect* и др. выделяются в «отдельный семантический тип предиката «связи», характеризующийся абстрагированностью от временной оси, эта связь «не формируется в момент производимого действия, через это действие или процесс, или в результате положения объектов в пространстве, а, наоборот, предопределяет действия, процессы, состояния, то есть, является отдельной от них и первичной по отношению к ним» [14, С. 163–164].

Причисление к данной когнитивной конструкции обозначают следующие параметры:

1. Присутствие идентификатора «сочетание со словами типа «раньше», «вообще-то..., но сейчас...», и т. п.: «*I do not like Jane but now I almost respect her for being*

so affectionate with her children» («Мне не нравится Джейн, но теперь я почти уважаю ее за то, что она так ласкова со своими детьми»). [4].

2. Отсутствие идентификатора «приложение силы». Как отмечает Селиверстова, «наибольшее сходство предикаты «связи» обнаруживают с предикатами «класса», денотаты которых «истинны для любой точки того отрезка времени, с которым они соотносятся, но в то же время не имеют места ни в одной из них» [14]. Но при этом компонент «приложения силы» (тест с «with enthusiasm»), типичный для предикатов «класса», не подтверждается: *He respects her enthusiastically (actively) (Он уважает ее с энтузиазмом (активно)); по оценкам информантов, тест на «демонстрацию инициативы» или «контролируемость на предшествующей стадии предиката» (с выражением «Would you...?», «Will you...?» «Не могли бы вы...?») тоже будет отрицательным: *Would you respect him? (Не могли бы вы (начать) уважать его?).

Лексема *respect* была выделена нами в отдельный подтип «связь-оценка» в рамках семантической когнитивной конструкции «связь» после анализа актантной рамки изучаемых глаголов, так как были зафиксированы нюансы того, как строится эта связь в реляционных отношениях между субъектом и объектом. Действительно «сущность семантической роли левостороннего актанта при глаголе *respect* заключается в получении информации о «проявлениях» объекта, ее осмыслении и оценке, а при *love, hate* – прежде всего, в формировании отношения к объекту. Так же в значении глагола *respect* «связь» между субъектом и объектом формируется на основании «ценностного ориентира», и сам объект является источником информации, вызывающей возникновение этой «связи». А объект при глаголах *love, hate*, в первую очередь, является тем, на кого направлено чувство субъекта, то есть, реципиентом, а не источником» [4].

При изучении примеров с глагольным элементом *respect* мы столкнулись

с возможностью отмены рестрикции на словоупотребление в прогрессивной форме: «As soon as I walked into my bedroom I noticed that the wastepaper basket had not been emptied in all the time I had been away, clearly Irina had been respecting my privacy» («Как только я вошел в свою спальню, я заметил, что корзина для бумаг не была опустошена за все время моего отсутствия, очевидно, Ирина уважала мою частную жизнь») [15]. В данном случае *respect* попадает в самостоятельную лексико-семантическую лакуну «так называемых «инструктивов-директивов», побуждающих к выполнению действия» [4]. В рамках этой конструкции ситуация концептуализируется как динамичная, а лексема *respect* получает модификацию значения, вследствие чего переходит в иную когнитивную конструкцию, в семантический тип предиката «действие».

Также снимается рестрикция на употребление в перфектном разряде: «I have rigidly respected the promise which I made to your husband» («Я неукоснительно выполнил (уважал) обещание, данное вашему мужу») [16]. Появляется идентификатор «приложение силы»: «I have respected the promise which I made to your husband with enthusiasm, Would you respect the promise which you made to my husband?» («Я с энтузиазмом выполнил (уважал) обещание, которое дал вашему мужу. Будете ли вы уважать (выполнять) обещание, которое Вы дал моему мужу?») [4].

На основании полученных данных было выделено отдельное смысловое значение глагольной единицы *respect*, в нем «актуализируется выполнение действия, которое ограничено «пространством» «ценностного ориентира» [4].

После проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что предикаты, попадающие в один слот в соответствии с привычными классификационными парадигмами, требуют детального анализа для адекватного описания их семантической структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупнейший веб-ресурс «Известные цитаты». URL: <https://www.quotes.net/mquote/896513> (дата обращения: 05.05.2021).
2. Онлайн тезаурус. URL: <https://www.powerthesaurus.org/> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Контекстный словарь. URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 05.05.2021).
4. Байбурина Р. З. Семантическая модель английских глаголов положительной оценки : дис. ... канд. филол. наук. / Байбурина Римма Зигануровна. Уфа. 2006. 150 с.
5. Байбурина Р. З. Семантическая модель английских глаголов положительной оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Байбурина Римма Зигануровна. Уфа. 2006. 15 с.
6. Викулова Е. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. Учебное пособие / Е. А. Викулова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Текст англ. Екатеринбург : Изд во Урал. Ун-та, 2014. 88 с.
7. Зверховская Е. В., Косиченко Е. Ф. Грамматика английского языка : Теория. Практика: учеб. пособие, 2-е изд., испр. СПб.: БХВ-Петербург, 2014. 304 с.
8. Казанцева и др. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие / Я. Н. Казанцева, Н. В. Немчинова, Е. В. Семенова. Красноярск : Сибирский федеральный унт, 2015. 135 с.
9. Петрова Е. А. Структурно-семантические особенности варваризмов (на примере профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел) / Е. А. Петрова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2021. № 1 (91). С. 172.
10. Батырова З. Р. Когнитивные основания появления вариативных значений английских глаголов группы вхождения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Батырова Зильфира Рафитовна. Уфа. 2019. 15 с.
11. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, 1967. – 204 p.
12. Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. М., 2009. № 6. С. 3 – 20.
13. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения : Теоретико-экспериментальное исследование : дисс... д-ра филол. наук : Шабанова Татьяна Дмитриевна. Уфа. 1998. 198 с.
14. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. С. 86 – 216.
15. Keyes M. *The Other Side of the Story*. Penguin Books, 2004. 648 p.
16. Wilkie C. *The Law and the Lady* [Электронный ресурс]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=134505&page=22> booksonline.com.ua. (дата обращения: 05.05.2021).

© Р. З. Байбурина

Д. А. ГАЛИЕВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

D. A. GALIEVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)

Л. В. НАУРАЗБАЕВА, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

L. V. NAURAZBAEVA, Senior Instructor of the Chair of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

SOME PROBLEMS OF TEACHING ENGLISH VOCABULARY

Аннотация. В статье рассматриваются приемы пополнения словарного запаса обучающихся неязыковых вузов. Определены способы семантизации, адекватные терминологической лексике. Рассматриваются некоторые способы обогащения словарного запаса языка: интернациональные слова, аффиксация, синонимы, антонимы. Приведены этапы работы, направленные на закрепление юридической лексики.

Ключевые слова и словосочетания: терминологическая компетенция, семантизация, интернациональные слова, аффиксация, синонимы, антонимы.

Abstract. The article discusses the techniques for replenishing the vocabulary of students of non-linguistic universities. It determines the methods of semantization that are adequate to the terminological vocabulary. Some ways of enriching the vocabulary of the language are considered: international words, affixation, synonyms and antonyms. The stages of work for consolidating juridical lexis are given.

Key words and phrases: terminological competence, semantization, international words, affixation, synonyms, antonyms.

Основной задачей образовательных организаций МВД России является подготовка компетентного, ответственного сотрудника органов внутренних дел, способного к эффективной работе по специальности на уровне международных стандартов. Важную роль при этом играет формирование лингвистической культуры, развитие навыков грамотного использования сотрудниками ОВД иностранного языка в реальной жизни как средства профессионального общения.

Кроме того, владение иностранным языком влияет на логическое мышление, тренирует память, развивает умственные способности, способствует интеллектуальному развитию и совершенствованию индивидуально-личностных и профессионально значимых качеств.

Ученые в области методики преподавания иностранного языка полагают, что практическое владение иностранным языком означает формирование межкуль-

турной компетенции, то есть способность осуществлять речевую деятельность и взаимодействовать в ситуациях межкультурного общения. Следовательно, в процессе преподавания иностранного языка следует развивать у обучающихся навыки интуитивно правильного использования лексических и грамматических единиц, а также единиц невербального общения. Речь идет о формировании терминологической компетенции.

Объект проводимого исследования – методика обучения лексике иностранного языка, в частности обучение терминологической юридической лексике. Предметом исследования является английский язык. Обращение к английскому языку объясняется тем, что, во-первых, английский язык является одним из наиболее употребляемых языков в мире и, во-вторых, знание английского языка, безусловно, необходимо сотрудникам ОВД, поскольку они привлекаются к охране общественного порядка во время проведения различных культурных и спортивных мероприятий международного уровня. Таким образом, способность изъясняться на английском языке можно трактовать как инструмент профессионально-личностного развития индивида.

Отметим, что проблема обучения лексике остается одной из самых актуальных проблем методики обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Это обусловлено тем фактом, что «... язык является важнейшим средством общения и воздействия, механизмом получения и обработки информации, средством оптимизации всех видов человеческой деятельности, а юриспруденция и юридическая деятельность принадлежат к сфере повышенной речевой ответственности» [1, с. 173]. На наш взгляд, одним из условий активного усвоения языка в соответствии с практическими потребностями профессиональной деятельности является овладение специальной терминологической лексикой, поскольку она, как показывает анализ эмпирического материала, несет наибольшую информативную нагрузку. Следовательно, адекватное владение терминологической лексикой является одним из

главных условий понимания того или иного дискурсивного высказывания.

Известно, что лексика запоминается лучше, если она вводится системно. Под системностью понимают одно из фундаментальных свойств организации мира. А. А. Уфимцева справедливо утверждает, что «в сознании человека отражается реальная действительность со всеми присущими ей системными связями и отношениями, которые объективируются в языке» [2]. При этом особенно важно определить способы семантизации, адекватные терминологической лексике [3].

Как показывает практика преподавания, методика работы с юридической лексикой условно включает в себя четыре этапа. Первый этап заключается в системной группировке терминов по категориям понятий. Например: *виды преступлений / types of crimes: hijacking – угон, pickpocketing – карманная кража, shoplifting – кража в магазине, arson – поджог, robbery – разбой, грабеж, burglary – кража со взломом, homicide – убийство, smuggling – контрабанда, blackmailing – шантаж; лица, совершившие преступление / persons committing a crime: hijacker – угонщик, pickpocket – вор-карманник, arsonist – поджигатель, robber – грабитель, burglar – грабитель, вор-взломщик, killer – убийца, smuggler – контрабандист, blackmailer – шантажист; преступления против личности / crimes against the person: manslaughter – убийство, rape – изнасилование, assault and battery – нанесение телесных повреждений, нападение и избиение, harassment – домогательство, преследование, kidnapping – похищение людей с целью выкупа, domestic violence – бытовое насилие, насилие в семье; преступления против собственности / crimes against property, property crimes: theft, stealing – воровство, кража, robbery – разбой, грабеж, burglary – кража со взломом, ночная кража, bribery – взяточничество, shoplifting – магазинная кража, arson – поджог, vandalism – вандализм, motor vehicle theft – угон автомобиля, хищение автотранспортных средств, larceny – кража, воровство, хищение; преступления в сфере*

экономики / *economic crimes: fraud* – мошенничество, *money laundering* – отмыwanie денег, *bribery and corruption* – взяточничество и коррупция, *tax evasion* – уклонение от уплаты налогов, *embezzlement* – присвоение чужого имущества, денежных средств, *currency counterfeiting* – фальшивомонетничество и т. п.

В семантизации терминологической лексики важно также правильно толковать сему интернациональных слов. Напомним, что интернациональными словами являются слова, которые в более или менее одинаковой звуковой форме, грамматическом оформлении и смысловом содержании встречаются в ряде языков [4]. Интернациональные слова часто называют интернационализмами, под которыми понимают «лексемы, сходные до степени идентификации в графическом или в фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и сосуществующие в нескольких (практически не менее чем в трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных)» [5].

Исходя из вышеизложенного, второй этап обучения терминологической лексике подразумевает правильную интерпретацию интернациональных слов. Интерпретация интернациональных слов в английском языке и сравнение их с соответствующими русскими эквивалентами показывает, что в русском языке они в основном моносемичны (однозначны).

Например: *terrorist* – террорист, *terrorism* – терроризм, *criminology* – криминология, *criminologist* – криминолог.

В английском языке, по сравнению с русским языком, многие интернациональные слова полисемичны. Они имеют более широкий объем значений, т. е. мы наблюдаем так называемое расширение лексической коннотации. Например: *instrument* – инструмент, орудие; документ, представляющий собой правовой акт; *officer* – офицер, полицейский, чиновник, должностное лицо, служащий; *procedure* – процедура, порядок,

производство дел, судопроизводство, процессуальные нормы, процесс [6, с. 234, 304, 344].

Третий этап работы по отработке терминологической лексики нацелен на толкование семантики аффиксации – образование однокоренных слов при помощи суффиксов и префиксов. Аффиксация является еще одним из наиболее продуктивных способов обогащения словарного состава английского языка. По мнению О. Д. Мешкова, семантика английских аффиксов отличается четкостью [7]. Отметим, что знание семантики аффиксов способствует развитию навыка языковой догадки необходимой для чтения специальной (юридической) литературы без словаря. Обратимся к примерам:

1) суффиксы существительных: *-ology* (учение): *criminology* – криминология, *victimology* – виктимология, *tratology* – трацология от (от фр. *la trace* – «след» и греч. *logos* – «учение»); *-ics* (отрасль науки): *Criminalistics* – криминалистика, *Economics* – экономика, *Forensics* – криминалистика, судебная / судебно-медицинская экспертиза; *-ism* (учение, политическое движение): *socialism* – социализм, *extremism* – экстремизм; *-er/-or,-ist* (действующее лицо, должность, инструмент): *investigator* – следователь, *deserter* – дезертир, *detector* – детектор, *extremist* – экстремист; *-icide* (убийство, убивать): *suicide* (лат. *sui* – себя + *-icide*) – самоубийство или самоубийца, *homicide* (лат. *homo* – человек + *-icide*) – убийство или убийца; *-age, -ment, -tion, -ness, -ship* и другие: *pillage* – грабеж с применением насилия, мародерство, *embezzlement* – растрата, хищение, *litigation* – судебный процесс, тяжба, *lawlessness* – беззаконие, *ownership* – собственность, владение.

2) суффиксы прилагательных: *-al* (имеющий отношение, связанный с чем-либо): *criminal* – преступный, *-ful* (полнота качества): *harmful* – вредный; *-less* (отсутствие качества): *powerless* – недееспособный, неправоспособный, безвластный; *-proof* (указывает на то, что предмет высказывания защищен, устойчив к чему-либо): *bulletproof* – пуленепробиваемый;

3) суффиксы глаголов: *-fy, -ize / ise, -ate* (делать, делаться): *to testify* – давать показания, свидетельствовать; *to criminalize* – криминализовать, вовлечь в преступную деятельность, *to incriminate* – инкриминировать, вменить в вину, уличать;

4) суффикс наречий: *-ly: false – falsely, фальшивый – фальшиво, malicious – maliciously, злоумышленный, совершенный со злым умыслом – злоумышленно, злонамеренно.*

Сравнивая значения суффиксов в юридических английских и русских терминах, можно заметить, что ряд суффиксов имеет почти одинаковое значение в обоих языках и почти полное графическое совпадение или незначительное графическое расхождение: *criminal – криминальный, hacker – хакер, police – полиция, precedent – прецедент, legally – легально, identify – идентифицировать.*

Для понимания смысла незнакомых слов большое значение также имеет умение выделять префиксы и определять их семантику. Так, правильное толкование семантики латинско-греческих и исконно английских префиксов может оказаться весьма полезным для определения значения слов. Приведем примеры: *bi- (двух-, двое-): bilateral – двухсторонний, bigamy – двоеженство; pre- (до-): pre-war – довоенный; post- (после-): post-war – послевоенный; гр. poly-, лат. multi- (много): multinational – многонациональный, polygamy – полигамия, многоженство; un-, non-, in-, im-, il-, ir- (не, без): unidentified – неопознанный, non-governmental – неправительственный, injustice – несправедливость, illicit – незаконный, imprescriptible – не погашаемый давностью, irremovable – несменяемый (о судьбе); im- (в): to imprison – заключать в тюрьму; re- (обратное, повторное действие): to rewrite – переписать; super – сверх, высший: superpower – сверхдержава; over- (превышение меры, пере-): overdosage – передозировка; under- (недостаточность, положение внизу): underworld – преступный мир, организованная преступность, undercover – под прикрытием, тайный, секретный, undercover agent – агент под прикрытием и т. д.*

На четвертом этапе закрепления лексического материала мы концентрируем внимание обучающихся на толковании синонимов и антонимов. Синонимы, как известно, это слова различные по звучанию, но совпадающие или очень близкие в одном или нескольких из своих значений [6, с. 292]. Однако существуют не только соответствия, но и различия между ними.

Например: *измена, предательство – betrayal, treason (государственная измена), adultery (супружеская измена); убийство – killing, homicide, manslaughter (непредумышленное), murder (тяжкое убийство), assassination (казачное, политическое), massacre (резня, массовое); угон автотранспортного средства – carjacking, auto theft, motor vehicle theft; обман, мошенничество – counterfeit, deception, fake, forgery, sham; закон – law, bill (законопроект), statute (статут, устав), act (акт), decree (указ, декрет, постановление, распоряжение), legislation (законопроект); законный – legal, licit, lawful; незаконный – illegal, illicit, unlawful, lawless.*

Следующим типом семантической группировки является подбор антонимов – слов с противоположным значением. Некоторые лексикологи считают антонимами только разные по звучанию слова, а не однокорневые: *fraudulent – honest, fake – genuine, retribution – forgiveness* [8, с. 147, 163, 352]. Тем не менее, в практике преподавания иностранных языков и в некоторых словарях такое различие не делается, так как часто в упражнениях на словообразование бывает удобно образовывать слова противоположного значения при помощи суффиксов и префиксов с одним и тем же корнем [9, с. 306]. Например: *lawful – unlawful, lawless; obedient – disobedient.*

Итак, проведенный анализ показывает, что обучение профессиональной юридической лексике включает, как правило, четыре этапа. Для эффективного пополнения словарного запаса обучающихся необходимо научить их правильно систематизировать лексику и толковать семантику суффиксов и префиксов; уметь интерпретировать интернациональные слова и подбирать синонимы и антонимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Е. А. Структурно-семантические особенности варваризмов (на примере профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 1 (91). Уфа. 2021. С. 172 – 181.
2. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы: на материале английского языка. Стереотип. URSS. 2020. 288 с.
3. Петрова Е. А., Галиева Д. А. Формирование терминологической компетенции в аспекте юриспруденции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 3(57) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 123-126.
4. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Пособие по переводу с английского языка на русский. URL: <https://www.academia.edu/34588172> (дата обращения : 03.08.2021).
5. Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 61 – 62.
6. Андрианов С. Н. Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. М. : РУССО, 2008. 512 с.
7. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000783921-slovoobrazovanie-sovremennogo-anglijskogo-yazyka-o-d-meshkov> (дата обращения : 29.07.2021).
8. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms / Compiled by Alan Spooner. Oxford University Press, 2010. 572 p.
9. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. URL: <https://studfile.net/preview/1806099> (дата обращения: 29.07.2021).

© Галиева Д. А.

© Науразбаева Л. В.

УДК 811.161.1'373.43:070.11

В. Е. ЗАМАЛЬДИНОВ, старший преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, кандидат филологических наук (г. Нижний Новгород)

V. E. ZAMALDINOV, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Language and the Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology (Nizhny Novgorod)

**НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОДУКТ
ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТА**

**INNOVATION AS A PRODUCT OF LINGUISTIC AND CREATIVE ACTIVITY
OF A JOURNALIST**

Аннотация. Рассмотрены словообразовательные неологизмы как продукты лингвокреативной деятельности журналиста. В работе использован метод сплошной выборки языкового материала из текстов медийной коммуникации за период с октября 2019 г. по июль 2021 г. Выявлено, что одной из форм лингвокреативной деятельности адресанта является языковая игра. Она носит творческий характер, доставляет эстетическое удовольствие читателям. Установлено, что активность в медий-

ных текстах проявляет такая разновидность языковой игры, как словообразовательная игра. Её результатом становятся окказиональные новообразования. Описаны такие лингвокреативные способы словообразования, как контаминация, тмезис, междусловное наложение, графическая гибридизация, заменительная деривация. Доказано, что с помощью окказиональных новообразований журналисты воздействуют на массовое сознание, повышают экспрессивность текста, снижают официальность общения, привлекают внимание аудитории.

Ключевые слова: новообразования, лингвокреативность, контаминация, тмезис, междусловное наложение, графическая гибридизация, заменительная деривация, прецедентные феномены, языковая игра.

Abstract. The article considers word-forming neologisms as products of the linguocreative activity of a journalist. The paper uses the method of continuous sampling of language material from media communication texts for the period from October 2019 to July 2021. It is revealed that one of the forms of linguocreative activity of the addressee is a language game. It is of a creative nature, gives aesthetic pleasure to readers. It is established that such a kind of language game as a word-formation game is active in media texts. Its result is occasional innovations. Such linguocreative methods of word formation as contamination, tmesis, inter-conditional overlap, graphic hybridization, substitution derivation are described. It is proved that with the help of occasional innovations, journalists influence the mass consciousness, increase the expressiveness of the text, reduce the formality of communication, attract the attention of the audience.

Key words and phrases: innovations, linguistic creativity, contamination, tmesis, inter-conditional overlap, graphic hybridization, substitution derivation, precedent phenomena, a language game.

Изменения в социополитической сфере, развитие компьютерных технологий, отмена цензуры и многие другие факторы повлияли на то, что журналисты перешли от передачи информации к риторике массового воздействия. Для привлечения внимания читателя адресанты стали использовать экспрессивные способы для выражения своих мыслей и стремиться к креативу. Нельзя не согласиться с Т. А. Гридиной в том, что «вербальная креативность – важная составляющая языковой личности» [1, с. 4]. Лингвокреативное начало в СМИ предполагает новизну, способствует преодолению автоматизма при восприятии информации, усиливает воздействующую силу медиатекстов.

Специфика лингвокреативности рассматривалась в трудах таких исследователей, как И. Т. Вепрева и Н. А. Купина [2], С. В. Ильясова [3], Е. Н. Ремчукова [4] и др.

Показателем результативности творческого мышления адресанта является языковая игра (далее – ЯИ). Под ЯИ мы будем понимать «постоянное нарушение каких-то правил <...>. И в то же время сами эти нарушения не бессистемны и случайны, а также происходят по определённым правилам» [5, с. 10].

В медийных текстах востребована такая разновидность ЯИ, как словообразовательная игра. С её помощью журналисты доставляют интеллектуальное удовольствие адресатам, дают оценки событиям и явлениям.

Словообразовательная игра может проявляться в окказиональных новообразованиях. Отметим, что в данной работе мы будем придерживаться широкого понимания сущности окказионализмов. При данном подходе окказиональные единицы объединяются с потенциальными словами в один разряд (окказиональных лексем) и противопоставляются узуальным номинациям. С помощью словообразовательных инноваций неузуального характера (окказионализмов и потенциализмов) журналисты более точно выражают собственную мысль, воздействуют на читательское сознание.

Так, интерес для адресата могут представлять контаминированные номинации. Отметим, что в данной работе мы будем придерживаться узкого подхода в понимании данного способа деривации: «При контаминации происходит проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [6, с. 135]. Приведём при-

меры контаминированных инноваций в медийных текстах: **Наспехтуция** (заголовок) *Стоит ли нам так торопиться с принятием поправок в Основной закон?* («Наша версия». 17.02.2020) ← *наспех* + (консти)туция; **Вирусоника Трампа** (заголовок) («Новая газета». 14.03.2020) ← *вирус* + (э)кономика; **Грефономика** (заголовок). *На чём зарабатывает семья Германа Грефа* («Наша версия». 31.05.2021) ← *(Герман) Греф* + (э)кономика.

К приёмам создания ЯИ можно отнести использование в медиакоммуникации прецедентных феноменов (ПФ). Термин «прецедентный феномен» мы будем понимать в трактовке, предложенной В. В. Красных [7, с. 170]. Отметим, что с помощью контаминации может происходить обновление ПФ: *Не учи Ручьёного* (заголовок). *Вот утром в Сочи, в Бочаровом Ручье можно было наблюдать внезапно около двухсот журналистов <...>. Президент Турции регулярно прилетает в Сочи, но такой ажиотаж и нерв, на котором всё тут держится уже много часов, приходится видеть во время его приездов впервые* («Коммерсантъ». 23.10.2019) ← *(Бочаров) Руч(ей) + (уч)ёного*. Источником создания ПФ стала цитата «Не учи учёного, гражданин Копчёный!» из детективного фильма «Место встречи изменить нельзя». Журналисты, используя в заголовке трансформированный прецедентный феномен, делают статью запоминающейся, придают медийному тексту дополнительную экспрессивность.

Таким образом, контаминированные новообразования воплощают авторскую иронию, обладают экспрессией. Кроме того, подобные словообразовательные инновации отражают социально-политические события, экономическую ситуацию в стране и мире. Н. А. Николина отмечает, что «контаминация постепенно превращается в приобретающий продуктивность способ компрессивного словообразования» [8, с. 292].

В медийных текстах журналисты могут использовать новообразования, созданные с помощью тмезиса. При данном способе словообразования одна лексема вставляется

внутри другой. Приведём примеры: *Двойное налогообложение* (заголовок). *За доходы блогеров взяли Google и Минцифры* («Коммерсантъ». 11.03.2021) ← *налогообложение + блог*; *Под благовидным предлогом* (заголовок). *Минэнерго не увидело связи между пандемией и задержкой ввода «мусорных» ТЭС* («Коммерсантъ». 28.04.2021) ← *благовидный + ковид*; *У мигрантов все налаживаются* (заголовок). *Мигрантов будут вакцинировать за 1,3 тыс. руб. новой однокомпонентной прививкой «Спутник Лайт» пока в двух пунктах в Москве* («Коммерсантъ». 29.06.2021) ← *наладится + лайт*. Отметим, что подобные новообразования придают заголовкам шуточный тон, повышают образность медийного текста.

Оригинальность названия статьи может достигаться с помощью такого способа словообразования, как междусловное наложение. Суть данного неузвального способа деривации заключается в том, что на финаль основы одного слова накладывается омонимичное ему начало другой лексемы: *Вирусь, куда ж несёшься ты* (заголовок) («Коммерсантъ». 01.02.2020) ← *вирус + Русь*; *Симптом затруднённого отдыха* (заголовок). *Туристическому рынку угрожает новый кризис* («Коммерсантъ». 05.03.2020) ← *отдых + дыхание*; *С видом на общежитие* (заголовок). *ГК «Гранель», основанная главой правительства Башкирии Андреем Назаровым, намерена запустить сеть коливингов для иностранных студентов в 20 российских городах* («Коммерсантъ». 03.02.2021) ← *общежит(ие) + житие*. С помощью междусловного наложения журналисты создают не только новообразования-существительные, но и новообразования-прилагательные: *Пересельская жизнь* (заголовок). *Мэрия Москвы рассматривает планы комплексного развития территорий для переселенцев* («Коммерсантъ». 30.01.2021) ← *пересел(енцы) + сельская*; *Рекомендантский час* (заголовок). *Алгоритмы социальных сетей и онлайн-кинотеатров возьмут под контроль* («Коммерсантъ». 30.03.2021) ← *рекоменда(ция) + комендантский*; *Вузкое место* (заго-

ловок). *В России могут измениться правила государственной аккредитации высшей школы* («Российская газета». 17.05.2021) ← *вуз + узкое*; *Стройматериальный интерес* (заголовок). *Почему цены на строительные материалы растут так стремительно?* («Российская газета». 27.05.2021) ← *стройматериал(ы) + материальный*.

Необходимо отметить, что при междусловном наложении возможны и формальные замены графем в словообразовательных инновациях: *Рынки охвачены пандением* (заголовок) («Коммерсантъ». 13.03.2020) ← *пандемия + падение*; *Муслимое дело* (заголовок). *Авторы сериала «Магомаев» <...> признавались, что стремились показать не привычный для зрителя сценический образ легендарного певца, а то, каким он был на самом деле* («Новое дело – Нижний Новгород». 19.03.2020) ← *Муслим (Магомаев) + мыслимый*.

Итак, новообразования, созданные путём междусловного наложения, выполняют смысловую компрессию, обладают иронической оценкой, заинтересовывают читателя.

К словообразовательным средствам ЯИ можно отнести новые номинации, созданные путём графической гибридации (графиксации). Графиксация – это результат создания словообразовательных инноваций, в которых используется графическое выделение сегмента: *HeCHOCHO* (заголовок). *Как в Петербурге сносят и «аварируют» исторические здания ради коммерческого новодела* («Наша версия». 18.02.2020); *ЭТАЛОНное шулерство* (заголовок). *Покупка строительной группы компаний «Эталон» из Санкт-Петербурга Владимиром Евтушенковым может привести к её уничтожению* («Наша версия». 26.03.2020); *Красное СОРМово* (заголовок). *Роскомнадзор предупредил небольших провайдеров интернета Москвы и Подмосковья об ответственности за отсутствие оборудования СОРМ в рамках исполнения «закона Яровой»* («Коммерсантъ». 14.04.2021). Журналисты используют такую разновидность графиксации, как капитализация, т. е. употребление в узуальной лексеме прописных букв. Кроме

того, с помощью графической гибридации адресанты создают новообразования-наречия, новообразования-прилагательные и новообразования-существительные.

Эффективными средствами для привлечения внимания читателей являются следующие разновидности графического словообразования:

– парентезис (разбиение лексемы скобками на части): *Прасковеевские небеса* (заголовок). *Тайны геленджикского двор[ц]а: кому он принадлежит на самом деле* («Новая газета». 19.03.2021);

– дефисация (разбиение лексемы дефисами на части или слоги): *СПА-сение от ковида* (заголовок). *Термальные источники Кубани помогают восстановиться после коронавируса* («Наша версия». 08.12.2020).

Пандемические реалии могут отражать новообразования с иноязычными элементами без графической адаптации: *COVIDарность* (заголовок). *В условиях самоизоляции петербуржцы читают детям сказки по телефону, общаются в онлайн-барах и развозят старикам бесплатную еду* («Новая газета». 25.03.2020) ← *COVID + солидарность*; *COVIDный союз: какую помощь Китай окажет США в борьбе с коронавирусом* (заголовок) («Baltnews». 27.03.2020) ← *COVID + солидный*; *QREПОСТНЫЕ 21 века* (заголовок). *<...> Надо сказать, что теперь внутренние помещения ресторанов и кафе представляют унылое зрелище* («Новые известия». 30.06.2021) ← *QR + крепостные*. Подобные единицы, как правило, называют полиграфиксатами, а процесс их образования – полиграфиксацией [9].

Таким образом, графические гибриды являются средством лингвокреативного словообразования, воздействуют на визуальное восприятие читателей, встречаются, как правило, в заголовках. С. Ж. Нухов отмечает, что «заголовок является сильной позицией текста и именно этим объясняется его “напитывание” разнообразными приёмами языковой игры с целью привлечения внимания читателя» [10, с. 171].

Продуктами лингвокреативной деятельности журналиста могут быть новообразова-

ния, созданные с помощью субституции. При данном способе словообразования может заменяться корневая или другая неформантная часть в сложном слове: **Стать-героиня** (заголовок). *На 94-м году жизни умерла народная артистка СССР (1985) Инна Макарова, последний лауреат Сталинской премии первой степени <...>* («Коммерсантъ». 26.03.2020) – ср. исходное *мать-героиня*; **Мать-реванш** (заголовок). *Схватка матриархата и патриархата в фильмах Роттердамского фестиваля* («Коммерсантъ». 08.02.2021) – ср. исходное *матч-реванш*; **Фарш-бросок** (заголовок). *Россия вышла на мировой рынок «умного» продовольствия* («Российская газета». 09.02.2021) – ср. исходное *марш-бросок*.

С помощью замены одного из компонентов сложной лексемы могут образовываться и имена прилагательные: **Горюче-сахарные материалы** (заголовок). *По версии Следственного комитета России (СКР), в 2015–2016 годах господа Кориунов и Алексева предложили их знакомой предпринимательнице Марине Дюковой <...> участвовать в аукционах на поставку топлива и сахарного песка для ФСИН [Федеральной службы исполнения наказаний. – Авт.] России* («Коммерсантъ». 27.02.2020) – ср. исходное *горюче-смазочные (материалы)*; **Конституционно-освободительное движение** (заголовок). *Агитация в поддержку поправок к Основному закону началась с Астрахани* («Коммерсантъ». 28.02.2020) – ср. исходное *национально-освободительное (движение)*;

Вирус-мажорные обстоятельства (заголовок). *Власти РФ готовы учесть фактор эпидемии при исполнении госконтрактов* («Коммерсантъ». 10.03.2020) – ср. исходное *форс-мажорные (обстоятельства)*.

Следует отметить, что приведённые выше новообразования созданы с помощью такой разновидности субституции, как трансрадикация, т.е. замена корневой части. Однако в нашем материале встречаются и случаи мены префикса (транспрефиксации): **Невыходное положение** (заголовок). *Москва и область отправлены на самоизоляцию* («Коммерсантъ». 30.03.2020) – ср. исходное *безвыходное (положение)*.

Таким образом, для создания инноваций журналисты используют такие разновидности заменительного словообразования, как трансрадикация и транспрефиксация. Подобные номинации являются, как правило, средством иронической оценки, снижают официальность общения, отражают социальную действительность.

Подводя итог, отметим, что продуктом лингвокреативной деятельности журналиста могут быть новообразования. Новые номинации создаются с помощью таких неузальных способов словообразования, как контаминация, тмезис, междусловное наложение, графическая гибридизация, заменительная деривация. Оказиональные инновации вовлекают читателя в текст статьи, обладают экспрессивностью и оценочностью, оперативно реагируют на социополитические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. 272 с.
2. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Цвет настроения синий: креативный потенциал колористической метафоры // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 44 – 50.
3. Ильясова С. В. Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 39 – 45.
4. Ремчукова Е. Н. Рекламный слоган как разновидность рекламного текста: стандарт и лингвокреатив // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь, 09–11 июня 2020 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. С. 321 – 328.

5. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта: Наука, 2006. 344 с.
6. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 156 с.
7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 375 с.
8. Николина Н. А. Типы и функции контаминированных образований в современной русской речи // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 288-295.
9. Попова Т. В. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 229 – 269.
10. Нухов С. Ж. Игра шрифтом как модный графический приём языковой игры в медийных заголовках // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 1. С. 164 – 172.

© Замальдинов В. Е.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.**

УДК 796.8.012.424.6:351.741.08(470)

А. И. АГАФОНОВ, старший преподаватель кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук (г. Волгоград)

A. I. AGAFONOV, Senior Lecturer of the Chair of Physical Training of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs Russia, Candidate of Pedagogy (Volgograd)

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕХНИКИ ПРЯМЫХ УДАРОВ НОГАМИ,
ВЫПОЛНЯЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕДЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ**

**IMPROVING EFFICIENCY OF THE TECHNIQUE OF DIRECT KICKS
PERFORMED BY EMPLOYEES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION, ACCORDING TO THE RESULTS OF THE
CARRIED OUT TESTS**

Аннотация. В данной статье представлен сравнительный биомеханический анализ техники прямых ударов сильнейшей ногой, выполняемых по цели и по воздуху. В результате проведенных испытаний были выявлены значительные различия в технических показателях изучаемых двигательных действий, обусловленные необходимостью сохранения равновесия при выполнении ударов по воздуху. Выполнение таких ударов в процессе обучения негативно сказывается на степени освоения данных движений и снижает эффективность их применения. На основании полученных результатов были разработаны средства и методы, направленные на устранение выявленных различий в технике выполнения прямых ударов ногами по цели и по воздуху. Использование их на занятиях по физической подготовке будет способствовать росту уровня владения сотрудниками ОВД ударной техникой ногами, сокращению сроков и повышению эффективности процесса обучения.

Ключевые слова: сотрудники ОВД России, физическая подготовка, прямые удары ногами, техника, биомеханический анализ, обучение.

Abstract. *This article presents a comparative biomechanical analysis of the technique of direct blows with the strongest foot, performed on the target and in the air. As a result of the conducted tests, significant differences in the technical indicators of the studied motor actions were revealed, due to the need to maintain balance when performing air strikes. Performing such strokes in the learning process negatively affects the degree of mastering these movements and reduces the effectiveness of their application. Based on the results obtained, tools and methods were developed aimed at eliminating the identified differences in the technique of performing direct kicks at the target and in the air. The use of them in physical training classes will contribute to an increase in the level of mastery of kicking techniques by ATS employees, reduce the time and increase the efficiency of the training process.*

Key words and phrases: *employees of the Department of Internal Affairs of Russia, physical training, direct kicks, technique, biomechanical analysis, training.*

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольцев на итоговом заседании коллегии ведомства сообщил, что за 2019 год на службе погибли 59 российских полицейских и ранено 3500 [1]. Одной из причин гибели сотрудников полиции является низкая их подготовленность к рациональному применению боевых приемов борьбы в различных случаях силового задержания правонарушителей, обезоруживания и применения огнестрельного оружия, а также незнание и несоблюдение мер личной безопасности при внезапно меняющейся оперативной обстановке, а также, при условии внезапного возникновения угрозы террористических актов [2, с. 3].

Одним из наиболее приоритетных направлений решения данной проблемы является необходимость повышения степени владения сотрудниками полиции техникой боевых приемов борьбы [3, с. 6]. Именно рациональная техника выполнения двигательных действий предоставляет занимающимся наибольшие резервы для повышения уровня всех сторон подготовленности [4, с. 5]. Наиболее значимым компонентом в структуре физической подготовки в МВД России выступает изучение ударной техники ногами и руками [5, с. 54]. От правильности выполнения расслабляющих ударов при применении боевых приемов борьбы во многом зависит успешность технико-тактических действий сотрудника при осуществлении силового задержания правонарушителя [6, с. 12]. Уме-

ние быстро и точно при развитии необходимых для нейтрализации противника усилий выполнить удар приобретает решающее значение в экстремальной ситуации [7, с. 80]. Полагаться в данных случаях следует только на выработанные инстинкты и двигательные навыки [8, с. 30]. Приобрести их возможно только в процессе рационально построенного тренировочного процесса, в основе которого должны использоваться достоверные данные, полученные научным и эмпирическим путем [9, с. 15].

С этой целью было принято решение обогатить инструкторско-преподавательский состав новыми сведениями о технике выполнения наиболее распространенных и эффективных прямых ударов ногами, полученных в ходе биомеханического анализа.

Для решения поставленной цели был проведен сравнительный биомеханический анализ техники прямого удара сильнейшей ногой, выполняемого по цели (силомеру) и по воздуху. Два эти движения были выбраны не случайно. В ходе наблюдения за процессом обучения сотрудников полиции ударам ногами большую часть всех упражнений составляют целостные ударные движения нижними конечностями, имитируемые по воздуху или наносимые по специальным боксерским снарядам. Полученные сравнительные характеристики данных двигательных действий позволят внести коррективы в технику их выполнения и в дальнейшем будут способствовать повышению эффек-

тивности тренировочного процесса сотрудников полиции.

В качестве ориентира была выбрана техника прямых ударов ногами, выполняемых высококвалифицированными спортсменами-рукопашниками. При выполнении этих движений спортсмены стремились развить максимальную силу и скорость удара в минимальный промежуток времени. Каждый спортсмен наносил удары пять раз. Все результаты подвергались статистической обработке. Видеозапись осуществлялась с двух камер: одна была расположена вертикально сверху, вторая – сбоку от испытуемого. Скорость съемки равна 60 кадрам в секунду, а время движения одного кадра – 0,017 с. Все биомеханические показатели определялись с использованием персонального компьютера по методике анализа полученных фото- и киноматериалов [10, с. 7].

В результате биомеханического анализа было установлено, что основную роль в выполнении прямого удара сильнейшей ногой по цели (силомеру) выполняет поступательное движение (80 %) звеньев тела, задействованных в движении, к цели. За счет вращения сегментов вокруг вертикальной оси осуществляется 20 % развиваемых усилий. В начальной стадии удара выполняется толчок сзади стоящей ногой от поверхности опоры, затем она сгибается до максимально возможного положения в коленном суставе так, что бы икроножная мышца плотно прижималась к задней поверхности бедра. Одновременно с этим бьющая конечность поднимается вверх и касается передней поверхности бедра груди. И только после этого посредством работы четырехглавой мышцы бедра выполняется разгибание ноги в коленном суставе. Данные движения обеспечивают бьющей конечности движение по прямой в сторону цели. Данные двигательные действия сопровождаются одновременным перемещением ОЦМТ сзади расположенной ноги на впереди стоящую ногу. Далее ОЦМТ выходит за проекцию линии опоры и движется к цели. В момент соприкосновения бьющей ноги с целью опорная нога находится под углом 70° к поверхности пола.

Силовая линия опорности начинается со стопы опорной ноги, проходит по ней через таз, правую ногу и упирается в цель.

Ударную массу прямого удара ногой составляют все части тела, движущиеся вперед и находящиеся на прямой от точки опоры до цели. Удар наносится основанием пальцев или всей стопой. В структуре прямого удара ногой отчетливо выделяются две фазы: фаза формирования удара (61,5 % общего времени удара), которая включает толчок задней ноги от опоры, сгибание ее в коленном суставе и поднятие вверх; фаза выполнения удара (39,5 % общего времени удара), где бьющая нога, разгибаясь в коленном суставе, движется по прямой в сторону цели.

Время выполнения удара составляет 0,442 с. В первой фазе формирования удара происходит постепенное нарастание скорости движения ударной части ноги. Максимального значения скорости этот сегмент достигает к концу фазы (4,70 м/с).

Наибольшей скорости голеностопный сустав достигает в середине фазы выполнения удара – 4,94 м/с. Затем имеет место предупредительное торможение и касание цели происходит на скорости 3,83 м/с.

Сравнительная характеристика техники прямого удара ногой по воздуху и по силомеру свидетельствует об отсутствии фазы формирования удара в первом случае, что говорит о преждевременном разгибании бьющей ноги в коленном суставе. Это негативно сказывается в конечном счете на точности выполняемого технического приема.

Колено бьющей ноги в фазе выполнения удара продолжает двигаться вверх. В результате ломается структура удара: ударная часть стопы движется не по горизонтальной прямой, а снизу-вверх. В момент выпрямления бьющей ноги опорная нога находится под углом $80^\circ - 85^\circ$ к поверхности пола. Удар по воздуху выполняется в основном за счет разгибания ударной ноги в коленном суставе.

Отсутствие предупредительного торможения и движения голеностопного сустава по одной прямой (снизу – вверх) позволяет достигнуть скорость, равную 5,54 м/с. Удар по

воздуху выполняется в основном за счет разгибания ударной ноги в коленном суставе. Отсутствие предупредительного торможения и движения голеностопного сустава по одной прямой (снизу – вверх) позволяет достигать скорость, равную 5,54 м/с. Ударную массу составляет вес голени и стопы. Меньшая скорость плечевого (1,29 м/с) и тазобедренного (1,53 м/с) суставов объясняется малой амплитудой движения и необходимостью сохранения равновесия на опорной ноге. Время выполнения удара составляет 0,391 с.

Данные, полученные в ходе биомеханического анализа прямых ударов сильнейшей ногой, выполняемых по цели и по воздуху, свидетельствуют о том, что имеются существенные отличия в технике выполнения данных двигательных действий. Спортсмены не способны развить максимальные усилия при выполнении акцентированных прямых ударов при отсутствии цели. Появляется необходимость сдерживать движение отдельных частей тела в целях сохранения равновесия, стоя на одной ноге. По этой причине сокращается амплитуда движения некоторых сегментов тела и искажается траектория их движения. Для исправления этих ошибок в тренировочном процессе необходимо использовать при отработке прямых ударов по воздуху упражнения на улучшение устойчивости. Необходимо требовать от занимающихся развития максимальной силы и скорости удара при сохранении траектории и амплитуды движения всех частей тела, участвующих в ударе. Целесообразно минимизировать различия в технике прямых ударов ногами, выполняемых по цели, при которых спортсмен имеет возможность опереться в снаряд, тем самым включить всю массу в ударное движение и не провалиться, и по воздуху, когда спортсмен вынужден включать мышцы антагонисты и по средствам собственных усилий сохранять равновесие на опорной ноге.

С целью решения выявленных проблем и разрешения сложившихся противоречий в обучении сотрудников полиции технике прямых ударов ногами необходимо внедрение новых более эффективных средств фор-

мирования отдельных наиболее сложных структурных компонентов техники выполнения изучаемых ударных двигательных действий. Так, для формирования устойчивости рационально было бы использовать упражнения в нанесении ударов ногами с опорой на гимнастическую стенку, партнера или какой-либо другой стационарно-закрепленный предмет. Данное средство позволит облегчить условия сохранения равновесия занимающегося, стоя на одной ноге. Его необходимо использовать на начальной стадии обучения, когда необходимо сконцентрироваться на правильном выполнении техники сложно-координационного движения. На данном этапе также возможно нанесение ударов ногами, сидя или лежа на полу. В дальнейшем по мере освоения основ разучиваемых движений удары могут выполняться без опоры на какие-либо предметы с использованием различных отягощений, эспандеров, резиновых жгутов, действие которых будет направлено как на усиление действия инерционных факторов бьющей конечности при ударе, так и в противоположную сторону, создавая дополнительное сопротивление движению ударного сегмента. Для развития максимальных усилий при движении каждого звена, участвующего в данных движениях, целесообразно применять упражнения со сменой боевой стойки при осуществлении прямых ударов ногами по воздуху, в результате применения которых занимающиеся не будут сдерживать инерционные факторы, развиваемые при разучиваемых движениях, что, в конечном счете, будет способствовать развитию максимальных усилий в конечной стадии их выполнения. Обязательным условием эффективности использования данного упражнения является максимальная концентрация занимающегося на сохранении правильности техники выполнения движений и развития максимальных усилий при движении всех сегментов тела. С целью повышения развиваемых усилий при разгибании бьющей ноги в коленном суставе возможно выполнение прямых ударов ногами по воздуху или по снарядам только за счет разгибания ноги в коленном суставе при полной

фиксации всех остальных, участвующих в движении сегментов тела. В дальнейшем, будут создаваться такие исходные положения и условия, при которых исключается возможность участия в ударе других звеньев тела. Нанесение прямых ударов ногами по тяжелым снарядам с толчком соударяемого предмета в конечной стадии движения (после касания голенью цели) за счет поворота таза до максимально возможного положения. С целью увеличения вклада в ударное движение толчка ногой от опоры возможно выполнение ударов, стоя лицом в гору или по любой наклонной плоскости вверх, из положения полного приседа. Нанесение ударов с использованием тяжелых корсетов. Нанесение ударов, стоя бьющей ногой в яме при постановке опорной ноги на ступеньку или любую другую возвышенность. Для тренировки поворота плеч вокруг вертикальной оси рекомендуется выполнение удара ногой после удара разноименной, одноименной рукой, после выполнения уклона в одноименную, разноименную ногу сторону, после удара двумя руками одновременно. Выполнение ударов с сопротивлением партнера. Упражнения для тренировки вращательного и поступательного компонентов ударов ногами. Нанесение ударов ногами с захватом одной или двумя руками гимнастической стенки.

Использовать на занятиях по физической подготовке указанные выше упражнения рекомендуется в три этапа. На первом этапе применялись упражнения, направленные на обучение правильной траектории движения звеньев тела, участвующих в ударе, отрабатывалась выявленная в ходе биомеханического анализа последовательность включения звеньев тела в ударное движение, улучшали подвижность в наименее подвижных суставах, развивали гибкость нижних конечностей. Данные упражнения выполнялись преимущественно с помощью строго-регламентированного метода (целостного и расчлененного) в групповой и фронтальной форме (в одноширеножном и двуширеножном строю под общую команду тренера). На втором этапе использовались

упражнения, способствующие формированию устойчивого положения тела занимающегося во время выполнения ударов, стоя на одной ноге, развивали максимальную амплитуду и степень развиваемых усилий при осуществлении движения каждого в отдельности сегмента тела, задействованного в движении, что в итоге способствовало увеличению силы и скорости прямых ударов ногами. Здесь в основном применялся метод направленного сопряженного воздействия, основной задачей которого являлось не только формирование рациональной техники движений, но и развитие необходимого уровня развития специальных физических качеств. Упражнения выполнялись преимущественно в свободном передвижении по залу, на снарядах, в парах с партнером в групповой и круговой форме. На третьем этапе основной задачей являлось совершенствование техники прямых ударов ногами по средствам применения их в соревновательных, условных боях, при работе в парах по заданию тренера. Продолжительность каждого из этапов обучения зависит от степени освоения занимающимися поставленных задач и может варьироваться от трех до четырех месяцев.

Применение перечисленных выше упражнений в указанной последовательности позволит отрабатывать одинаковую, наиболее рациональную технику прямых ударов ногами как по воздуху, так и по цели, ускорить процесс обучения наиболее рациональной технике движения в отдельности всех частей тела, участвующих в ударах, увеличить вклад задействованных звеньев тела в развитие силы и скорости разучиваемых ударных движений, улучшить устойчивость при выполнении ударов ногами. Это в конечном счете будет способствовать сокращению сроков обучения данным двигательным действиям и повысит эффективность самого процесса обучения. Также владение данной техникой в случае промаха в условиях противоборства с преступником сотруднику удастся не провалиться по инерции движения бьющей конечности, сохранить равновесие и положение боевой

готовности к выполнению дальнейших атакующих или защитных действий. Данный навык является жизненно необходимым, так как может сохранить не только здоро-

вье, но и жизнь сотрудника полиции, особенно если ему будет противостоять вооруженный холодным или огнестрельным оружием правонарушитель.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России за год погибли 59 полицейских [Электронный ресурс]. // РИА Новости. URL: <https://turbo.gia.ru/20200226/1565226184.html>. – Загл. с экрана (дата обращения : 05.07.2021).
2. Кузнецов С. В. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников ОВД РФ / С. В. Кузнецов, А. Н. Волков, А. И. Воронов : под ред. С. В. Кузнецова. М. : ДГСК МВД России, 2016. 415 с.
3. Овчинников В. А. Теоретические и методологические аспекты обучения технике боевых приемов борьбы сотрудников полиции России : учеб.-метод. пособие / В. А. Овчинников, О. С. Панова, Е. П. Прилепин, А. С. Пряхин. Волгоград : ВА МВД России, 2018. 124 с.
4. Кочергин, А. Н. Интеграция технико-тактической, физической и психологической подготовки к рукопашному бою : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Н. Кочергин. – СПб., 2011. 26 с.
5. Овчинников В. А. Физическая подготовка / В. А. Овчинников, В. С. Якимович : учебник. – Волгоград : ВА МВД России, 2014. 552 с.
6. Баркалов, С. Н. Подготовка сотрудников ОВД при проведении учебно-тренировочных сборов по служебно-прикладным видам спорта : учебное пособие / С. Н. Баркалов, И. В. Герасимов, Р. В. Ерёмин / Орел : ОрЮИ МВД России, 2013. 170 с.
7. Кодзоков А. Х. Характеристика физической подготовки как целостной системы обучения // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики : сборник научных трудов участников Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 78 – 83.
8. Доттуев Т. И. Специфика профессиональной физической подготовки сотрудников ОВД // Развитие научных направлений в современных условиях. В 2-х частях. 2017. С. 29 – 32.
9. Овчинников В. А. Методика проведения практических занятий по физической подготовке для сотрудников ОВД : учеб.-метод. пособие / В. А. Овчинников (и др.). – Волгоград : ВА МВД России, 2016. 144 с.
10. Санникова Н. И. Методика определения биомеханических показателей с использованием персонального компьютера / Н. И. Санникова // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 58 – 59.

© Агафонов А. И.

В. А. ДОЛИН, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (г. Белгород)

V. A. DOLIN, Assistant Professor of the Chair of Humanitarian and Socio-Economic Sciences of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod)

**ПРАВОСЛАВНОЕ НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ
ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

**ORTHODOX MORAL THEOLOGY AS A CONCEPTUAL BASIS FOR THE FORMATION
OF THE ANTI-CORRUPTION COMPETENCE OF AN EMPLOYEE
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: THE FORMULATION OF THE PROBLEM**

Аннотация. В статье на основе системного подхода рассматриваются возможности православного нравственного богословия в качестве концептуальной основы формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел. Анализируемая компетенция рассматривается в единстве четырех аспектов: когнитивного, эмоционально-ценностного, практического и опытного. В статье выделены основные теоретические положения православного нравственного богословия, актуальные в анализируемом контексте: учение об уме, воле, сердце и телесных силах как способностях, обеспечивающих подготовку к богоугодной жизни; представление о трех видах эмоций, способных сыграть отрицательную роль в жизни человека; представление о совести как нравственно-психологической основе функционирования личности; трезвение как духовное бодрствование, сохранение чистоты души и помыслов. Автор приходит к выводу о созидательно-творческом потенциале православного нравственного богословия на уровне личности, который возможно и целесообразно использовать в контексте формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: православное нравственное богословие, антикоррупционная компетенция, сотрудник органов внутренних дел, личность, системный подход, совесть, трезвение.

Abstract. The article considers the possibilities of Orthodox moral theology as a conceptual basis for the formation of anti-corruption competence of an employee of the Internal Affairs bodies on the basis of a systematic approach. The analyzed competence is considered in the unity of four aspects: cognitive, emotional-value, practical and experienced. The article highlights the main theoretical provisions of Orthodox moral theology that are relevant in the analyzed context: the doctrine of the mind, will, heart and body forces as abilities that provide preparation for a God-pleasing life; the idea of three types of emotions that can play a negative role in a human life; the idea of conscience as the moral and psychological basis for the functioning of the individual; temperance as spiritual wakefulness, preserving the purity of a soul and thoughts. The author comes to the conclusion about the creative potential of Orthodox moral theology at the personal level, which can and should be used in the context of the formation of the anti-corruption competence of an employee of the Internal Affairs bodies.

Key words and phrases: Orthodox moral theology, the anti-corruption competence, an employee of the Internal Affairs bodies, a personality, system approach, conscience, temperance.

Выявление преступлений коррупционной направленности в системе государственных органов, обеспечивающих борьбу

с преступностью, имеет общенациональное значение [1, 2, 3]. Соответственно, формирование антикоррупционного мировоззре-

ния и поведения сотрудника органов внутренних дел является одной из важнейших задач профессионального нравственного воспитания. В контексте поиска эффективных способов решения названной задачи возрастает актуальность осмысления концептуальных оснований для формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел. Одним из источников вышеназванных оснований являются концептуальные (богословские) средства и духовный опыт мировых религий. В российском контексте наиболее востребованными являются средства и опыт традиционных религий, внесших наибольший вклад в формирование духовно-культурного своеобразия страны (тибето-монгольский буддизм, православное христианство, суннитский ислам и ортодоксальный иудаизм). Как известно, в Российской Федерации в количественном отношении преобладают представители православной религиозной культуры, к которым относятся не только глубоко верующие («воцерковлённые»), но и граждане, которые осознают и преимущественно положительно оценивают свою принадлежность к православной религиозной культуре («традиционалисты»).

В данной статье рассматриваются концептуальные средства и духовный опыт, обобщенные в православном нравственном богословии [4, 5, 6]. Данный выбор обусловлен тем фактом, что предметом нравственного богословия выступает «...учение Церкви о нравственном сознании и нравственном поведении человека» [5, с. 5]. А, как известно, нравственное сознание и нравственное поведение человека оказывают заметное влияние на формирование антикоррупционной компетенции. Объектом рассмотрения в данной статье выступает православное нравственное богословие, ее предметом – рассмотрение православного нравственного богословия в качестве концептуальной основы формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел.

Для раскрытия предмета статьи следует решить две взаимосвязанные исследовательские задачи: во-первых, оценить кон-

цептуальные возможности православного нравственного богословия по отношению к антикоррупционной компетенции и, во-вторых, выделить основные теоретические положения, позволяющие рассматривать православное нравственное богословие как концептуальную основу формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел. Статья носит постановочный характер и ориентирована на поиск ответа на вопрос о возможности и целесообразности использования концептуальных средств православного нравственного богословия в контексте формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел.

Следует уточнить содержание основных понятий. В общем виде компетенция – содержание обучения, задаваемое извне и подлежащее освоению [7]. Результатом реализации компетенции в образовательной деятельности выступает компетентность обучающегося как интегральный результат, готовность реализовывать деятельность, соответствующую названию компетенции [7]. Поскольку компетентность как готовность действовать имеет когнитивный, мотивационно-ценностный, практический и опытный аспекты [8, с. 18], то антикоррупционная компетенция в структурно-содержательном аспекте включает:

– знания о коррупции как социальном и психологическом явлении, а также об основных способах противодействия ей (когнитивный аспект);

– нормы, ценности и идеалы, обеспечивающие не только эмоционально-ценностное неприятие коррупционного поведения как личной и социальной модели поведения, но и способствующие реализации одобряемых законом способов поведения (мотивационно-ценностный аспект);

– умения и навыки, способствующие профилактике коррупционно опасного поведения, а также умения и навыки в области законопослушной деятельности (практический аспект);

– опыт применения знаний, норм, ценностей и идеалов, умений и навыков для

профилактики и преодоления коррупционных и коррупционно опасных проявлений в социальной жизни и профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел (опытный аспект).

В свою очередь, православное нравственное богословие занимается «...изучением всего того, что происходит на внутреннем горизонте человеческой личности и что ориентирует человека в осуществлении правильного выбора в области нравственных смыслов и ценностей» [5, с. 5]. При соотношении предмета православного нравственного богословия с научным знанием очевидно, что оно является богословским синтезом концептуальных представлений и духовного опыта, релевантного таким светским наукам, как психология и этика.

Для рассмотрения предмета исследования следует оценить концептуальные возможности православного нравственного богословия по отношению к антикоррупционной компетенции (первая исследовательская задача). В теоретическом отношении решение данной задачи будет осуществлено с учетом выделенных ранее четырех аспектов антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел:

- когнитивного (знания);
- эмоционально-ценностного (нормы, ценности и идеалы);
- практического (умения и навыки);
- опытного (опыт применения знаний, норм, ценностей и идеалов, умений и навыков).

Исходя из предмета православного нравственного богословия, очевидно его значение для изучения норм, ценностей и идеалов личности (мотивационно-ценностный аспект антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел). Может сложиться впечатление, что данный аспект является единственным, где применимы концептуальные возможности православного нравственного богословия.

Но подобное видение носит поверхностный характер в контексте факта наличия двух видов умений и навыков – внешне-предметных и внутриличностных (психолого-этиче-

ских). С учетом данного деления будет обоснованное утверждение актуальности для формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел также умений и навыков, реализуемых во «внутреннем горизонте человеческой личности», которое изучается православным нравственным богословием (практический аспект антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел).

Аналогичная ситуация характерна и для когнитивного аспекта антикоррупционной компетенции. Последний связан с «внутренним горизонтом человеческой личности» как предметом православного нравственного богословия лишь в контексте психологического измерения коррупции. При поверхностном взгляде на проблему это означает, что возможности православного нравственного богословия по отношению к когнитивный аспект невелики. Однако если вспомнить, что в отдельном человеческом сердце проходит главная «линия фронта» по противодействию коррупции, то становится очевидным не просто существование внутриличностных способов противодействия коррупции, но и их особенное значение.

Учитывая тот факт, что концептуальные возможности православного нравственного богословия относятся к первым трем аспектам антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел, то правомерно утверждать и то, что вышеназванные концептуальные возможности относятся и к опытному аспекту антикоррупционной компетенции, который предполагает наличие опыта применения когнитивного, эмоционально-ценностного и практического аспектов. Следует уточнить, что учет только концептуального аспекта проблемы формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел не предполагает обязательного наличия у конкретного сотрудника данного опыта. В концептуальном аспекте важнее принципиальная возможность получения данного опыта.

И в заключение оценки концептуальных возможностей православного нравственного богословия по отношению к антикор-

рупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел следует осмыслить еще один вопрос. Он связан с применимостью богословских положений по отношению к лицам с различной степенью религиозности и в контексте светского характера Российской Федерации. Действительно, то, что с удовольствием воспримут воцерковлённые и с пониманием – «традиционалисты» в православии, едва ли найдет поддержку атеистов, а также представителей других конфессий в многоконфессиональном российском государстве.

Однако для окончательного ответа на вопрос о ценности православного нравственного богословия в контексте формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел следует понимать две особенности его применения в анализируемом контексте. Во-первых, в данной статье обсуждаются лишь концептуальные основы православного нравственного богословия, которые рассматриваются только как один из элементов обоснования формирования антикоррупционной компетенции, а не концептуализация образовательного процесса исключительно на основе православного богословия. Во-вторых, преобладание этико-психологического измерения в православном нравственном богословии заметно смягчает остроту вопроса не только о клерикализации образовательного процесса, но и о возможности применения рассматриваемых богословских представлений по отношению к представителям иных конфессий.

Этический характер тибето-монгольского буддизма и суннитского ислама как мировых религий, а также сильная этическая составляющая в ортодоксальном иудаизме как одном из направлений иудаизма как национальной религии являются объективной основой для потенциально конструктивного восприятия концептуальных положений православного нравственного богословия. Сказанное не предполагает экуменистического слияния всех религий страны под эгидой православия или манипулятивной христианизации колеблющихся представителей иных конфессий. Применение пред-

ставлений православного нравственного богословия предполагает открытую опору на данные положения. В результате они – в силу их этико-психологического характера – окажутся близкими и понятными для большинства представителей традиционных конфессий Российской Федерации, многие из которых осмысливают религиозное многообразие страны в формуле «Бог един».

Теперь следует выделить основные теоретические положения, позволяющие рассматривать православное нравственное богословие как концептуальную основу формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел (вторая исследовательская задача).

Рассмотрение следует начать с наиболее общих представлений. В онтологическом измерении человек в православном нравственном богословии рассматривается как целостная личность и одновременно носитель трех начал – естественного, разумного и Божественного; названные начала связаны с тремя соответствующими им сферами бытия – природной, социально-культурной и религиозной [5, с. 4]. В этико-психологическом измерении человеческая личность в православном нравственном богословии наделена даром свободы, на основании которого осуществляет нравственный выбор, ценностную ориентацию и реализацию смысла собственного существования [5, с. 4]. Интересно отметить, что соответствующие названным действиям элементы нравственного сознания в православном нравственном богословии (норма – ценность – благо) [5, с. 4] практически совпадают с триадой «нормы – ценности – идеалы», которая в данной статье раскрывает содержание мотивационно-ценностного аспекта антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел. Частичное расхождение в последнем пункте – при сохранении смысловой близости – объясняется использованием терминологии, принятой в светской литературе. Таковы общие представления православного нравственного богословия о человеческой природе и способах существования человеческой личности.

Для обеспечения системности изложения требуется рассмотреть представления православного нравственного богословия, наиболее подходящие для аспектов антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел. Ограниченные рамки публикации и ее постановочный характер обуславливают выбор наиболее значимых аспектов.

Начнем с *когнитивного аспекта*, который содержит знания о мире и человеке в нем. На основе проведенного ранее анализа получен вывод о существовании и значении внутриличностных способов противодействия коррупции. В данном контексте будет обоснованно опираться на православно-нравственное учение о четырех способностях, обеспечивающих подготовку к богоугодной жизни, к которым относятся:

- ум как познавательная сила души в двуединстве рассудка и разума;
- воля как желательная сторона души, которая стремится к добру и отвращается от зла;
- сердце как чувствующая сила души, корень и центр жизни, средоточие всех сил отдельного человека;
- телесные силы как орудие души и единственный способ проявления человека в материальном мире [6, с. 235 – 402].

Эмоционально-ценностный аспект, включающий в себя нормы, ценности и идеалы, имеет наиболее очевидные связи с православным нравственным богословием. Последнее объединяет учение современной психологии об эмоциональной жизни человека (чувства – аффекты – страсти – настроения) [5, с. 46 – 47] с ее христианским пониманием, которое рассматривает эмоции во взаимосвязи с разумом и волей. Человек поступает неправильно не по факту возникновения эмоции, а лишь при согласии с нею воли и разума. Соответственно, «ответственность предполагается в том случае, когда разум одобряет эмоцию, а воля осуществляет ее свободное проявление» [5, с. 52]. В контексте исследования предмета статьи интересны представления о трех видах эмоций, способных сыграть отрицательную роль в жизни человека:

- неупорядоченные чувства, намеренно желанные и подтвержденные омраченным разумом и злой волей;
- неупорядоченные чувства, не являющиеся намеренно желанными, но возникшие при ослабленном контроле разума и воли;
- стихийные чувства, превышающие возможности контроля со стороны воли и разума [5, с. 52].

Во всех трех случаях человек несет нравственную ответственность за проявления собственной эмоциональной жизни.

Самоконтроль эмоциональной жизни личности, необходимость которого обосновывается в православном нравственном богословии, связан с *практическим аспектом* антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел, к которым относятся умения и навыки, реализуемые во «внутреннем горизонте человеческой личности». Главным из них в православном нравственном богословии является совесть как «...выражение всего нравственно-психологического функционирования личности...», объединяющего «...участие ума, чувства и воли» [5, с. 75]. Фактически это означает, что совесть существует в трех измерениях: «...как нравственное сознание, как нравственное переживание и как волевую способность личности в ее стремлении к нравственной самоактуализации» [5, с. 75]. Необходимо уточнить позицию: совесть и в светских, и богословских определениях традиционно рассматривается как вид способности. Но поскольку эта способность тренируется и потенциально способна к деградации, то правомерно рассматривать ее как своеобразное внутриличностное умение, потенциально способное переходить в навык.

Наконец, *опытный аспект* (опыт применения знаний, норм, ценностей и идеалов, умений и навыков). Данный аспект в православном нравственном богословии предполагает активное содействие собственного спасения, упражнение в добре телесных и духовных сил человека, своего рода «духовная забота о себе» [9]. Интегральным результатом данного процесса является трезвение

как духовное бодрствование, сохранение чистоты души и помыслов [10].

Подведем итоги. Проведенный в статье анализ носит постановочный характер и по определению не претендует на полноту и концептуальную завершенность полученных выводов. Однако даже в представленном варианте очевиден созидательно-творческий потенциал православного нравственного богословия, реализуемый на уровне личности. Данный потенциал не только возможно, но и целесообразно использовать в контексте формирования антикоррупционной компетенции сотрудника

органов внутренних дел, ведь этико-психологические проблемы имеют решающее значение для формирования рассматриваемой компетенции. Размышляя о перспективах исследования, будет логичным предположить, что представления православного нравственного богословия об активной роли человека в построении собственной жизни и ответственности за нее способны обеспечить наиболее гармоничное вовлечение потенциала отдельной личности в экономические, социальные и политические процессы противодействия коррупции в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омелин В. Н., Астишина Т. В. Особенности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 3 (81). С. 25 – 31.
2. Стебенева Е. В. Преступления коррупционной направленности сотрудников органов внутренних дел // Уголовная политика, уголовное законодательство: правоприменительная практика: сборник научных статей / под ред. В. И. Тюнина. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 108 – 111.
3. Яковлева Н. Г. О некоторых особенностях выявления и расследования должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4. С. 75 – 82.
4. Олесницкий М. А. Нравственное богословие или христианское учение о нравственности. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1892. 289 с.
5. Платон (Игумнов), архимандрит. Православное нравственное богословие. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 240 с.
6. Шиманский Г. И. Нравственное богословие. Киев: Общество любителей православной литературы; Издательство имени свт. Льва, папы Римского, 2010. 679 с.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34 – 42.
8. Компетентностный подход в подготовке кадров в области гуманитарных технологий / Под ред. В. Г. Зарубина, Л. А. Громовой. СПб. : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2007. 511 с.
9. Фаворов Назарий, протоиерей Очерки нравственного православно-христианского учения. Киев : типография Киево-Печерской Лавры, 1864. С. 58 – 89.
10. Коржевский Вадим. Глава 7. О бодрствовании и трезвении // Лекции по нравственному богословию. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vadim_Korzhevskij/lektcii-po-nravstvennomu-bogosloviyu/#0_7 (дата обращения: 15.08.2020).

© Долин В. А.

УДК 355.231.1:[371.12/.13:061/2](470)

М. Р. ИЛАКАВИЧУС, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук (г. Санкт-Петербург) ORCID: 0000-0003-4706-2877

M. R. ILAKAVICHUS, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogy (St. Petersburg) ORCID: 0000-0003-4706-2877

П. В. СЕЛИН, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по работе с личным составом) (г. Уфа)

P. V. SELIN, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for work with personnel) (Ufa)

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВА
ВОСПИТАТЕЛЕЙ В НЕПРЕРЫВНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
СОТРУДНИКОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СУВОРОВСКИХ
ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ МВД РОССИИ**

**THEORETICAL BASES FOR THE DEVELOPMENT OF A COMMUNITY OF
EDUCATORS IN CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION OF EMPLOYEES
AND PEDAGOGICAL WORKERS OF THE SUVOROV MILITARY SCHOOLS OF
THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. Статья посвящена проблеме методологического обновления организации непрерывного профессионального образования сотрудников и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России. Руководствуясь принципом гуманизации образовательного процесса, на основании гуманитарно-антропологического подхода авторы обосновывают исследовательский потенциал понятия «сообщество воспитателей». Это понятие актуализирует представления о феномене, описываемом с помощью традиционного понятия «педагогический коллектив». Сообщество воспитателей – объединение воспитывающих взрослых, движущихся к осознанному занятию позиции воспитателя в индивидуальном темпе непрерывного профессионального образования. Диалоговая среда позволяет приходиться к консенсусу по поводу миссии, значимых для профессии служения ценностей культуры и личностных смыслов воспитательной деятельности в Суворовском военном училище. Сообщество воспитателей выступает как групповой субъект воспитания, объединяющий взрослых с разным жизненным, профессиональным и педагогическим опытом и арсеналом воспитательных методов гуманистической направленности. Это разнообразие позволяет воспитанникам увидеть многообразие позитивной самореализации в профессии, которую они выбрали.

Ключевые слова и словосочетания: непрерывное профессиональное образование, суворовские военные училища МВД России, гуманизация, гуманитарно-антропологический подход, сообщество воспитателей, воспитательное пространство.

Abstract. The article is devoted to the problem of methodological renewal of the organization of continuous professional education of employees and pedagogical workers of the Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Guided by the principle of humanization of the educational process, on

the basis of a humanitarian and anthropological approach, the authors substantiate the research potential of the "community of educators" concept. This concept actualizes ideas about the phenomenon described using the traditional concept of "teaching staff". The community of educators is an association of educating adults who are moving towards the conscious occupation of the position of an educator at the individual pace of continuous professional education. The dialogue environment allows us to come to a consensus about the mission, cultural values and personal meanings of educational activity that are significant for the profession of service at the Suvorov Military School. The community of educators acts as a group subject of education, uniting adults with different life, professional and pedagogical experience and an arsenal of educational methods of a humanistic orientation. This diversity allows pupils to see the diversity of positive self-realization in the profession they have chosen.

Key words and phrases: *continuing professional education, Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia, humanization, humanitarian and anthropological approach, community of educators, educational space.*

Российское общество на рубеже веков столкнулось с нарастанием рисков дегуманизации, превалирования эгоистической позиции, нивелированием общинного начала, являющегося основой всех исторических свершений. Реакцией на длительную идеологизацию образования стало фактическое самоустранение государства из сферы воспитания, что в совокупности с трагической сменой ценностных ориентиров крайне негативно сказалось на состоянии человеческого потенциала страны. Сегодня педагогическое сообщество в целом говорит о том, что не имеет полноценного и достаточного представления о «поколении Z», что влечет трудности в установлении воспитательного взаимодействия. С другой стороны, годы забвения приоритетности воспитания на государственном уровне повлекли ощутимые дефициты в подготовке выпускников педагогических вузов. В систему образования приходят представители поколения, не знавшего практик дворового детства, лагерных пионерских смен, реальных коллективных дел. Нередки случаи, когда молодые педагоги сознательно отказываются от выполнения воспитательных функций, считая себя «предметниками». Это не значит, что воспитательная деятельность в постперестроечные времена прекратила свое существование. Это значит, что во многом потерял мощный потенциал социального института. Сегодня мы являемся свидетелями возвращения государства и общества в эту сферу, острота проблемы определила

управленческое решение ввести специальную должность – советник по воспитанию. Однако понятно, что нужны системные усилия, консолидация всех конструктивных сил и традиций, новые подходы, адекватные указанным выше вызовам. Главные ориентиры-принципы поисков – заявленные уже как 30 лет назад гуманизация и гуманитаризация образования. Их реализация важна для образовательных организаций силовых ведомств России в большей степени, чем для других.

Институциональным ответом на указанные выше вызовы является непрерывное профессиональное образование, современное представление о котором выражается в триаде формального, неформального и информального его видов. Эта триада позволяет моделировать адекватную реальности непрерывность. «Преемственная связь между отдельными ступенями и их интеграция в единое целое достигаются посредством надлежаще построенного неформального и информального образования, они же обеспечивают человеку свободу познавательной активности и выбора» [1, с.95]. Многообразие практик неформального образования сегодня признаны эффективным средством восполнения разного рода профессиональных дефицитов в силу оптимальности предлагаемого в них соотношения «форма-время-результат».

Воспитательная система образовательных организаций МВД России в меньшей степени была подвержена деконструкции

в силу волевого сохранения системообразующих ценностей. Суворовские военные училища МВД – преемники прекративших свое существование в 1960-х гг. СВУ войск НКВД СССР, а также дореволюционных кадетских корпусов, продолжили лучшие традиции воспитания: равнение на высокие идеалы воинского служения народу во имя сохранения законности и правопорядка, формирование и развитие братства как основы взаимопомощи, нацеленность на воспитание лидера воинского коллектива, защитника сограждан. Понятие служения имеет глубокие культурные корни, обусловленные христианской традицией: «работа от служения отличается тем, что человек работающий имеет право и возможность заниматься еще многими другими делами. А человек служащий не имеет такого права – всё, что он делает, всё, о чем он думает, всё, к чему он направляет волю, должно быть связано с благом народа» [2]. В этой сфере крайне важно удержание смысла братства, нравственного отношения к согражданам, товарищам, начальникам, подчиненным и Отечеству, что ставит на первое место по потенциалу личный пример старших. Специфика деятельности полицейского состоит в том, что исполнение служения происходит в неизмеримо большей мере не в вестеринизированной сериальной индустрией псевдореальности со стрельбой и погонями, а в ежедневной рутине взаимодействия с гражданами, ищущими защиты, с одной стороны, презируемыми общепринятые нормы, с другой. Именно поэтому служение в области закона и порядка очень чувствительно к общим тенденциям дегуманизации и нацеленности на быструю наживу, оно испытывает влияние ревизионистских настроений, навязывающих служению смыслы насилия, антинародности, что несет риски социального недоверия, разобщения, дестабилизации.

Воспитание человека служения требует особого внимания абсолютно ко всем параметрам воспитательной системы, в первую очередь, к штатному составу образовательной организации. Столкнувшись с описанными выше общими для всего образования

России негативными социокультурными факторами периода исторического перелома, СВУ МВД России испытывают влияние еще одного, внутреннего фактора. В них воспитывающие взрослые – и сотрудники (не имеющие базового педагогического образования, непрофессиональные педагоги), и педагогические работники (с потенциальными рисками, указанными выше). Проблема установления продуктивных отношений между ними, позволяющих достигать высоких воспитательных результатов, остается актуальной областью педагогических изысканий, системообразующим понятием которых является «педагогический коллектив». С его помощью исследованы и описаны аспекты развития объединения взрослых: условия для взаимодействия управленческих и исполнительных кадров, сохранения психологического здоровья педагогов, развития субъект-субъектных отношений в педагогической деятельности, в том числе в образовательных организациях МВД России. Этому посвящены работы И. В. Вачкова, Л. Т. Бородавко, А. В. Буданова, О. М. Боевой, Н. С. Дежниковой, В. В. Закатова, В. Я. Кикотя, В. Л. Кубышко, И. А. Латковой, А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк, И. С. Скляренко, М. П. Стуровой, Ю. Ю. Тарасова, А. А. Федотова, В. И. Хальзова, Н. В. Ходяковой, О. В. Хухлаевой. Однако описанная выше специфика современной социокультурной реальности, требующая больших, чем ранее, усилий для удержания высоких ориентиров отечественной культуры в сфере служения, активизирует поиски понятия, которое позволяло бы посмотреть на проблему в модернизированном ракурсе и найти новые ресурсы. Таким потенциалом обладает понятие «сообщество воспитателей». Обоснуем данное утверждение.

Понятие есть концептуальное описание исследуемого феномена, обусловленное определенной методологией, что позволяет использовать его для поиска решения актуальных проблем. Для воспитания важнейший фактор – среда, определяющая становление и развитие человеческого потенциала в конкретном индивиде. Каждая историче-

ская эпоха накладывает свой отпечаток на представления о ее качестве. На протяжении последних ста лет мы видим появление разных терминов, пополняющих тематический типологический ряд. При этом действует принцип дополнительности: новые термины не исключают устоявшихся, они расширяют представление об этом феномене. Первым в полной мере основанным на научных представлениях и успешно используемым в проектировании воспитательного процесса является понятие «коллектив».

Термин «коллектив» ведет свою историю от лат. *collido* – объединяю. Наличие общественно значимых целей, общих ценностных ориентации, совместная деятельность, общение – основные элементы смысла современного понятия, о чем свидетельствуют работы, посвященные исследованию динамики его использования (А. Д. Глоточкин, О. И. Зотова, Е. С. Кузьмин, В. С. Лазарев, В. В. Новиков, А. В. Петровский, К. К. Платонов, А. А. Русалинова, Л. И. Уманский, П. М. Якобсон). У понятия «педагогический коллектив» вековая история, что отразилось в его семантике настолько, что помимо основного значения, оно имеет коннотацию, диссонирующую с современными представлениями о социальности и воспитании.

Классические представления о феномене сложились в 20–30-е гг. прошлого века, что отражено в работах Н. К. Крупской, С. Т. Шацкого, В. Н. Сорока-Росинского и, конечно, А. С. Макаренко. Главным отличием педагогического коллектива от всех прочих производственных коллективов изначально отмечалась его специфическая функция – воспитание. Смысловое поле понятия советского периода было задано коммунистической идеологией. Так, развивая идеи К. Маркса, высказанные в работе «Наемный труд и капитал», А. В. Луначарский неоднократно описывал воспитательный коммунистический идеал – коллективист, жизнь которого ориентируется светлым «завтра» и определяется интересами общества. На долгие годы в качестве одной из важнейших проблем в педагогике стал вопрос формирования личности в коллективе

и через коллектив. В специальной литературе с тех пор коллектив рассматривался как наивысшая стадия развития группы – от случайного объединения до гармоничного взаимодополнения, его отличали ясная структурная организация (каждый на своем месте) и внутренне мотивированная, лично принятая согласованность действий ради осуществления общей цели (В. С. Лазарев).

Идеологическая перегруженность понятия укоренена в непримиримом послы революционного поколения, озвученном Н. К. Крупской. Хрестоматийны ее указания коллективу учителей, стремящихся к созданию образцовой, новой школы «сплотить педагогические силы», «идти плечом к плечу, действовать более спаянно» [3, с. 98]. С другой стороны, со времен А. С. Макаренко, помимо этого, понятие несло и глубокий нетривиальный смысл («инструмент прикосновения к личности», «гимнастический зал» для социально-педагогических упражнений). Этот его потенциал был использован в трудах В. А. Сухомлинского, Т. Е. Конниковой, В. А. Караковского, В. А. Кан-Калика и др. гуманистически ориентированных ученых и практиков. Развитие этого потенциала мы видим в работах, посвященных проблемам сплочения, способов стимулирования общей деятельности, способов групповой саморефлексии, соотношения взаимосвязанности и взаимозависимости участников (Л. Я. Гордин, М. П. Шульц, Н. Е. Щуркова). Идеальный образ педагогического коллектива, принадлежащий А. С. Макаренко, процессуален: он должен иметь свою историю – историю развития, самосовершенствования в освоении системных психолого-педагогических знаний, в сочетании доверия и требовательности. Эти аспекты смысла понятия делают его актуальным и поныне.

Но, помня о негромкой смысловой линии гармонического взаимодополнения общественного и личного, отметим несомненный перекокс мыслетворчества и порождаемой им практики советского времени в сторону давления коллективного на личностное. На излете эпохи застоя все громче стали звучать призывы теоретиков и практиков к

осуществлению демократического развития педагогических коллективов, отказу от авторитарности и упрощенной однозначности. Пример – знаковая диссертация Н. С. Дежниковой «Педагогический коллектив средней общеобразовательной школы как субъект воспитания». «Предшествующий опыт общественного развития в сознании каждого человека утвердил приоритет общественных ценностей, общественных дел и общественных идеалов. Своеобразная модель коллективной, массовой жизни нашла свое отражение и широкое воплощение в педагогической практике, что определило командно-административный стиль взаимодействия и взаимоотношений в педагогическом коллективе» [4, с. 42]. На идеологические перекосы в воплощении в педагогической реальности упрощенных представлений о сущности коллектива указывает академик М. М. Поташник [5, с. 198].

На рубеже веков идея коллективизма уступила место идее индивидуализации, в гуманитарной сфере основным педагогическим ориентиром стала поддержка личности в выявлении и развитии ее уникальности, неповторимости. Однако онтология не изменилась: взаимодействия в социальной среде есть фактор развития конкретной личности и общества в целом. «На современном этапе приоритет получила модель коллектива, складывающаяся из взаимодополняющего многообразия индивидуальностей, а не унифицированных индивидов... Сегодня есть смысл говорить о социально-личностной концепции развития общества, где коллектив выступает инструментом развития личности, где интересы личности и коллектива не противопоставляются, а интегрируются и гармонизируются» [4, с. 43]. Таким образом, мы видим изменение системообразующего свойства самого явления действительности в части характеристики пространства «между» участниками. Это изменение определило поиск адаптированных к новым реалиям подходов и, соответственно, адекватной терминологии. Так в 1990-х гг. оформилась концепция открытой, гибкой, синергичной воспитательной системы – воспита-

тельного пространства и производящих его сообществ/общностей (Л. И. Новикова, Х. И. Лийметс, А. Т. Куракин). Чуть позже коллектив и сообщество стали использоваться параллельно, но не рядоположенно. Показательно, что член научной школы Л. И. Новиковой П. В. Степанов в 2002 г., давая толкование понятию «педагогический коллектив», указывал на обязательное наличие в истинном коллективе черт сообщества (в целях и ценностях) [6, с. 27]. А 10 лет спустя в монографии членов этой научной школы использовалось понятие «общность», синоним «сообществу» [7]. Еще одно направление категориальных поисков того же периода связано с освоением отечественной педагогикой идеи «человеческого капитала», практик бизнес-образования. Были предложены понятия «команда» и «корпорация».

Так, командой М. М. Поташник видит «добровольное сообщество автономных, суверенных, развитых личностей, исповедующих одинаковые или близкие ценности и связанные отношения взаимодействия, сотрудничества, солидарности, где каждый оберегает автономию другого, считая ее ценностью» [5, 198], акцентируя наличие суверенного пространства «между». Обратим внимание на используемые слова, знаковые для отечественной культуры и диссонирующие с ценностным основанием бизнес-модели: «исповедующих», «сотрудничество» (далее – «соратники»). На наш взгляд, этот диссонанс объясняется тем, что исследуемый феномен, описанный такими понятиями, уплощается и упрощается, искомое свойство ускользает от понимания, а, значит, и от проектирования практик.

Оно (свойство педагогического коллектива, адекватное новым реалиям) было обр-азно переосмыслено в фактически первой в Новой России попытке переименования исследуемого феномена. Гуманисту Е. А. Ямбургу принадлежит метафора «педагогический ансамбль» [8]. Каждый педагог профессионально ведет свою законченную линию-мелодию, но ожидаемый результат определяется ее соразмерностью общему замыслу («педагогической партитуре») и

согласованностью, общим со-вниманием и принятием лидера. Эта метафора концентрированно хранит смыслы совместного со взрослеющим проживания ценностей культуры, их передачи самыми естественными средствами – личным поведением (телесными практиками), рутинным действием (практики повседневности). Однако метафора не стала понятием. Ее смыслы аккумулярованы в «сообществе», пришедшем в педагогику из антропологии, урбанистики, социологии в ходе освоения концепции непрерывного образования. Насущная необходимость межличностного пространства в объединениях образовательной сферы, паритета автономности и со-гласия определили актуальность понятия в новой области проектирования образовательных экосистем. В гуманитарно-антропологической методологии оно получило еще определение, в совокупности с которым описание актуального свойства объединения окончательно оформилось в «со-бытийном сообществе/общности» (В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев).

Как мы указывали выше, в педагогической литературе имеются два синонима – сообщество и общность. Обоснованию его включения в педагогический тезаурус посвящены работы М. Р. Илакавичус. Выбор варианта «сообщество» и глубинные смыслы описаны в них следующим образом: «Мы следуем логике этимологии: корень называет общее (опосредованно – общение как некий механизм нахождения общего); приставка со- схватывает собирание как процесс и результат... Уникальные отношения, являющие себя в сообществе, дают возможность участнику понять значимость другого... Это не означает, что все участники размышляют «в одну сторону», но каждое мнение, каждый выбор важны... В подобных отношениях нет иерархии, «элит» и «маргиналов». Они, если бывают когда-либо испытаны, становятся эталонами человеческих отношений вообще» [9, с. 71]. Это и есть со-бытие, то есть совместное бытие, постижение значимых для личности и культуры смыслов, постепенное нелинейное продвижение от роли наставляемого к роли

наставника в разных сферах. Основываясь на традиции французской философии середины 20 века (Ж.-Л. Нанси, М. Бланшо, Ж. Батай), а также на философии традиции в образовании М. В. Захарченко, М. Р. Илакавичус определяет свойство сообщества, значимое для гуманитарно-антропологических исследований в воспитании: совмещение двух нелинейных процессов – профессионально-личностного развития в индивидуальном для каждого взрослого темпе, аспекте (развитие субъектности – занятие позиции воспитателя) И за счет этого развитие всего объединения, ориентированного осознанными общими целями (сообщество воспитателей). Этот эффект описан в трудах Э. В. Ильенкова: развитие личности происходит там, где результат ее деятельности волнует окружающих, действительно касается каждого из них [10]. У участников сообщества имеется общее направление (не идентичное) представлений о прошлом и будущем, они осознанно занимают авторскую позицию, что позволяет осуществлять и личностному каждого (достаточное для автономии пространство «между»), и общему развитию (взаимообогащение в рефлексивной среде людей разного опыта). В идеале отношения в сообществе основываются на «бытии-себя-в-другом» при удержании личностной дистанции между участниками этого совместного бытия. Эти отношения в силу отсутствия давления друг на друга или всех на каждого способствуют формированию заинтересованности друг в друге по причине сосуществований разных опытов, что активизирует рефлексию, побуждающую к самоопределению, творческому поиску. Главный социально значимый «продукт» деятельности сообществ в воспитании – формирование и трансляция межпоколенного доверия благодаря «многоканальности» передачи (взрослые, занявшие позицию воспитателя с разным опытом, из разных сфер реальности), предъявление подрастающему поколению образца истинно человеческих отношений взаимовыручки, равнодушия в сообществе воспитывающих взрослых. [11]. Именно поэтому сообщества – культу-

росообразная воспитательная среда.

Классическое представление о взаимосвязи субъектов в воспитательной системе определило следующую иерархию понятийного поля: иерархически первое понятие обозначает всю совокупность субъектов воспитания, его состав раскрыт в понятиях второго уровня. Например, «коллектив школы» включает «педагогический коллектив» и «детский коллектив/коллектив». По аналогии складывается и структура понятий гуманитарно-антропологической направленности. В современном дискурсе о воспитании термин «воспитательное сообщество» используется для обозначения совокупности сообщества воспитанников и сообщества воспитателей.

Для реальности СВУ МВД использование понятия «сообщество воспитателей» имеет инструментальную ценность в удержании гуманистического ориентира в воспитательной деятельности. Напомним знаковое исследование Г. А. Стрюковой, в котором автор обосновала необходимость гуманизации «в силу наличия дегуманизирующих факторов, связанных с закрытым характером и военной профессиональной направленностью обучения и воспитания», что оценено как «жесткие» воспитательные системы. Их специфика раскрыта Г. А. Стрюковой как сочетание несочетаемого, как гуманистическая авторитарная система, сочетающая организационную иерархию и гуманистический стиль отношений [12, с. 2]. Гуманитарно-антропологическая методология органично описывает характерный для сферы служения небыстрый переход от роли наставника к роли наставляемого в постепенном продвижении от послушания к руководству другими как закрепленный в историко-культурной традиции способ осуществления человека культуры. С помощью понятия «сообщество» фиксируется степень межличностной дистанции, позволяющей реализовать и индивидуализацию (внимание к другому, интерес к его продвижению, помощь), и нацеленность на личностное развитие в ориентации на идеал служения отечественной культуры (воспро-

изводство иерархии авторитета при другодоминантности вне зависимости от возраста). Этот особый стиль един для взаимодействия между воспитывающими взрослыми и между взрослыми и воспитанниками.

Эффективность сообщества воспитателей достигается в организации их непрерывного профессионального образования во всей полноте современного представления о нем, то есть в такой конструкции образовательного пространства, которая задает условия для неформального и информального образования, нацеленного на устранение дефицитов в области знаний и опыта в воспитательной сфере у профессиональных и непрофессиональных педагогов, одновременно развивая сообщество воспитателей как коллективного субъекта. Еще один важный параметр – сохранение баланса между общекультурной составляющей, нацеленной на формирование гуманистического мировоззрения непрофессиональных педагогов, на занятие ими позиции воспитателя, и знаниевой, восполняющей дефициты в области современной педагогики. Адекватная поставленной задаче среда содержит локации для реализации всех разновидностей обеих составляющих. В ней должны быть представлены и методы гуманитарно-антропологической методологии, разворачивающие организационно-педагогические условия развития потребностно-мотивационной и ценностно-смысловой сфер жизнедеятельности человека, удержания в содержании образования высших смыслов бытия. К ним отнесем наставничество, антропопрактики (педагогические практики культивирования родовых способностей человека), которые в области профессионального воспитания нацелены на развитие субъектности во взаимоотношениях с другими в ориентации на идеалы отечественной культуры, доминантой которой является обращенность не «в себя», а на Другого. Это особенно важно в воспитательном пространстве Суворовских военных училищ МВД России, где последовательно решаются задачи становления личностного смысла выбранной профессии, освоение культурной нормы проживания в

ее пространстве, построение индивидуального культуросообразного профессионального пути. Антропологическая перспектива профессионального воспитания в этом случае задается ведущей целевой установкой на качество труда, служащего на благо людям и приносящего удовлетворение самому взрослому. Это смыслообразующая, общекультурная составляющая непрерывного профессионального образования в среде училища должна дополняться технологичными современными формами восполнения дефицита в области педагогического образования. К ним отнесем самостоятельную работу в профессиональных сетях, кейс-метод, корпоративное образование творческих групп, персонифицированные маршруты, гибридные форматы.

В контексте описанного выше мы предлагаем следующее толкование понятия «сообщество воспитателей СВУ МВД России». Это объединение воспитывающих взрослых, состоящее из сотрудников и педагогических работников, в котором протекает двулинейный процесс развития, поддерживаемый в непрерывном профессиональном образовании, осуществляемом на основе культуросообразности, диалогности, событийности и сочетающем две содержательные составляющие: мировоззренческую и знаниевую. В нем каждый осознанно продвигается к занятию позиции воспитателя в своем темпе, и все вместе продвигаются к консоли-

дированному пониманию о осуществлении цели воспитания в СВУ, основополагающей ценности служения, сообразных ей методов и средств.

Таким образом, эффективность понятия «сообщество воспитателей СВУ МВД России» в моделировании воспитательного пространства училища определяется установлением более свободной взаимосвязи между его членами, паритета автономности и ценностно-смысловой общности участников воспитательной деятельности. Сообщество воспитателей имеет высокий потенциал в установлении межпоколенной, общекультурной и профессиональной преемственности, в том числе и в СВУ МВД России. Разнородность состава воспитывающих взрослых СВУ МВД России является фактором актуализации рефлексии, диалога, взаимообучения и самообразования. Оно описывает условия, необходимые, с одной стороны, для движения каждого его члена к занятию и развитию собственной позиции воспитателя (в перспективе и авторской), с другой – для осмысленного включения в общее воспитательное дело – консолидированное по целям и разнообразное по способам (в силу индивидуальных профессиональных особенностей, обусловленных индивидуальным образовательным путем участников). Развитие сообщества воспитателей возможно в непрерывном профессиональном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Онушкин В. Г., Огарев Е. И. Образование взрослых: междисциплинарный словарь терминологии. Воронеж, 1991. 231 с.
2. Святейший Патриарх Кирилл. Пребывание на высших должностях – это служение/ Святейший Патриарх Кирилл // Сайт «Православие. Ru». URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=58266> (дата обращения: 12.08.2021).
3. Крупская Н. К. Обучение и воспитание в школе / Н. К. Крупская// Педагогические сочинения в 10 т., Т. 2. М. : Педагогика, 1965. 230 с.
4. Фоменко С. Л. Концепция и модель профессионального становления и развития педагогического коллектива современной школы: дис. ... д-ра пед. наук. М. : МПСИ, 2013. 397 с.
5. Поташник М. М. Сообщество педагогов школы: коллектив или команда? // Народное образование. 2012. № 5. С. 167 – 174.
6. Словарь-справочник по теории воспитательных систем / Сост. П. В. Степанов. М. : Педагогическое общество России, 2002. 33 с.

7. Детская общность как объект и субъект воспитания : монография / под ред. Н. Л. Селивановой, Е. И. Соколовой. М. : ИЦ ИЭТ; ФГНУ ИТИП РАО, 2012. 324 с.
8. Ямбург Е.А. Педагогический ансамбль школы. М. : Знание, 1987. – 80 с.
9. Илакавичус М. Р. Исследование разновозрастных сообществ: философско-культурологический аспект // Человек и образование. 2013. № 2. С. 70 – 73.
10. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 412 с.
11. Илакавичус М. Р. Практики неформального образования для разновозрастных сообществ : гуманитарно-антропологический аспект / М. Р. Илакавичус // Известия ВГПУ. 2014. № 9. С.134 – 140.
12. Стрюкова Г. А. Гуманистический потенциал воспитательной системы суворовского военного училища : дис...канд. пед. наук. – Ульяновск, 2002. 208 с.

© Илакавичус М. Р.

© Селин П. В.

УДК 378.018.43:004.7/.9(470)

В. А. ЛИТВИНОВ, доцент кафедры информатики и специальной техники Барнаульского юридического института МВД России, кандидат физико-математических наук, доцент (г. Барнаул)

V. A. LITVINOV, Assistant Professor of the Chair of Informatics and Special Equipment of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor (Barnaul)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

SOME QUESTIONS OF DISTANCE LEARNING QUALITY ASSESSMENT

Аннотация: Предметом исследования является организация обучения в дистанционной форме. Объектом исследования является система оценки качества усвоения учебного материала обучающимися. Рассматриваются различные подходы к организации дистанционного обучения и влияние их на оценку качества обучения. В качестве одной из основных проблем дистанционного обучения названо предоставление обучающимися работ, выполненных другими авторами. Рассмотрено несколько методик, позволяющих минимизировать использование обучающимися не оригинальных работ. Одним из инструментов, позволяющих минимизировать количество не самостоятельно выполненных работ, является использование компьютерных симуляторов при контроле качества усвоения учебного материала. Поднят вопрос о необходимости повышения юридической ответственности обучающихся за предоставление работ, выполненных другими авторами.

Ключевые слова: дистанционное обучение, оценка качества, аутентификация, тренажеры, подлог, плагиат.

Abstract. The subject of the research is the organization of distance learning. The object of the study is a system for assessing the quality of learning material by students. Various approaches to the organization of distance learning and their impact on the assessment of the quality of training are considered. One of the main problems of distance learning is the provision by students of works performed by other authors. Several

methods are considered that allow students to minimize the use of non-original works. One of the tools that allow minimizing the number of tasks that are not performed independently is the use of computer simulators to control the quality of learning material. The question is raised about the need to increase the legal responsibility of students for providing works performed by other authors.

Key words and phrases: distance education, quality assessment, authentication, simulators, forgery, plagiarism

В конце 20-х годов в научной педагогической литературе появилось множество статей, в которых обсуждаются различные аспекты применения дистанционных образовательных технологий (далее – ДОТ). Особую актуальность обсуждаемые вопросы приобрели в 2020 году в связи с пандемией коронавируса. В значительной части работ обсуждаются преимущества и недостатки ДОТ, по сравнению с классическим контактным проведением занятий [1 – 4].

Приведенные ссылки далеко не исчерпывают список публикаций, в которых в той или иной мере обсуждаются преимущества и недостатки дистанционных образовательных технологий. При этом некоторые утверждения авторов можно отнести к дискуссионным. Основная причина этого видится в том, что не во всех работах описывается, что авторы понимают под использованием информационных технологий в обучении, под дистанционными технологиями. Например, авторы работы [4, с. 77] отмечают: «специалисты ЮНЕСКО дают более узкое определение этой концепции: электронное обучение означает обучение через Интернет и мультимедиа, что переводит этот термин в плоскость одной из разновидностей технологий ИКТ».

Следствием наличия неоднозначного толкования терминов в работах, посвященных дистанционным образовательным технологиям и современным информационным технологиям, являются и выводы, которые в некоторых случаях можно отнести к дискуссионным. Например, некоторые авторы к преимуществам ДОТ относят: «доступ к обширным информационным ресурсам, недоступным во время обычных уроков в традиционном формате обучения» [1]. Представляется, что здесь, скорее всего, стоит вопрос в техническом оснащении аудиторий,

в которых проводятся контактные занятия, а не в различии возможностей контактного и дистанционного методов обучения.

Естественно, если обучающийся нашел возможность дистанционного обучения, то у него имеется доступ к интернет-ресурсам, чего нельзя утверждать про все аудиторные занятия. Но, как показала практика дистанционного обучения в первые месяцы пандемии, не всем обучающимся смогли обеспечить одновременную возможность работы в Интернете. При обсуждении этой возможности мы вновь неявно предполагаем, что дистанционное обучение является аналогом контактного, но только на расстоянии посредством Интернет-коммуникаций. Именно такая технология дистанционного обучения явилась проблемой для многодетных семей или семей, где родители и дети были вынуждены одновременно работать и учиться с использованием компьютеров.

Проблему перегруженности технических средств, используемых в образовательном процессе (мощности серверов, нехватка абонентских рабочих мест в семьях) можно решать, вводя элементы заочного дистанционного обучения. Но, если при традиционном заочном обучении контакт между обучающимся и педагогом был фактически только во время сессии и обмена письмами с контрольной работой и рецензией, то современные технологии позволяют организовать такой контакт ежедневно.

Авторы работы [3] отмечают, что при применении новых инноваций «происходит постепенное накопление опыта, осознание её положительных и негативных проявлений, осмысление границ применения её на практике».

Несомненно, каждый вид организации обучения требует реализации своей методики, подготовки соответствующих учебных

материалов. Например, можно подготовить видеолекции с хорошим качеством и заранее разместить их на учебном сервере. Обучающиеся в удобное время их скачивают, просматривают, а потом в форуме или на вебинаре, являющемся аналогом семинара, обсуждается лекционный материал. Такая методика проведения занятий исключает наличие большой нагрузки на сервер, которая имеется при проведении видеоконференций с большим числом участников, как это бывает во время лекций для большого числа учебных групп. Конечно, такая форма проведения занятия исключает во время лекции прямой контакт лектора с аудиторией, но у обучающегося появляется возможность повторно прослушать отдельные части лекции, выбрать для себя удобное время просмотра лекции.

Представляется, что значительную часть практических занятий в высших образовательных организациях можно также проводить в офлайн режиме. Здесь речь идет в первую очередь о занятиях, на которых обучающиеся должны лично выполнить какое-то задание. При контактной форме проведения таких занятий практикуются разборы решений «у доски», указания преподавателя по ходу выполнения заданий обучающимися. Дистанционная форма предполагает размещение на образовательном сервере подробных методических указаний по решению задачи. Определяется период времени, когда должны быть выполнены соответствующие задания. В этот период времени преподаватель консультирует обучающихся, проверяет задания. Но это не дистанционное проведение занятия по одной теме. В течение недели у преподавателя могут быть назначены, например, четыре консультации, проводимые одновременно по нескольким предметам.

Фактически речь идет о переводе части контактных занятий в самостоятельную работу обучающихся, но выполняемую ими под большим контролем со стороны преподавателя. Эффективность таких занятий во многом зависит от их содержания и контроля. Авторы работы [5] проанализировали отношение обучающихся к самостоятельной

внеаудиторной работе. Отмечается желание студентов получать творческие, но менее трудоемкие задания. Перегруженность обучающихся заданиями отмечается как одна из причин, побуждающих их «оптимизировать» свои трудозатраты.

Перевод части контактных дистанционных занятий в офлайн режиме потребует совершенствования системы контроля качества усвоения обучающимися учебного материала. Задача определения оригинальности и авторства работ, выполненных заочно, существовала давно. Но при классическом заочном обучении итоговая оценка знаний по предмету выставлялась по итогам очного экзамена или зачета. При качественной организации такой аттестации выполнение контрольных работ обучающимся играло только роль некоторого рубежного контроля, по итогам которого обучающийся при помощи преподавателя мог сформировать мнение о степени владения им какой-то части материала по предмету.

При использовании дистанционной аттестации одним из определяющих объективных факторов становится определение авторства письменной работы. Для курсовых работ, рефератов распространенным стал метод проверки на оригинальность при помощи системы «Антиплагиат». Не обсуждая преимущества и недостатки этой системы, отметим, что она предназначена для определения степени оригинальности работы, но авторство оригинальной работы остается открытым. И даже при устном удаленном контактном экзамене с использованием веб-камер остается открытым вопрос присутствия посторонних участников экзамена за кадром.

Представляется, что при современном уровне технического и методического обеспечения дистанционных экзаменов у преподавателя нет возможности полностью исключить посторонней помощи экзаменуемому. В связи с этим сертификация результатов дистанционного обучения должна содержать элементы очного экзамена. О необходимости применения различных форм контроля говорят авторы работы [3]: «... для

контроля необходимо использовать различные формы и методы, позволяющие отслеживать все формы учебной активности и тем самым компенсировать отсутствие личного контакта».

Во многих учебных заведениях при дистанционном обучении используется система управления учебным контентом Moodle. Следует отметить, что данная система предоставляет широкий набор инструментов за контролем качества усвоения учебного материала. Например, в работе [6] обсуждается применение системы дистанционного образования Moodle при обучении студентов заочного обучения иностранным языкам. Представляет интерес описанная в работе система контроля качества знаний. Итоговая оценка по блоку выставляется как результат перевода текста, обсуждения видеоролика, комментария к цитате, написания эссе и теста по словарному набору. При широком варьировании заданий вероятность оригинальности работ существенно возрастает. Комплексные задания не являются единственным способом повысить оригинальность работ.

Авторы работы [7] отмечают, что существует несколько косвенных критериев оценки авторства контрольной работы обучающегося при использовании системы дистанционного обучения Moodle. Во-первых, система позволяет построить и отследить образовательную траекторию обучающегося. Во-вторых, показателем глубины проработки учебного материала является время работы обучающегося с материалами ресурса. При этом сами же авторы отмечают, что возможно некоторые обучающиеся предпочитают скачивать учебные материалы, работать с ними посредством другого инструментария либо распечатывать и работать с бумажными ресурсами.

Представляется, что информация о «траектории» обучающегося, время, потраченное им на изучение той или иной темы, могут быть использованы преподавателем для совершенствования учебного курса, но не должны быть критерием качества усвоения материала. Качество выполнения кон-

трольных заданий – единственный критерий усвоения учебного материала. Отметим сразу, что при дистанционном контроле полностью исключить непосредственное участие третьих лиц в выполнении контрольных заданий невозможно. Поэтому рассмотрим два этапа контроля.

Первый этап – это текущий контроль и часть промежуточных аттестаций. Для уменьшения степени участия третьих лиц при выполнении контрольных заданий необходимо использовать большие банки заданий. Пусть задания в этих банках будут отличаться на 5–10 %, но они могут встретиться в любой части задания. Желательно контрольную работу проводить всему потоку в одно время с фиксированным контролем времени. Отметим, что даже в этом случае возможна «помощь» однокурсников. Эту помощь можно уменьшить, если в присылаемые на проверку результаты контрольной работы будут включены IP-адрес компьютера, на котором выполнена работа. Имеется в виду, что сама работа и IP-адрес формируются автоматически и направляются на проверку, например, в PDF-файле.

Существенную помощь преподавателю в оценке самостоятельности выполнения задания обучающимся могут оказать компьютерные симуляторы [8]. С одной стороны, использование компьютерных тренажеров позволяет сделать процесс обучения наглядным и интерактивным, а с другой — компьютерный тренажер позволяет отследить всю цепочку действий обучающегося в привязке к компьютеру и времени выполнения задания. Одним из результатов выполнения задания может быть PDF-файл, формируемый тренажером.

Механизм контроля посредством формирования PDF-файлов, содержащих IP-адрес и время выполнения работы, применим и для отслеживания повседневной работы обучающихся. Инструментарий, формирующий PDF-файл, включает в него также в зашифрованном виде IP-адрес компьютера и дату со временем формирования файла. Это исключает возможность тиражирования одной работы с разными выходными данными.

Как уже отмечалось ранее, описанный механизм контроля не позволяет исключить выполнение работы третьим лицом, но в течение семестра обучающийся должен выполнить более десяти таких работ в фиксированное время по расписанию. Это будет являться дополнительным барьером для привлечения к выполнению работ посторонних участников. Кроме этого, обучающийся будет учитывать, что речь идет о текущем контроле. Итоговый контроль должен осуществляться с применением дополнительных инструментов определения авторства работы.

Одним из механизмов объективного контроля учебной деятельности обучающегося может быть видеозапись. Такая форма контроля, например, приемлема для контроля уровня физической подготовки, а также других практических умений и навыков обучающегося.

Второй этап – итоговая аттестация. Учитывая важность и ценность объективности оценки, выставяемой на итоговой аттестации, представляется, что итоговая аттестация должна проходить очно, в крайнем случае – в онлайн режиме при наличии веб-камер, позволяющих преподавателю контролировать все действия испытуемого.

Кроме методической проработки содержательной части дистанционных экзаменов и технологии их проведения, значение имеют и юридические последствия, наступающие по результатам таких экзаменов. Представляется, что в российском законодательстве слабо проработан вопрос о

практике использования чужих работ для демонстрации своих знаний и умений. Сотрудники правоохранительных органов должны с особым вниманием рассматривать данный вопрос.

Законодательно ответственность предусмотрена только за нарушения на итоговой государственной аттестации – статья 19.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В 2020 году по этой статье были оштрафованы несколько школьников в Ленинградской области. Штраф составил 3000 рублей. Всего же по данным Рособрнадзора в 2020 году с ЕГЭ было удалено 850 участников, из них 291 – за использование мобильных телефонов, 290 – за шпаргалки. Конечно, удаление с госэкзамена – это потеря. О влиянии на решение «списать» размера штрафа, которым сопровождается минимум фактов удаления, говорить не приходится. О длительных последствиях за выявленные факты списывания во время текущего контроля или промежуточных аттестаций, закрепленных в Российском законодательстве, автору неизвестно.

В то же время в качестве примера можно привести практику канадских вузов, в которых обучающемуся, уличенному в попытках списывания или использования плагиата, может быть сделана соответствующая пометка в дипломе [9]. Представляется, что такая перспектива может существенно сократить практику использования сторонней помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясоедова Д. А. Проблема обеспечения качества дистанционного образования [Электронный ресурс] : сборник тезисов докладов международной научно-практической конференции / под ред. Е. А. Горбашко, 2019. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41546957_14122292.pdf. (дата обращения: 03.09.2021).
2. Горошко Ю. Н. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в современной школе // Развитие образования. 2020. № 2 (8). С. 21–25. DOI:10.31483/r-75624.
3. Минеева О. А., Прохорова М. П., Борщевская Ю. М., Терехина А. Е. Достоинства и недостатки системы управления обучением Moodle с позиции студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2018. Т. 7. № 4(25). С. 162 – 165.
4. Воронушкина О. В., Дашкевич Л. Ф., Подольская О. В. ИКТ в процессе дистанционного обучения иностранному языку: мониторинг эффективности во время самоизоляции // Современный ученый, 2020. № 4. С. 77 – 85.

5. Тихонова О. В., Азизян И. А., Гречушкина Н. В. Пути повышения качества подготовки в высшей школе на основе анализа отношения студентов к внеаудиторной самостоятельной работе // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 98 – 116. DOI: 10.32744/pse.2019.5.8

6. Хатамова С. М. Контроль в процессе дистанционного обучения иностранным языкам студентов заочников [Электронный ресурс]// Ўзбекистонда хорижий тиллар” илмий-методик электрон журнал journal.fedu.uz. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43098360_52926003.pdf. (дата обращения: 03.09.2021).

7. Абдрахманова И. В., Балужева В. А., Лущик И. В. Проблемы качества освоения учебных дисциплин в условиях электронной образовательной среды (на примере использования системы Moodle) // Физическое воспитание и спортивная тренировка, 2019. № 4 (30). С. 119 – 125.

8. Литвинов В. А. Информационное обеспечение организации управления в вузе МВД России. Барнаул : Изд-во БЮИ МВД России, 2008. 296 с.

9. The Effects on Students Who Get Caught Cheating in College // URL: <https://vancouverok.com/posledstviya-dlya-studentov-kotoryh-pojmali-na-spisyvanii-v-kanadskom-kolledzhe>. – (дата обращения: 08.10.2021).

© Литвинов В. А.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процес. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатаются прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация последовательная.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи)</p> <p>в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____</p> <p>Должность: _____</p> <p>Место работы: _____</p> <p>Ученая степень: _____</p> <p>Ученое звание: _____</p> <p>Адрес: _____</p> <p>Телефон для связи: _____</p> <p>E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.</p> <p>Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК УФИМСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**